

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации

**Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования
«Тульский государственный университет»**

16+

ISSN 2071-6141

**ИЗВЕСТИЯ
ТУЛЬСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА**

ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

Выпуск 2

**Тула
Издательство ТулГУ
2022**

Председатель

Кравченко О. А., д-р техн. наук.

Первый заместитель председателя

Воротилин М. С., д-р техн. наук.

Заместитель председателя

Прейс В.В., д-р техн. наук, авторизованный представитель Издательства ТулГУ в РИНЦ.

Ответственный секретарь

Фомичева О. А., канд. техн. наук, авторизованный представитель ТулГУ в РИНЦ.

Члены редакционного совета:

Батанина И.А. д-р полит. наук, – гл. редактор серии «Гуманитарные науки»;

Берестнев М.А. канд. юрид. наук, – гл. редактор серии «Экономические и юридические науки»;

Борискин О.И. д-р техн. наук, – гл. редактор серии «Технические науки»;

Егоров В.Н. канд. пед. наук, – гл. редактор серии «Физическая культура. Спорт»;

Заславская О.В. д-р пед. наук, – гл. редактор серии «Педагогика»;

Качурин Н.М. д-р техн. наук, – гл. редактор серии «Науки о Земле»;

Понаморева О.Н. д-р хим. наук, – гл. редактор серии «Естественные науки».

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Главный редактор

Батанина И.А., д-р полит. наук (ТулГУ, г. Тула).

Ответственный секретарь

Ваховский А.М., канд. полит. наук, авторизованный представитель ТулГУ в РИНЦ.

Члены редакционной коллегии:

Бродовская Е.В., д-р полит. наук (Финансовый университет при Правительстве РФ, г. Москва);

Васильева Н.А., д-р филос. наук (Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург);

Грачев М.Н., д-р полит. наук (Российский государственный гуманитарный университет, г. Москва);

Джанкар-Вебстер Б., д-р филос. наук (Государственный университет штата Нью-Йорк, США);

Домбровская А.Ю., д-р социол. наук (Финансовый университет при Правительстве РФ, г. Москва);

Назарова Е.А., д-р социол. наук (Институт государственной службы и управления РАНХиГС, г. Москва);

Огнева В.В., д-р полит. наук (Среднерусский институт управления РАНХиГС, г. Орел);

Римский В.П., д-р филос. наук (Белгородский государственный институт искусства и культуры, г. Белгород);

Степень-Кучинска А., д-р полит. наук (Лодзинский университет, Польша, г. Лодзь);

Шаронова С.А., д-р социол. наук (Российский университет дружбы народов, г. Москва);

Юрков С.Е., д-р филос. наук (ТулГУ, г. Тула).

Сборник зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). ПИ № ФС77-75990 от 19 июня 2019 г.

Подписной индекс 27844 по Объединенному каталогу "Пресса России".

Сборник включен в «Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук», утвержденный ВАК Минобрнауки РФ, по следующим научным специальностям:

09.00.03 История философии;

09.00.11 Социальная философия;

22.00.04 Социальная структура, социальные институты и процессы;

23.00.02 Политические институты, процессы и технологии;

23.00.05 Политическая регионалистика. Этнополитика (политические науки, социологические науки).

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИНСТИТУТЫ, ПРОЦЕССЫ И ТЕХНОЛОГИИ

УДК 323.2

DOI: 10.24412/2071-6141-2022-2- 3-16

МЕСТО КАК ПАЛИМПСЕСТ СОБЫТИЙ И ИНТЕРПРЕТАЦИЙ В ПОЛИТИКЕ ПАМЯТИ (НА ПРИМЕРЕ МУЗЕЯ «СЛЕДСТВЕННАЯ ТЮРЬМА НКВД»)

А. В. Митрофанова, С. В. Рязанова, Я. А. Пляйс

Авторы используют понятие «палимпсест», изначально применявшееся к рукописям на пергаменте, для изучения политики памяти на примере мемориального музея «Следственная тюрьма НКВД» в г. Томске. Задача исследования заключается в выявлении роли палимпсестного характера мест памяти в процессе создания интегральной, укрепляющей общественную солидарность, версии травмирующих событий прошлого. Использован хронотопический метод обследования музея, а также данные экспертных интервью и материалы сайта. Установлено, что палимпсест музея включает несколько слоев событий травматического характера. Самый ранний отсылает к событиям «Томского погрома» 1905 г., второй связан с убийством священника Игнатия, третий слой - с функционированием следственной тюрьмы, четвертый слой – слом советской социальной структуры в 1990-е годы. Особенностью места-палимпсеста является способность одновременно предъявлять наблюдателю все слои, закрепившиеся в памяти. Экспозиция не только существует в виде элемента палимпсеста, но и сама представляет собой «палимпсест внутри палимпсеста». Авторы приходят к выводу, что, хотя последовательно-нарративное изложение, избегающее многослойности и палимпсестности, лучше способствует закреплению в массовом сознании непротиворечивой версии прошлого, построение последовательных нарративов в условиях множественности акторов, стремящихся влиять на политику памяти, является утопией. Признание и допущение палимпсестного характера сохранения памяти может предотвратить конфликты между акторами, заинтересованными в продвижении своих версий прошлого. В настоящий момент палимпсесты памяти о неоднозначном прошлом создаются стихийно, но государственная политика памяти, построенная на концепции палимпсеста, могла бы сознательно конструировать многослойные, полифоничные места памяти, функционирование которых способствует консолидации различных групп – носителей конфликтующих или дополняющих версий коллективной памяти.

Ключевые слова: палимпсест, хронотоп, политика памяти, мемориальный музей, культурная травма, Томск.

Публикация подготовлена при поддержке Российского научного фонда, проект № 22-28-00836 «Место без времени и время без места: хронотоп «Пермь-36» в контексте конструирования культурной травмы».

Введение. Историческая память устроена сложно: индивиды и коллективы не просто фиксируют в качестве воспоминаний значимые события

социальной и политической жизни. Механизм запоминания связан с точкой отсчета, своеобразным якорем, за который «зацепляются» сюжеты, образы и примыкающие к ним нарративы (повествования). Одним из самых эффективных способов задержать событие в коллективной либо индивидуальной памяти является фиксация памятного места (локуса), не просто закрепляющего информацию, но и концентрирующего набор сопутствующих дат, персонажей и явлений. «Местами памяти» [1] могут быть не только пространственные точки, но также люди, события, предметы, здания, книги, песни и т.д., вплоть до определенных видов пищи. Понимание важности места как точки закрепления произошедших событий играет зачастую решающую роль в реализации политики памяти: закрепление в сознании значимых событий происходит более эффективно при использовании материальных объектов, к которым относится как сам событийный локус, так и помещенные в него элементы мира вещей.

Локус воспоминания/припоминания для воспринимающего субъекта представляет собой не просто очерченное границами пространство, вмещающее в себя один или несколько предметов вещественной природы. Единство места компенсируется наличием множественности событийных слоев и связанного с этим многообразия интерпретаций. Мы полагаем, что, в соответствии с природой памятования, эффективным для характеристики памятных мест является понятие палимпсеста. Изначально оно применялось только к рукописям на пергаменте, материальные характеристики которого позволяют использовать его вторично, соскребая предыдущие записи (при этом сохраняется возможность восстановить и прочесть их). Постепенно основная характеристика палимпсеста – наличие множества слоев – привела к миграции данного понятия в смежные области науки. Первоначально термин «палимпсест» использовался в истории искусства применительно к восстановленным росписям и иконам, затем распространился на архитектуру. Особенно активно понятие используется филологами для изучения многослойных художественных текстов. Из филологии термин переместился в культурологию и пограничные ей исследования социогеокультурного пространства.

Продвижение термина «палимпсест» в социальные и политические науки во многом стало результатом его применения к географическим объектам в рамках культурной (гуманитарной) географии и урбанистики. Географическая трактовка палимпсеста построена на признании множественности значений и репрезентаций пространства и отдельных расположенных в нем объектов [2, с. 32]. В настоящее время сформировалась обширная научная литература о палимпсете городского ландшафта [3-6], а также о многослойном характере сакральных и/или памятных объектов [7-10]. Последние десятилетия термин «палимпсест» интегрирован в политические науки, в частности, в работы о регионах, международных объединениях, политических системах [11-14].

Авторы данной статьи используют понятие «палимпсест» для исследования некоторых аспектов политики памяти, связанных с созданием мемориальных музеев на месте трагических событий, имеющих неоднозначную интерпретацию и являющихся фактором социального разделения. Задача исследования заключается в выявлении роли палимпсестного характера мест памяти в процессе создания интегральной, укрепляющей общественную солидарность, версии травмирующих событий прошлого. В качестве основного метода использовался хронотопический анализ, в рамках которого образы памяти, зафиксированные вокруг места (топоса), группируются в определенном временном (хронологическом) порядке, формируя хронотоп, где многослойность единого места сочетается с параллельным существованием множества времен. И время, и место конструируются людьми как носителями памяти, наделяясь всей совокупностью значений, обладающих вариативной иерархией [15, с. 23].

Термин «хронотоп», сконструированный А.А. Ухтомским, был введен в пространство социально-гуманитарного знания М.М. Бахтиным с целью анализа литературных произведений, но в настоящее время сфера его применения является более широкой. По нашему мнению, одно из важнейших применений понятия хронотопа должно найти в области формирования исторической памяти. Поскольку хронотоп представляет собой формально локализованное образование (в границах территории, события, текста), продуктивным представляется анализ локальных кейсов, позволяющих детально изучить всю совокупность представлений и интерпретаций, а также проследить закономерности их эволюции. В качестве такого кейса выступает музей «Следственная тюрьма НКВД» в г. Томске, который ранее уже становился объектом внимания исследователей [16-17]. Данный объект представляет собой яркий пример воспроизведения в одном помещении с примыкающей к нему территорией цепочки травматических событий досоветской и советской истории с одновременным выходом в виртуальное пространство, расширяющее возможности исторических интерпретаций. В дополнение к хронотопическому (с фотофиксацией) методу обследования музея и прилегающей к нему территории Сквера Памяти нами использовались данные, полученные в ходе экспертных интервью и дискурсивного анализа материалов сайта музея.

Полифоничность памяти в мемориальных музеях. Особый интерес для восстановления трагических периодов истории представляют места, где травматические события напрямую связаны с локусом и не подвергаются территориальному переносу. Создание в таких местах мемориальных комплексов позволяет очертить границы пространства памяти. Тем самым формируется вариант фиксирования хронотопа, «топос» которого привязан к материальным вещам, а «хронос» событий складывается в многообразии временных слоев. Временные границы локуса определяются намерениями субъекта — реконструктора и интерпретатора прошлого.

Уникальную возможность создания таких моделей воспоминаний о травмирующем опыте представляют собой музеи, посвященные истории репрессивных воздействий и созданные непосредственно на том месте, где осуществлялись исторические события.

Музей «Следственная тюрьма НКВД» относится к категории «новых музеев», [18-19], под которыми понимаются, прежде всего, мемориальные музеи, расположенные на местах травмирующих событий. Для сохранения коллективной памяти о травматическом опыте материальное воплощение событийного ряда имеет особое значение. С одной стороны, воспоминания о травмирующих событиях должны остаться в истории сообщества в качестве антипримера, а также для указания на социальные факторы, способные спровоцировать повторение нежелательных, деструктивных для общества явлений и процессов. С другой, сохранению воспоминаний о травмирующем опыте препятствует сопротивление индивидуальной и коллективной памяти, склонной к стиранию того, что может повредить восприятию. Это приводит к провалу части временных пластов и появлению заменяющих их наслоений, что в значительной мере искажает событийную канву. Отсюда вытекает важность тщательной разработки взвешенной политики памяти, способной усиливать позитивные и подавлять негативные тенденции процесса «естественного» (на самом деле – происходящего в результате разнонаправленных усилий конфликтующих акторов) формирования коллективных воспоминаний.

Исследователи отмечают неизбежность многослойного (в нашей терминологии – палимпсестного) характера мемориальных музеев, так как, по формулировке А. Ассман, травматическое место само по себе является палимпсестом: «хотя определенные исторические события достигали здесь своей кульминации и заканчивались катастрофой, история продолжалась, а ее «слои» накладывались один на другой» [20, с. 141]. Например, П. Гилен пишет о полифоничности музейных хронотопов, располагая музейную экспозицию одновременно в нескольких потоках времени: локальном потоке события, которому посвящен музей, и глобальном историческом потоке, позволяющем понять контекст данного события [21], П. Виоли указывает на полифоничность взглядов в пространстве мемориального музея, где посетитель (зритель) вынужден постоянно переключаться между точками зрения в диапазоне от жертв репрессий до их исполнителей [22, р. 50].

В случае с музеями политических репрессий в СССР полифоничность задается еще и скоростью, с которой на одном и том же месте (в кабинете руководителя или следователя, ведомственной квартире) сменялись обитатели в 1937-38 годах, а иногда и позже (раньше). Собранные воедино фотографии этих людей, даже без обширных пояснений, образуют не только временной, но и пространственный палимпсест, который можно было бы назвать мозаикой, если бы ее предполагаемые элементы точно

подходили друг к другу, создавая гармоничный рисунок. В реальности мозаические фрагменты перекрывают друг друга, иногда мешая разглядеть, а иногда – раскрывая дополнительные значения, что вновь заставляет вернуться к метафоре палимпсеста.

В России существует не так много музейных комплексов, территориально связанных с негативными событиями прошлого. К ним относятся, например, Мемориальный музей-заповедник истории политических репрессий «Пермь-36», воспроизводящий реалии системы исполнения наказаний эпохи позднего социализма, Соловецкий государственный историко-архитектурный и природный музей-заповедник, включающий экспозицию историю местных лагерей особого назначения, Мемориальный комплекс «Медное» в Тверской области и ряд других, менее масштабных, государственных, общественных и частных музеев. Томский Мемориальный музей «Следственная тюрьма НКВД» ведет свою историю с июня 1989 г., когда областной Совет народных депутатов принял решение о создании мемориального Сквера Памяти жертв политических репрессий и формировании в краеведческом музее соответственной тематической экспозиции [23]. В декабре 1989 г. создан филиал областного объединенного историко-архитектурного музея – Музей жертв сталинских репрессий [24]. Было принято решение разместить его в подвальных помещениях бывшего следственного отдела Томского наркомата внутренних дел для реализации «исторической привязки» [25]. Тем самым обозначены границы места памяти и зафиксирован топоним репрессий. Музей является отделом Томского областного краеведческого музея имени М.Б. Шатилова.

Палимпсест музея «Следственная тюрьма НКВД». Многослойность памятного места закладывается историей двухэтажного кирпичного здания. Расположенное в историческом центре Томска, оно было построено в 1896 г. на средства епархии и изначально вмещало в себя первую в Сибири церковно-учительскую школу, где готовили учителей начальных классов. Слушателями могли стать лица старше 13 лет, окончившие одноклассную церковно-приходскую школу и готовые впоследствии проработать пять лет в качестве сельских учителей. Школа представляла собой семинарию либерального толка [26]. После трагических событий 1909 г., о которых речь пойдет ниже, здание было передано духовной консистории. В 1922 г. здесь расположился городской отдел НКВД, включающий служебные кабинеты и внутреннюю тюрьму, где содержались заключенные до вынесения приговора. После его закрытия (в конце 1940-х гг.) здание было разделено на квартиры; в подвале разместилась станция юных техников, а затем - детский клуб технического творчества «Республика бодрых». В 1990-2005 гг. все квартиры были выкуплены местным предпринимателем и депутатом Игорем Скоробогатовым. По воспоминаниям очевидцев, какое-то время в доме располагалось казино. Сейчас в здании, кроме музея, находятся офис Сбербанка и интернет-кафе; цели использования вто-

рого этажа неясны. Постройка никак не сигнализирует о музейном содержании, музей занимает только подвальные помещения, и все экспозиционные преобразования связаны с интерьером.

Событийный ряд, связанный с репрессиями и насилием, образует несколько временных слоев. Самый ранний отсылает к событиям т.н. «Томского погрома» в октябре 1905 г., когда заведующий школой священник Прокопий (Титов) – будущий епископ-святенномученик, расстрелянный в 1937 г. - смог отбить у толпы избиваемых (предполагаемых врагов самодержавия) и помог им укрыться в стенах здания. Второй событийный ряд также относится к досоветскому периоду и связан с убийством двумя студентами жесткого и консервативно настроенного заведующего отца Игнатия (Дверницкого), после чего школа была закрыта. Третий слой событий травматического характера связан с деятельностью следственной тюрьмы.

Просматривается и четвертый слой – слом советской социальной структуры и соответствующих ей повседневных практик в 1990-е годы. На эту тему намекают, например, аудиовоспоминания бывшей жилицы дома, Людмилы Поповой, размещенные в виртуальной экспозиции: «господин Скоробогатов всем предоставил возможность... потому что ясно, что такой лакомый кусочек... уезжать отсюда особо никто не хотел, мы только вынужденно уехали» [27]. Все вместе образует место-палимпсест, которое на сайте музея обозначено через известную булгаковскую метафору «нехорошего» дома, жильцы которого склонны «исчезать» (даже упомянутый выше И.Скоробогатов в 2009 году был арестован за получение крупной взятки и осужден к условному сроку). В 2014 г. сотрудники даже сняли для акции «Ночь в музее» и разместили на сайте любительский «фильм ужасов» о привидениях, якобы появляющихся в здании. Исчезновения жильцов носят отчетливый политический характер – современники, например, однозначно увязывали убийство отца Игнатия с его взглядами и деятельностью в качестве одного из лидеров местных монархистов-черносотенцев, хотя следствие никакими фактами в пользу этой точки зрения не располагало [28, с.105].

Особенностью места-палимпсеста является способность одновременно предъявлять наблюдателю все слои, закрепившиеся в памяти. В музейной экспозиции «Следственная тюрьма НКВД» это отражено на уровне экспонатов, сопровождающих их текстов экскурсий, интерьера здания. Как и в случае с настоящими пергаменами-палимпсестами, отделить разновременные слои и «прочитать», не уничтожая их, представляет собой сложную задачу, которую в настоящий момент музей пытается решить с переменным успехом. Учитывая специфику экспозиции, наиболее читаемым слоем палимпсеста ожидаемо стал относительно короткий исторический период использования здания в качестве тюрьмы НКВД (чуть более 20 лет из более чем 125-летней истории дома). Существует даже проект

восстановления подземного тоннеля, который соединял управление отдела НКВД с внутренней тюрьмой и, предположительно, использовался для приведения в исполнение смертных приговоров.

Музей стремится расширить список тем для экспозиции за счет включения в нее истории дома, по словам основателя музея В.А.Ханевича, «достойной Михаила Булгакова»¹, отчасти воспроизведенной на сайте в рамках виртуальной экспозиции «Нехороший дом и всё о нём». В случае успешной реализации этого проекта палимпсест места будет дополнен еще одним завершенным слоем. Пока в экспозиции не отражена тема убийства отца Игнатия – лишь имеется мемориальная доска, сообщающая, что данное здание является объектом культурного наследия регионального значения «Церковно-учительская школа». В смысловой палимпсест вписываются красный кирпич здания и его архитектурное решение, указывающие на возраст дома, его темпоральное присутствие в исторических событиях. Между тем, давнее убийство продолжает оставаться значимым элементом политических дискуссий: современные монархисты называют отца Игнатия святым мучеником, в то время как другие авторы представляют его придирическим и жестоким обскурантистом [29, с. 106-108].

Экспозиция не только существует в виде элемента палимпсеста, но и сама представляет собой «палимпсест внутри палимпсеста». Ее постепенное конструирование одновременно способствует и прочтыванию старых слоев коллективной памяти, и формированию новых, поскольку отбор экспонатов, помещение их на плоскости для экспонирования, создание сопроводительных текстов не только восстанавливает детали исторических событий, но и презентует канву понимания авторов экспозиции. Изменения порядка представленности, набора и описания экспонатов является ответом на меняющиеся социокультурные и социально-политические запросы. Старые варианты экспозиции остаются существовать в цифровом виде и в памяти посетителей и сотрудников. Тем более важным становится установление тех элементов музейного пространства, которые являются для него константами.

Полифоничность экспозиции. Музейное пространство «Следственной тюрьмы НКВД» по своей организации задает множество ракурсов и смыслов. Выше мы уже говорили о неизбежной полифоничности взглядов, проистекающей из самого характера политических репрессий, где обвинители и обвиняемые менялись местами с пугающей скоростью. Многослоен и характер используемых экспонатов: аутентичные предметы сочетаются с т.н. «новоделом»: основатель музея подтвердил, что «экспозицию сделали на коленках, из подручного материала»². При всем уважении к исторической достоверности, музей допускает элементы условности: лампочка в восстановленных камерах находится не за решеткой, как требовал бы тю-

¹ Интервью авторов с В.А. Ханевичем. 8 июля 2021 г., Томск.

² Там же.

ремный распорядок, а непосредственно над полом. Оказалось невозможным из-за грибка сохранить исходное состояние стен, на которых узники делали надписи и которые вынуждены были наблюдать постоянно. Впечатляющие двери тюремных камер не находились здесь изначально, а были привезены из заброшенных зданий ГУФСИН. Вольности такого рода объясняются стремлением создать не столько историческую реконструкцию конкретного периода, сколько эмоциональный образ эпохи¹.

Хотя название музея отсылает к конкретной следственной тюрьме, существовавшей на данном месте в ограниченный период времени, в экспозицию, особенно в ее виртуальную часть, включены многочисленные материалы по истории репрессий в Томской области, в Сибири вообще, а также за пределами региона. По характеру хранящихся в фондах предметов и документов этот узкоспециализированный музей фактически превратился в один из вариантов «музея советского быта». В то же время, вне экспозиции остаются репрессии досоветского периода, хотя в состав Томского областного краеведческого музея входит Музей политической ссылки г. Нарым, где уже реализована концепция «палимпсеста репрессий», раскрывающего историю царской и советской ссылки. В непосредственной близости от музея сформирован Сквер памяти, вмещающий несколько мемориальных камней, посвященных пострадавшим в ходе репрессий национальным сообществам – вне привязки к конкретному месту (тюрьме НКВД) и времени.

Находясь в музее, в полной мере можно ощутить также описанную П. Виоли полифоничность взгляда. С одной стороны, экспозиция настраивает на солидарность с заключенными: у посетителя есть возможность посидеть на шконках, почувствовать себя за закрытой дверью, полистать папки с делами. С другой – бросается в глаза рукописное объявление «Следователя не раздевать», помещенное у манекена в форме НКВД. Надпись появилась в результате желания некоторых посетителей, фотографируясь рядом с фигурой следователя, надевать на себя его фуражку. В этой ситуации сотрудникам музея приходится мириться с, возможно, неожиданной для них полифонией: «музей для людей, а не люди для музея»². Еще большую полифоничность обнаруживает виртуальная экспозиция, где размещены биографии руководителей органов НКВД в Томской области, включая Ивана Овчинникова, организатора репрессий в период «Большого террора», который сам был арестован в 1939 году и в 1941 – расстрелян. На странице музея приведены фотографии Овчинникова до и после ареста, которые производят впечатление двух совершенно разных людей [30].

Представляя посетителю виртуальной экспозиции полифонию, точнее – палимпсест (так как временные и пространственные слои наклады-

¹ Там же.

² Там же.

ваются друг на друга) взглядов, музей словно бы подрывает собственный бренд «нехорошего дома». В воспоминаниях тех, кто жил и работал здесь после ликвидации следственной тюрьмы (то есть, в течении примерно полувека), дом предстает вполне «хорошим», несмотря на известное жильцам трагическое прошлое. Людмила Попова вспоминает: «Ну да, знали, но как-то абстрактно все это воспринималось, потому что конкретно вот... не были связаны с этими ситуациями, с репрессиями...»[31]. Игорь Розанцев, работавший на станции юных техников, на наводящий вопрос интервьюера «а как-то чувствовали на себе, может быть, какую-то энергетику тяжелую, не ту?», отвечает: «знаете, наверное, не почувствовал» [32]. Зимой 2019-2020 года в музее прошла выставка «Он здесь жил», посвященная жильцу – академику, врачу Д.Д.Яблокову, также противоречащая концепции «нехорошего дома». Сотрудники сознательно пытаются сохранять ситуацию множества интерпретаций: «мы не очернители, а отражатели советской истории» и «нужно показывать разных людей» - говорит основатель музея¹.

Заключение. Концентрация в одном, сравнительно небольшом, локусе такого количества вытесняющих друг друга и пересекающихся смыслов, биографий, предметов и фактов, очевидно, представляет собой проблему для выработки последовательной и непротиворечивой политики памяти. В научных работах «расколота» память о репрессиях, как правило, рассматривается в качестве отрицательного фактора на пути национальной консолидации [33-36]. В то же время, сосуществование различных образов места массовых репрессий в воображении местных жителей может подаваться как нейтральный факт, отражающий реальную ситуацию [37]. Как указывает С.А.Ушакин, логика палимпсеста, в отличие от логики последовательного временного нарратива, позволяет сочетать в рамках одного текста несвязанные, несоединимые или противоречащие друг другу смыслы [38]. В этом заключается и слабость, и сила палимпсестов.

Последовательно-нарративное изложение, избегающее многослойности и палимпсестности, безусловно, лучше способствует закреплению в массовом сознании непротиворечивой версии прошлого, примиряющей все политические позиции. Многослойность ведет к частичной утрате информации – благодаря перекрыванию одного слоя памяти другим, вытеснению нежелательных, либо избыточно травмирующих фрагментов, просто под воздействием времени. Этим объясняется дискретность внешне логично выстроенной экспозиции томского музея и подобных ему. Однако построение последовательных нарративов в современной России, в условиях множественности акторов, стремящихся влиять на политику памяти, является очевидной утопией. Об этом свидетельствуют многочисленные дискуссии, посвященные личностям наподобие упомянутого выше Овчинни-

¹ Интервью с В.А.Ханевичем..

кова¹, в которых авторы пытаются ответить на вопрос, ответа не имеющий: являются ли эти люди палачами сограждан или жертвами репрессивной системы? Отдельные акторы предпринимают попытки вытеснить политически неприемлемые версии прошлого из локусов памяти. В качестве примера можно привести Раифский Богородицкий монастырь (Казанская епархия), с территории которого изгнаны все воспоминания о размещавшейся здесь Трудовой коммуне ОГПУ, занимавшейся перевоспитанием беспризорных подростков. Интересно, что коммуна сохранилась, под названием «Раифское специальное учебно-воспитательное учреждение закрытого типа» до наших дней, и ее музей размещается у ворот монастыря, на пути к нему. Приведенный пример показывает, что даже в случае намеренного стирания «лишней» памяти, палимпсесты места возникают неизбежно.

С нашей точки зрения, признание и допущение палимпсестного характера сохранения памяти может предотвратить конфликты между акторами, заинтересованными в продвижении своих версий прошлого. В настоящий момент палимпсесты памяти о неоднозначном прошлом создаются стихийно, благодаря сочетанию нескоординированных, разнонаправленных, иногда даже неосознанных действий заинтересованных акторов. Единая государственная политика памяти, построенная на концепции палимпсеста, могла бы сознательно конструировать многослойные, полифоничные места памяти, функционирование которых способствует консолидации различных групп – носителей конфликтующих или дополняющих версий коллективной памяти – в целостность, объединенную, помимо прочего, единой сложносоставной исторической памятью.

Список литературы

1. Нора П. Проблематика мест памяти // Франция-память / П. Нора, М. Озуф, Ж. де Пюимеж, М. Винок. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 1999. С. 17-50.
2. Митин И. Город как палимпсест: конструирование достопримечательностей, стимулирование идентичностей и культурная политика // Образные характеристики городской среды как ресурс развития территории. Мат-лы Всеросс. нац.-практ. конф. Омск: Сибирский филиал Института наследия, 2020. С. 32-39.
3. Huyssen A. Present Pasts: Urban Palimpsests and the Politics of Memory. Stanford, CA: Stanford University Press, 2003. 177 p.

¹ См., например: Сивец А. Палач или жертва? - Томский вестник, 26.02.1992. Сайт «Мемориальный музей «Следственная тюрьма НКВД». URL: <https://nkvd.tomsk.ru/content/editor/%D0%A7%D0%9A/Owczinikow/Sivec-A-Palach-ili-zhertva-TV-26-02-1992.jpg> (дата обращения: 14.05.2022); Уйманов В. Палач или жертва? - Красное знамя, 7.10.1999. Сайт «Мемориальный музей «Следственная тюрьма НКВД». URL: <https://nkvd.tomsk.ru/content/editor/%D0%A7%D0%9A/Owczinikow/St-Ujmanova-Palachi-ili-zhertva.pdf> (дата обращения: 14.05.2022).

4. Бреславский А.С. Постсоветский Улан-Удэ: культурное пространство и образы города (1991-2011 гг.). Улан-Удэ: Изд-во Бурятского государственного университета, 2012. 156 с.
5. Нендза-Щикониовска К. Город, оторванный от земли, люди, привязанные к городу: заполярная Игарка // Неприкосновенный запас. 2014. № 5. С. 209-223.
6. Ермолин Д. Приштина как разделенный город // Антропологический форум. 2015. № 25. С. 42-68.
7. Young J.E. The Counter-Monument: Memory against Itself in Germany Today // Critical Inquiry. 1992. Vol. 18. No. 2. P. 267-296.
8. Macklin J. Saints and Near-Saints in Transition: The Sacred, the Secular, and the Popular // The Making of Saints: Contesting Sacred Ground. Ed. James F. Hopgood. Tuscaloosa, Alabama: The University of Alabama Press, 2005. P. 1-22.
9. Радченко Д. А. «На человека стал похожим»: советские памятники Украины и России в конфликтном контексте (2013–2015) // Genius Loci: Сборник статей в честь 75-летия С.Ю. Неклюдова / Сост. М.В. Ахметова, Н.В. Петров, О.Б. Христофорова (отв. ред.). М.: Форум, 2016. С. 431-461.
10. Köllner T. On the Restitution of Property and the Making of 'Authentic' Landscapes in Contemporary Russia // Europe-Asia Studies. 2018. Vol. 70. No. 7. P. 1083-1102.
11. Merdjanova I. Religion, Nationalism, and Civil Society in Eastern Europe - The Postcommunist Palimpsest. Lewiston, NY: Edwin Mellen Press, 2002. 169 p.
12. Troebst S. Introduction: What's in a Historical Region? A Teutonic Perspective // European Review of History / Revue europeenne d'histoire. 2003. Vol.10. No. 2. P. 173-188.
13. Ghervas S. Antidotes to Empire: From the Congress System to the European Union // EUtROPEs: The Paradox of European Empire. Eds. John W. Boyer and Berthold Molden. Chicago: University of Chicago Press, 2014. P. 49-81.
14. Diener A. Soviet Etchings on the Post-Soviet Parchment: The Past and Present of Mobility and Migration // Questioning Post-Soviet. Eds. Edward C. Holland and Matthew Derrick. Washington, D.C.: Woodrow Wilson International Center for Scholars, 2016. P. 55-74.
15. Митин И. Место как палимпсест // 60 параллель. Выпуск № 4. Сургут: Центр культурных инициатив Сургута, 2008. С. 21-25.
16. Стаф В. Томский музей «Следственная тюрьма НКВД»: Проблемы мемориализации ГУЛАГа // Quaestio Rossica. 2019. № 3. С. 791–800.
17. Skulskiy D. When Memorials Cease to Commemorate: The Museum of the History of Political Repression in Tomsk as a Place of non-Patriotic Remembering // Museum and Society. 2019. Vol. 17. No. 3 P. 408-422.
18. Williams P. Memorial Museums. The Global Rush to Commemorate Atrocities. Oxford: Berg Publishers, 2007. 226 p.

19. Sodaro A. Exhibiting Atrocity: Memorial Museums and the Politics of Past Violence. New Brunswick, NJ: Rutgers UP, 2018. 226 p.

20. Ассман А. Длинная тень прошлого: мемориальная культура и историческая политика. М.: Новое литературное обозрение, 2014. 328 с.

21. Gielen P. Museumchronotopics: on the Representation of the Past in Museums // Museum and Society. 2004. Vol. 2. No. 3. P. 147-160.

22. Violi P. Trauma Site Museums and Politics of Memory: Tuol Sleng, Villa Grimaldi and the Bologna Ustica Museum // Theory, Culture and Society. 2012. Vol. 29. No. 1. P. 36-75.

23. Об увековечении памяти жертв сталинских репрессий. Решение Томского областного совета народных депутатов № 135 от 13.06.1989 / Сайт «Мемориальный музей «Следственная тюрьма НКВД». URL: https://nkvd.tomsk.ru/content/editor/Museum%20NKVD/O_Muzee_Historia/1-13-06-89-Reshenie-Oblispolkoma.pdf (дата обращения: 14.05.2022).

24. Приказ исполнительного комитета Томского областного совета народных депутатов № 196. / Сайт Мемориальный музей «Следственная тюрьма НКВД». URL: https://nkvd.tomsk.ru/content/editor/Museum%20NKVD/O_Muzee_Historia/3-11-1989-g-prikaz-nach-Upravleniya-kultury.pdf (дата обращения: 14.05.2022).

25. Письмо директора Томского областного объединенного историко-архитектурного музея Н. Я. Сергеевой председателю Советского райисполкома г. Томска А. С. Макарову. / Сайт «Мемориальный музей «Следственная тюрьма НКВД». URL: https://nkvd.tomsk.ru/content/editor/Museum%20NKVD/O_Muzee_Historia/4-06-03-91-pismo-glave-Sov-rajona-g-Tomska.pdf (дата обращения: 14.05.2022).

26. Сенинг М. Ленина 44. История 120-летнего дома и тех, кто в нем жил, работал, вырослел и умирал. 16.03.2020. Томский обзор. URL: <https://obzor.city/article/626841---lenina-44.istorija-120-letnego-doma-i-teh-kto-v-nem-zhil-rabotal-vzroslel-i-umiral> (дата обращения: 14.05.2022).

27. Попова (ур. Ананьева) Людмила Львовна. Аудиовоспоминание. Сайт «Мемориальный музей «Следственная тюрьма НКВД». URL: <https://nkvd.tomsk.ru/projects/posledniysvidetel/audiovospominaniya/letter-p/Popowa-AnanjewaLL/> (дата обращения: 14.05.2022).

28. Ищенко О.В., Оруджев Д.Р. «История... ужасного злодеяния»: освещение убийства Томского иеромонаха Игнатия (Дверницкого) в публикациях начала XX и начала XXI в. // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». 2018. № 2. С. 100–109.

29. Там же.

30. Овчинников Иван Васильевич. Сайт «Мемориальный музей «Следственная тюрьма НКВД». URL: <https://nkvd.tomsk.ru/researches/nkvd/staff/OGPU-head/ovchinnikoviv/> (дата обращения: 14.05.2022).

31. Попова (ур. Ананьева) Людмила Львовна. Аудиовоспоминание. Сайт «Мемориальный музей «Следственная тюрьма НКВД». URL: <https://nkvd.tomsk.ru/projects/posledniysvidetel/audiovospominaniya/letter-p/Popowa-AnanjewaLL/> (дата обращения: 14.05.2022).

32. Розанцев Игорь Анатольевич. Аудиовоспоминание. - Мемориальный музей «Следственная тюрьма НКВД». Сайт «Мемориальный музей «Следственная тюрьма НКВД». URL: <https://nkvd.tomsk.ru/projects/posledniysvidetel/audiovospominaniya/letter-r/RozancevIA/> (дата обращения: 14.05.2022).

33. Bogumił Z. Gulag Memories: The Rediscovery and Commemoration of Russia's Repressive Past. New York: Berghahn Books, 2018. – 248 p.

34. Bogumił Z. Stone, Cross and Mask: Searching for Language of Commemoration of the Gulag in the Russian Federation // Polish Sociological Review. 2021. No. 1. P. 71-90.

35. Bogumił Z., Moran D., Harrowell E. Sacred or Secular? 'Memorial', the Russian Orthodox Church, and the Contested Commemoration of Soviet Repressions // Europe-Asia Studies. 2015. Vol. 67. No. 9. P. 1416–1444.

36. Bogumił Z., Voronina T. Islands of One Archipelago: Narratives about the Solovetskie Islands and the Memory of Soviet Repressions // Laboratorium. 2018. Vol. 10. No. 2. P. 104–121.

37. Rouhier-Willoughby J. The Gulag Reclaimed as Sacred Space: The Negotiation of Memory at the Holy Spring of Iskitim // Laboratorium. 2015. Vol. 7. No. 1. P. 51–70.

38. Ушакин С. А. Вспоминая на публике: Об аффективном менеджменте истории // Гефтер. 14.11.2014. URL: <http://gefter.ru/archive/13513> (дата обращения: 14.05.2022).

Митрофанова Анастасия Владимировна, д-р полит. наук, ведущий научный сотрудник, anastasia-mit@mail.ru, Россия, Москва, Институт социологии ФНИСЦ РАН,

Рязанова Светлана Владимировна, д-р филос. наук, ведущий научный сотрудник, svet-ryazanova@yandex.ru, Россия, Пермь, Пермский федеральный исследовательский центр Уральского отделения РАН,

Пляйс Яков Андреевич, д-р ист. наук, д-р полит. наук, проф., spn2004@rambler.ru, Россия, Москва, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации

PLACE AS A PALIMPSEST OF EVENTS AND INTERPRETATIONS IN THE POLITICS OF MEMORY
(ON THE EXAMPLE OF THE NKVD INVESTIGATIVE PRISON MUSEUM)

A.V. Mitrofanova, S. V. Ryazanova, Ya . A. Plais

The authors utilize the concept of "palimpsest", originally applied to manuscripts on parchment, to study memory politics in case of the memorial museum "Interrogation Prison of NKVD" in Tomsk. The research question is to identify how palimpsestical characteristics of lieux de mémoire affect producing an integral version of the traumatic past that would strengthen social solidarity. Methodologically the article is based on using the chronotopic method of observing the museum, as well as data obtained from expert interviews and web

site materials. It has been found out that the museum's palimpsest consists several layers related to traumatic events. The earliest level refers to the "Tomsk pogrom" of 1905; the second one is associated with the murder of Father Ignatii; the third layer - with the functioning of the prison; the fourth layer is the destruction of the Soviet social structure in the 1990s. Palimpsestical locus is characterized by its ability to present to the observer all the memory layers simultaneously. The museum's exhibition is not only exists an element of a palimpsest, but makes itself a "palimpsest within a palimpsest". The authors conclude that, although a consistent narrative that avoids layering and palimpsest-ness is a better contribution to making a consistent collective version of the past, building consistent narratives is utopian considering a plurality of actors seeking to influence memory politics. Recognition and acceptance of the palimpsestical character of memory can prevent conflicts between mnemonic actors interested in promoting their versions of the past. At the moment, palimpsests of memory about the difficult past are created spontaneously, but centralized memory politics, based on the concept of a palimpsest, could enhance consciously constructing multi-layered, polyphonic lieux de mémoire that would contribute to consolidation of social groups - carriers of conflicting or complementary versions of collective memory.

Keywords: palimpsest, chronotope, memory politics, memorial museum, cultural trauma, Tomsk.

Mitrofanova Anastasia Vladimirovna, doctor of political sciences, leading researcher, anastasia-mit@mail.ru, Moscow, Russia, Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences,

Ryazanova Svetlana Vladimirovna, doctor of philosophy, leading researcher, svet-ryazanova@yandex.ru, Russia, Perm, Perm Federal Research Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,

Yakov Andreevich Plais, doctor of historical sciences, doctor of political sciences, professor, spn2004@rambler.ru, Russia, Moscow, Financial University under the Government of the Russian Federation

ВЛИЯНИЕ НЕЭКОНОМИЧЕСКИХ ФАКТОРОВ НА ПРОДВИЖЕНИЕ РОССИЙСКИХ КОМПАНИЙ НА ВНЕШНИЕ РЫНКИ

Д.В. Петросянц

Рассматриваются факторы продвижения на зарубежные рынки российских компаний. В условиях обострения внешнеэкономической ситуации для России с 24 февраля 2022 года, как никогда важно найти пути взаимодействия и поддержания международного сотрудничества для отечественных компаний самого широкого спектра бизнес-направленности. Своей задачей автор видит выявление стран и направлений бизнеса, способных дать возможность находить серьезные бреши в санкционной блокаде России, используя как наработанные бизнес-связи, так и находить новые деловые контакты.

Ключевые слова: санкции, деловая среда, диаспора, стереотипы, политика импортозамещения.

Статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счет бюджетных средств по государственному заданию Финансовому университету при Правительстве РФ.

События февраля-марта 2022 года связанные с проводимой Россией спецоперацией на Украине до предела обострили и усложнили выход российского бизнеса на зарубежные рынки. Но не будем оригинальны, и признаем, что, закрывшись, одни возможности дают повод искать альтернативные пути к открытию новых рынков, к налаживанию деловых связей.

Качество деловой среды (КДС), помимо чисто экономической составляющей - это сложная система различных факторов, как в экономической сфере, так и за ее пределами, в первую очередь в политической плоскости. Эти факторы сложно определить количественно, в связи с этим, можно предположить, что результаты в определенной степени зависят от исследовательской установки. В этом контексте более уместно выявлять тенденции, а не выстраивать жестко фиксированную эконометрическую модель.

КДС определяется не только экономическими, но также политическими, институциональными, правовыми, поведенческими, культурными и другими факторами, которые формируют восприятие и возможности к бизнес-сотрудничеству. Таким образом, задача исследователя – понять механизмы формирования неэкономических факторов, стратифицировать их по значимости, с тем, чтобы наиболее эффективно организовывать мероприятия по их корректировке и управлению. Одна из задач, над решением которых работает «Деловая Россия» совместно с другими общественными организациями, - упрощение и увеличение экспорта. Летом 2020 года в рамках Недель российского бизнеса под эгидой Координационного совета «Деловой России» по поддержке экспорта прошла большая конференция, посвященная проблемам, с которыми сталкиваются отечественные экспор-

теры. Председатель «Деловой России» Алексей Репик тогда заявил, что «все громоздкие неэффективные решения должны подлежать «экспортной гильотине».

В 2020 году самыми популярными для характеристики происходящих событий и наблюдаемых тенденций в мировой повестке стали термины «переформатирование», «обнуление», «регионализация», «кризис», «новая нормальность». Именно эти тенденции как никогда подходят и для пересмотра и прорыва в отношении к присутствию российского бизнеса за рубежом. Но открытые возможности совсем не означают и автоматически эффективное их использование. Еще одно обстоятельство, которое приходится констатировать, работает не в нашу пользу, - это так называемая «рукопожатность российского бизнеса». На фоне политических скандалов к российскому бизнесу в Евросоюзе сейчас относятся настороженно, к тому же европейские банки и корпорации, опасаясь американских санкций, часто отказывают в сотрудничестве российскому бизнесу. Несмотря на политическую напряженность между Россией и странами ЕС, российские компании активно ведут деятельность по продвижению собственных интересов в органах государственной власти стран и в наднациональных институтах ЕС [1, 2].

Помимо агрегированных взаимоотношений российского бизнеса в зарубежных государствах, следует оценивать влияние неэкономических факторов на продвижение бизнеса конкретной российской компании в конкретной стране, в конкретной политической и экономической ситуации.

Каковы же основные направления российского бизнес-лоббизма? Во-первых, бизнес-разведка. Здесь имеется в виду проведение мониторинга, сбора и обработки информации об уже существующих, а также готовящихся законодательных процессах. Данный инструмент необходим для прогнозирования рисков и разработки перспектив для интересов компании.

Во-вторых, антидемпинговый лоббизм. В данном случае речь идет о разрешении проблем, связанных со сложностью европейского законодательства, а также со снижением антидемпинговых барьеров. Одними из наиболее проблемных областей для российских компаний в этой сфере являются нормы контроля за качеством и таможенные процедуры ЕС.

Государство, обладающее высоким моральным авторитетом и безупречной репутацией (элементы так называемой «мягкой силы»), способно намного эффективнее и с наименьшими затратами достигать требуемого результата в своей внешнеполитической деятельности, чем государство, опирающееся исключительно на парадигму жёсткой силы, т.е. военно-силовые и санкционные рычаги воздействия. Классическим примером последнего является начатая США без соответствующей резолюции Совета безопасности ООН война в Ираке. Действуя без поддержки со стороны ведущих европейских партнёров, администрация президента Буша спровоцировала кризис евро-атлантических отношений, что привело к болезнен-

ному для Соединённых Штатов повышению стоимости как самой военной операции, так и последующих шагов по нормализации ситуации.

Еще один существенный фактор – блокирование государств и выработка стратегий исходя из общих коллективных интересов. Огромные доходы от торговли нефтью в развитые страны мира – Западную Европу, Японию и в США – дают арабскому миру возможность успешно решать многие трудные социально-экономические и политические проблемы. В ряде этих стран возникла современная нефтеперерабатывающая промышленность. Однако до сих пор арабские страны не смогли перейти в индустриальную фазу развития, используя свои накопленные нефтяные доходы, хотя и произошло определенное сокращение технологического отставания от развитых экономических центров мира. Постколониальная зависимость от бывших европейских метрополий до сих пор оказывает сильное влияние на поступательное развитие молодых арабских национальных государств. В наши дни арабские страны стоят перед решением сложной задачи – обретение собственной промышленной и научно-технологической базы, которая модернизирует экономику региона и избавит арабские страны от сырьевой специализации на мировом рынке.

Таким образом, неэкономические факторы можно разделить на четыре группы факторов по характеру их формирования:

- политические факторы;
- имиджевые факторы;
- корпоративная ответственность и информационно-коммуникационная открытость;
- культурно-психологические факторы.

Политические факторы. Выходя на рынок другой страны, компания должна оценить ее политическую стабильность. Политическая нестабильность может сделать международную торговлю практически невозможной. Смена правительства может изменить отношение к иностранным компаниям в стране. Решение об инвестировании в другую страну должно быть подкреплено серьезным анализом политической ситуации и рисков. Страны, имеющие стабильные политические системы, характеризуются меньшими политическими рисками. Правительства стран могут пытаться обезопасить национального производителя от иностранных конкурентов, создавая определенные барьеры в международной торговле.

Вторая группа факторов, которую принято называть имиджевой, складывается из репутации компании, устоявшегося и раскрученного бренда. Имидж тяжело зарабатывается, легко теряется, очень трудно восстанавливается.

Что касается третьей группы факторов – корпоративная ответственность и информационно-коммуникационная открытость, то их можно оценить по следующим направлениям:

- философия бизнеса;
- невовлеченность в коррупционные схемы, скандалы, имидж компании;

- корпоративная социальная ответственность (КСО) - рейтинги экологической и социальной ответственности бизнеса (например, Kinder, Lydenberg, Domini Research & Analytics (KLD));

- предоставление точных, своевременных и информативных данных о компании. Оповещение о компании через сайт (на разных языках), СМИ (российские и зарубежные), рекламу (в том числе на целевые аудитории);

- соответствие международной системе бухгалтерского учета;

Культурно-психологические факторы (четвертая группа) подразделяются на следующие:

- культурные факторы;

- институциональные факторы;

- ценностные факторы;

- факторы сильной пророссийской диаспоры;

- стереотипы и мифы о России и россиянах в общественном сознании граждан зарубежных государств;

- языковые препятствия.

Четвертая группа факторов, культурные – сложный набор разнообразных элементов идентификации и/или самоидентификации социума. Распространение позитивной информации о России через зарубежные СМИ, организации поездок по России для иностранных бизнесменов, посещения выставок и форумов за границей, все это способно изменить установившиеся стереотипы нежелания части западного бизнеса работать с российскими компаниями. Ситуация могла бы измениться, если бы со стороны государственных структур шла более активная работа по поддержанию имиджа России и сглаживанию негативного информационного фона. Компания должна учитывать культурные различия при выходе на международные рынки. Культурные факторы являются самыми важными в международном маркетинге, хотя их сложно определить и измерить. Культурные различия нигде не прописаны, в отличие от законов, но их игнорирование может привести к серьезным неудачам. Национальная культура и религия во многом определяют предпочтения и образцы потребления местного населения. Поэтому знание местных предпочтений очень важно для успешного продвижения товара на международном рынке и может потребовать адаптации маркетинговой стратегии.

Критические технологии и национальная безопасность. В последнее время все чаще в научной среде задаются вопросами, с какой целью, и самое главное, с какой эффективностью, работают научно-исследовательские коллаборации ученых? Понятное дело, что в MegaScience-проектах просто необходимо объединить усилия и перераспределить исследовательские задачи среди группы ученых. Но есть и иной вопрос, насколько ученые разных стран могут быть открытыми и доверять свои интеллектуальные наработки своим зарубежным коллегам, какие полученные знания являются общим достоянием, а какие следует засекретить?

18 мая 2021 г. Еврокомиссия представила план международного научно-технологического сотрудничества. В документе детализированы правила взаимодействия с зарубежными странами в области исследований и инноваций. Уходит безвозвратно этика «открытости миру», которой придерживался бывший европейский комиссар по исследованиям и инновациям Carlos Moedas, и ей на смену приходит концепция «открытости для большей части мира».

Также в документе говорится, что «глобальный баланс политической, экономической и культурной власти заметно изменился за последнее десятилетие, отношения между странами быстро меняются из-за растущего влияния стран с экономической и политической системой, основанной на ценностях, сильно отличающихся от европейских, что ставит под сомнение сложившиеся паритеты и догмы о выгодах некоторых научных коллаборационных проектов для ЕС. Сотрудничество отныне будет «выборочным и целевым» - там, где оно оправдано в каждом конкретном случае, при обеспечении взаимности и уважения фундаментальных ценностей. По сути это декларация обособления Европейских современных научных исследований, от стран глобально конкурирующих с ними [3].

Фактор сильной пророссийской диаспоры может как оказывать положительные, так и отрицательные воздействия на ведение бизнеса.

Что касается институциональных факторов, то их значение трудно переоценить. На протяжении вот уже почти трех десятков лет в современной России формируется новая институциональная среда, свойственная капиталистической экономике. Тем не менее, целый ряд структур рыночной экономики продолжает проходить сложные процессы трансформации, приспособления и адаптации под реальные условия хозяйствования нашей страны. В целом ряде статей члена-корреспондента В.М. Полтеровича прослеживается мысль, что только постепенное совершенствование институтов рынка по мере улучшения гражданской культуры и уровня благосостояния возможно в современных условиях для нашей страны [4]. Для стран догоняющего развития, к которым относится и современная Россия, выявлены идентичные цели, а также технологические, институциональные и культурные ограничения. В свою очередь в этих странах формировались институты догоняющего развития, которые «способствовали формированию отношений сотрудничества между властью, бизнесом и обществом. Они смягчали действовавшие ограничения и сами постепенно модифицировались, обеспечивая переход к современным демократиям с эффективной рыночной экономикой».

На протяжении многих лет профессор М.Г. Завельский изучал и формализовывал в своих трудах институциональные изменения в экономике и процессы, порождающие конфликты и рассинхронизацию взаимоотношений различных субъектов хозяйственной жизни. В частности, он утверждает, что «конфликт побуждает вовлеченных в него людей самостоятельно изменять соответствующие институты, «притирая» их друг к другу. Такой процесс проходит ряд стадий, пока на каждой из них, словно при

мутации гена, не выработается все «топливо». Только тогда институт обретает новое устойчивое качество» [5].

Ценностный фактор характерен для любого общества. Накладываясь на генофонд, действующие нормы поведения в сочетании с природной средой хозяйства формируют его психообщественную инфраструктуру закреплённые в традициях населения страны такие нравственные устои и деловые навыки, такое понимание им реальности, которые, вместе взятые, проявляются в характерных для большинства обитателей данной территории хозяйственных склонностях, предприимчивости, качестве, дисциплине и интенсивности труда, умении порождать, воспринимать, осваивать новинки и приспосабливаться к ним. Этика, являясь частью культуры, также может быть причиной проблем для международных маркетологов. То, что является допустимым в одних странах, недопустимо в других. К примеру, использование детского труда в некоторых странах разрешено. То, что считается взяткой в европейской бизнес-культуре, может быть нормальной практикой для восточных стран. Могут потребоваться отчисления правительству или официальным лицам, чтобы подключиться к электричеству или застраховаться. В мусульманских странах женщины должны всегда быть одеты определенным образом, в то время как мужчины могут одеваться, как им хочется. Особое внимание необходимо уделять практике ведения бизнеса в других странах. Знание принятых в стране правил поможет быстрее заключить сделки с иностранными партнерами.

Попробуем проанализировать, где в неблагоприятных санкционных условиях российский бизнес может за рубежом найти себе применение. Итак, это в первую очередь страны бывшего ОДКБ, а также близкие территориально Китай, Индия, Иран, Турция, Монголия. В перспективе, можно рассматривать даже европейских партнеров по бизнесу, но в современных условиях, даже близкие исторической ментальностью славянские народы, могут быть представлены, разве что Сербией, да и то с большими оговорками. Отдельный вопрос, в какой валюте будут осуществляться взаиморасчеты. Очевидно, что, по возможности, необходимо минимизировать использование долларов и евро.

Даже до событий февраля 2022 года, в ряде стран постсоветского пространства и Восточной Европы наблюдалось вполне явное антироссийское противодействие, декларируемое в местных СМИ и научных исследованиях, в том числе выходцами из Восточной Европы работающими в США и других странах Запада, а сегодня, это противодействие уже доходит до степени истерии.

Так, например, даже в Республике Сербской, исторически самого ментально-близкого европейского не постсоветского государства-партнера, наблюдается крен, особенно в молодом поколении, к европейским и американским ценностям. Влияние «русского мира» по мнению исследователей в стране снижается, и как современные события будут восприняты в стране, насколько верно интерпретированы, покажет только время.

Анализируя же недавнее прошлое, находим в основном тревожные для нас сигналы. Данные опроса Министерства просвещения Сербии среди сербских школьников, проведенного в 2019 г., фиксируют тотальное превосходство среди изучаемых языков помимо родного, - английского (свыше 715 тыс. респондентов), тогда как русский язык интересен 68 тыс. учащихся, и это четвертое место списка, большое число молодых сербов предпочитают русскому языку помимо английского, еще немецкий и французский (см. рис. 1) [6].

Рис. 1. Самые популярные языки в сербских школах
(Источник: Министерство просвещения и культуры Республики Сербской)

В 2016 г. Центр евроатлантических исследований в г. Белграде провел исследование по культурной ориентации населения Сербии, задавая вопросы молодым людям от 18 до 35 лет, такие например как: из каких стран у них предпочтительные (любимые) представители культуры, спорта, шоу-бизнеса? [7] (рис. 2) Понятное дело, что на молодых людей не производит впечатление российский автопром, но и теряется контакт культурной близости в кинематографе, спорте, публицистике на фоне представителей США и ЕС. Предпочтительные марки автомобилей европейские (84 %), кинофильмы американские (60 %).

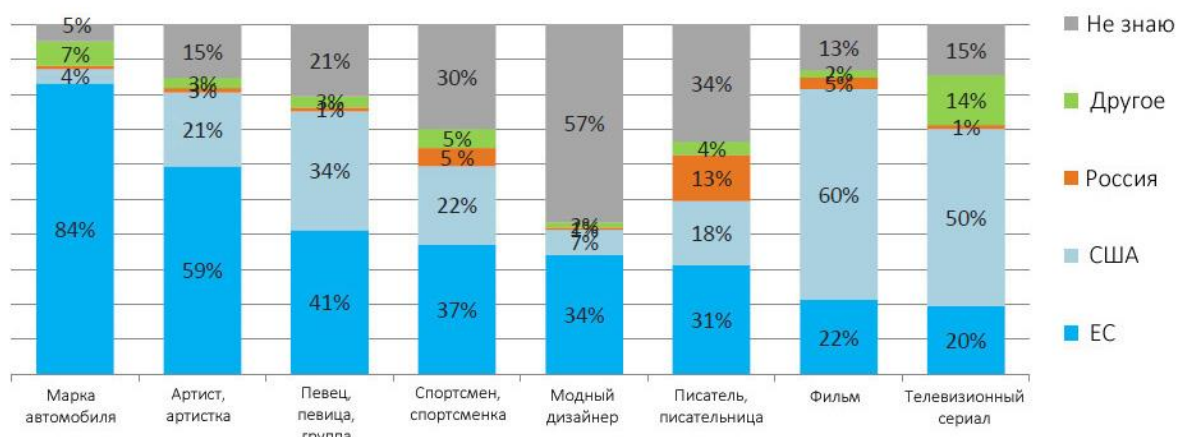

Рис. 2. «Из какой страны ваш любимый иностранец?»
(опрос среди сербов в возрасте от 18 до 35 лет), 2016 г.
Источник: Центр евроатлантических исследований (CEAS, Белград)

По мнению Эрнста А. Рида из Университетского колледжа Лондона, написавшего статью «Третий Рим или Потемкинская деревня: анализ степени влияния России в Сербии, 2012–2019 гг.» в последнее время много говорится о распространении российской мягкой силы в Балканском регионе, особенно в Сербии [8]. Однако выводы его неоднозначны, как и другого исследователя Демитара Бечева представляющего «Центр славянских, евразийских и восточноевропейских исследований» Университета Северной Каролины, что российская политика в регионе основана на прагматизме и оппортунизме, а не исторической лояльности [9].

Между тем, Россия и Сербия в 2013 г. подписали декларацию «О стратегическом партнёрстве между Российской Федерацией и Республикой Сербией». Настоящей Декларацией провозглашается установление между сторонами отношений стратегического партнерства, которые охватывают все сферы взаимодействия, включая политику, торговлю, экономику, культуру, науку, технику и образование [10]. И будем с оптимизмом рассчитывать и дальше на позитивный опыт взаимодействия РФ с дружественной славянской Сербией, однако следует понимать, влияние ЕС и США в этой стране также значительны.

Кроме положительного влияния «мягкой силы» России в различных странах, также можно отметить и тенденции к постоянной антироссийской пропаганде. Так, например, литовская журналистка Моника Гарбачяускайте-Будрене в статье «Как формируется российское коллективное сознание» цитирует Питера Померанцева: «контролируемые Кремлем телеканалы ставят перед собой не журналистские, а совершенно другие задачи - это создание какого-то вымышленного образа России, его поддержка и контроль. Действуют так: развлечения плюс подрыв критического мышления. Страх, стремление разбередить старые раны, и, наконец, когда люди эмоционально подготовлены, им посылают определенную весть: Путин приведет все в порядок». Далее она развивает высказанную мысль, «это даже не политика, а мистификация и теории заговора на самые разные темы. В конце концов, теория заговора ставит крест на нормальных дискуссиях. И это происходит уже десять лет. Эта тенденция особенно стала проявляться после экономического кризиса 2008 года: старались вовлечь в теорию заговора людей, тем самым отвлечь их внимание от настоящей информации, политики» [11]. И подобный этой статье контент очень распространен в странах Балтии и ряде стран Восточной Европы.

С Турцией, у России непростые рабочие деловые взаимоотношения. Конфликты в Сирии, Карабахе, сложные отношения в отношении к Крыму и многое другое, и в то же время закупка у России систем ПВО С-400, переводит взаимодействие российского и турецкого бизнеса в зону неопределенности даже на ближайшие обозримые горизонты, не говоря уже о длительных партнерских отношениях.

У Турции по-прежнему есть место для маневра, в том смысле, что ни США, ни ЕС не хотят слишком сильно давить на Турцию, и, потеряв взаи-

мосвязи, направлять ее в сторону оси Россия-Китай. «Новый способ работы между Турцией и западными державами, скорее всего, будет транзакционным и инструментальным, без какого-либо серьезного давления в пользу изменений во внутренней политике Турции» [12].

Однако в целом российский бизнес не испытывает сложностей при взаимовыгодных начинаниях и в реализации совместных проектов. В то же время Турция и сама не прочь применять возможности «мягкой силы», например, на Балканском полуострове, в пантюркском пространстве, включая Центральную Азию. Так, идеолог современного неоосманизма А. Давутоглу стремился сделать Турцию для Балкан не просто посредником и донором, а «старшим братом и культурным магнитом». Еще в 2009 году он, выступая на конференции в Сараево, пообещал «восстановить османские Балканы». А. Давутоглу подчеркивал, что в то время, как для дипломатов из другой части мира боснийский вопрос является «техническим», для Турции это «вопрос жизни и смерти» [13].

Материал для статьи собирался примерно за полгода до событий марта 2022 года, когда сложности российского бизнеса и санкционный режим, усиливающийся с 2014 года, не достигли нынешних масштабов санкционного давления со стороны ЕС и США. В мировом масштабе будет происходить переориентация на новых поставщиков сырья, но это не делается быстро и безболезненно. Кроме того, меняются политические расклады. Для компенсации российских поставок ЕС и странам, поддержавшим санкции против России нужно пересматривать и приоритеты в международной политике.

Проблема отечественного бизнеса в том, что при новых договоренностях, новые партнеры, понимая непростое одномоментное положение России, запросят очень серьезные дисконты, что скажется на завышенных ценах закупки и заниженных ценах продажи при торговле с нашей страной. Такие предварительные переговоры, например, ведутся с индийской стороной по поводу поставок российских углеводородов.

Общий рост цен и повышение уровня инфляции в любом случае неизбежны и это радикально меняет ситуацию на практически всех глобальных рынках. Наряду с проигравшими, будут и выигравшие, но главная задача российского бизнеса состоит в том, чтобы не потерять контроль над процессом и не допустить лавинообразного распада логистических цепочек. Там же где они неизбежны, придется осваивать новые деловые площадки, в чем-то и не дотягивающие до привычных, тем не менее, способные их заместить. Бизнес традиционно придерживается позиции экономической выгоды, а неэкономические факторы все же вторичны. Президент Сербской республики А.Вучич в марте 2022 года и вовсе, резонно держит свою прагматичную линию, и не приемлет двойных стандартов, заявляя о том, почему Сербия не вводит санкции против России, хотя этого требуют от них в Европе: «вы хотите ввести санкции против России? Но почему то-

гда вы сами не ввели санкции против российских нефти и газа? Потому что вы не вводите санкции тогда, когда вам это не нравится»[14].

Список литературы

1. Митрахович С.П. Европеизация и модернизация дискурса гражданского общества и политических партий // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2019 № 9(6) С. 18-23. <https://doi.org/10.26794/2226-7867-2019-9-6-18-23>
2. Пятибратов И. С. Разработка модели анализа санкций как фактора политического риска // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2021. № 11(3). С. 105-109. DOI: 10.26794/2226-7867-2021-11-3-105-109. <https://doi.org/10.26794/2226-7867-2021-11-3-105-109>
3. The Science|Business Network. URL: <https://sciencebusiness.net/framework-programmes/news/israel-switzerland-and-uk-face-exclusion-major-eu-quantum-and-space> (дата обращения: 20.07.2021).
4. Полтерович, В.М. Кризис институтов политической конкуренции, интернет и коллаборативная демократия // Вопросы экономики. 2021. № 1. С. 52-72. DOI: 10.32609/0042-8736-2021-1-52-72
5. Завельский М.Г. Закономерности хозяйства и экономические кризисы // Экономика и математические методы. 2010. Т. 46. № 3. С. 16-30.
6. Самые популярные языки в сербских школах (2019) / Министерство просвещения и культуры Республики Сербской, 8 мая 2019 г. [Электронный ресурс] URL: <https://www.vladars.net/sr-SP-Cyrl/Vlada/Ministarstva/mpk/srednje/aktuelno/Pages/PocetnaStranica.aspx> (дата обращения: 24.08.2021).
7. Европейский Союз, Россия и США глазами граждан Сербии: восприятие и предпочтения граждан Сербии от 19 до 35 лет [Электронный ресурс] URL: https://www.ceas-serbia.org/images/2015-ipsos/CEAS_2016_ipsos_srp.pdf (дата обращения: 12.09.2021).
8. Ernest A. Reid Third Rome or Potemkin village: Analyzing the Extent of Russia's Power in Serbia, 2012–2019 // Nationalities Papers, Volume 49, Issue 4: Special Issue on 1918 and the Ambiguities of “Old-New Europe”, July 2021, pp. 728 – 737. DOI: <https://doi.org/10.1017/nps.2020.62>
9. Bechev D. Rival power: Russia's influence in Southeast Europe (2017) Rival Power: Russia's Influence in Southeast Europe, pp. 1-300. URL: <http://yalebooks.co.uk/display.asp?K=9780300219135> (дата обращения: 12.09.2021)
10. Декларация о стратегическом партнёрстве между Российской Федерацией и Республикой Сербией / Сайт Президента РФ [Электронный ресурс] URL: <http://kremlin.ru/supplement/1461> (дата обращения: 24.08.2021).

11. Гарбачяускайте-Будрене М. Как формируется российское коллективное сознание / [Электронный ресурс] URL: <https://www.delfi.lt/ru/opinions/comments/kak-formiruetsya-rossijskoe-kollektivnoe-soznanie-zapugivanie-teorii-zagovora-starye-rany.d?id=67120948> (дата обращения: 24.08.2021).
12. Kutlay M., Öniş Z. Turkish foreign policy in a post-western order: Strategic autonomy or new forms of dependence? // International Affairs. 2021. № 97(4). P. 1085-1104.
13. Помощь бедным и политический ислам: как работает «мягкая сила» Турции на Балканах [Электронный ресурс] URL: <https://riafan.ru/1494178-pomosh-bednym-i-politicheskii-islam-kak-rabotaet-myagkaya-sila-turcii-na-balkanakh> (дата обращения: 17.09.2021).
14. Вучич указал на двойные стандарты Запада в отношении Косово и Украины / Российская газета [Электронный ресурс] <https://rg.ru/2022/03/19/vuchich-ukazal-na-dvojnye-standarty-zapada-v-otnoshenii-kosovo-i-ukrainy.html> (дата обращения: 24.03. 2022).

Петросянц Даниэл Викторович, канд. экон. наук, доц., dan-basa@yandex.ru, Россия, Москва, Финансовый университет при Правительстве РФ

THE INFLUENCE OF NON-ECONOMIC FACTORS ON THE PROMOTION OF
RUSSIAN COMPANIES TO FOREIGN MARKETS

D.P. Petrosyants

The article discusses the factors of perception and promotion of Russian companies to the foreign markets. In conditions of exacerbation of the foreign economic situation for Russia from February 24, 2022, it has never been important to find ways to interact and maintain international cooperation for domestic companies of the widest range of business orientation. By his task, the author see the identification of countries and business areas capable of enabled serious bars in the sanction blockade of Russia, using both business communications and find new business contacts.

Keywords: sanctions, business environment, diaspora, stereotypes, import substitution

Petrosyants Daniel Viktorovich, candidate of economic sciences, assistant professor, dan-basa@yandex.ru, Russia, Moscow, The Financial University under the Government of the Russian Federation.

ИНФОРМАЦИОННОЕ ВОЗДЕЙСТВИЕ НА ЭЛЕКТОРАТ ПРИ ПРОВЕДЕНИИ ВЫБОРОВ

К.О. Логинов

Проведен анализ процесса информационного влияния на социум при проведении выборных кампаний. Выделены коммуникативные технологии, используемые при формировании мнения электората, классифицированы инструменты, применяемые в ходе предвыборной борьбы, определены признаки стратификации общества, проанализированы существующие модели, описывающие подобное взаимодействие. Предложен подход к рассмотрению объекта исследования как математической модели, обладающей рядом особенностей и предлагающей решение по устранению дисбаланса между сложностью и достоверностью существующих решений.

Ключевые слова: коммуникационные технологии, избирательная кампания, агенты влияния, структуризация электорального пространства, математическая модель влияния на электорат, информационное противоборство, информационное воздействие

Введение

В настоящее время выборность органов государственной власти – основополагающий принцип формирования публичной власти в России. Любая избирательная кампания базируется на слаженной работе избирательной машины, результативность которой зависит от эффективного менеджмента и профессионализма команды и штаба кандидата. Работа штаба опирается на стратегии, основывающейся на качественном информационно-аналитическом сопровождении [1]. Эффективное решение указанной задачи невозможно без знания всего многообразия способов и средств формирования информационного воздействия на электорат, а также понимания структуры общества, участвующего во взаимодействии. Выделенная особенность вызывает особый интерес исследования вопросов, связанных с ретроспективным анализом существующих технологий и ресурсов влияния в современных политических процессах, математических моделей, позволяющих на основе наблюдений формировать обоснованные выводы о предпочтительности индивидов.

Решение указанной задачи составляет цель настоящей статьи, для достижения которой выделяются основные правила, приемы, методы и способы формирования общественного мнения при проведении избирательных кампаний с уточнением характера их влияния, направленности и продолжительности; уточняются средства и инструменты влияния на общественное мнение при объединении в группы; определяются классификационные признаки разделения электорального пространства; проводится ретроспективный анализ существующих

математических моделей оценки информационного воздействия на общество при выделении их особенностей.

Коммуникативные технологии формирования информационного воздействия на электорат

Формирование общественного мнения осуществляется в рамках политической коммуникации, под которой понимается комплекс процессов создания, передачи и обмена политической информации между политической и социальными системами [2]. Совокупность правил, приемов, способов и методов информационного влияния на электорат с целью создания необходимого отношения к кандидату, партии в рамках политической коммуникации объединяется понятием политико-коммуникационной технологии. В результате анализа [3 – 13] выделен ряд основных технологий, используемых в подобной коммуникации: политическая пропаганда, предвыборная агитация, политическая реклама, политический PR (связи с общественностью) и создание образа (имиджа).

Основополагающими средствами формирования общественного мнения в указанном списке являются пропаганда и агитация. Между данными понятиями существует ряд различий, обуславливающих их применение.

Понятие политической пропаганды зачастую отождествляется с информационно-психологической манипуляцией, направленной на эмоциональную часть массового сознания, с целью навязывания политических идеалов, мнений, установок и формирования политического поведения [3]. Политическая пропаганда формирует положительное или негативное общественное мнение по поводу определенного кандидата, партии, события в течение длительного времени в регулярном режиме. Отличие пропаганды от иных видов информационного воздействия заключается в формировании глубоких оценочных суждений по отношению к пропагандируемому объекту [4]. Для снижения значения ценностей оппозиционных идеологий применяется контрпропаганда.

Агитация проводится во время избирательной кампании. Согласно второй статьи Федерального закона от 12.06.2002 N 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации»: «... агитация предвыборная (предвыборная агитация) определяется как деятельность, осуществляемая в период избирательной кампании и имеющая целью побудить или побуждающая избирателей к голосованию за кандидата, кандидатов, список, списки кандидатов или против него (них)». Продолжительность агитации не превышает 28 дней при отсутствии повторного голосования. Это условие приводит к использованию более агрессивных методов информационного воздействия на электорат.

Несмотря на отличие по срокам проведения и ожидаемому результату, агитация и пропаганда схожи и неразрывно связаны. Пропаганда не прекращается во время избирательной кампании и подготавливает общество к принятию выбора, к которому побуждает агитация. Оба процесса учитывают настроение людей, их уровень культуры и образования. Агитация и пропаганда – агрессивные способы политической коммуникации, используемые вместе наряду с политической рекламой, связями с общественностью (public relations – PR) и созданием образа кандидата или партии.

Политическая реклама является конструктивным элементом политического маркетинга [5]. Как любая реклама, это платное, неличное, однонаправленное обращение, направленное на создание ценностей духовного характера [6] и ведущееся через средства массовой информации, средства или другие масс-медиа и требующее предварительных исследований для повышения эффективности.

Основными вопросами решаемыми социальными исследованиями, проводимыми в интересах создания политической рекламы, являются: ранжирование актуальных проблем электората; определение политических предпочтений избирателей; оценка степени известности кандидата и уровня доверия к нему; выявление наиболее эффективных каналов информационного воздействия на электорат; определение социальных ожиданий населения; оценка массового настроения.

На основании исследований приемов массовой пропаганды и политической рекламы [7] можно выделить методы, используемые для воздействия на сознание и поведение избирателей: использование лидеров общественного мнения; причастность к большинству; упрощение проблемы; использование эмоционально-сильных слов и понятий; создание положительного образа кандидата, путем ассоциирования его с целевой группой; создание негативного образа кандидата-конкурента; наклеивание ярлыков; фокусировка внимания. Выделены признаки, согласно которым реклама разделяется на косвенную или прямую, либо на визуальную, аудиальную и аудиовизуальную [8].

Подобно агитации и пропаганде политическая реклама нацелена на односторонний диалог с электоратом. Подходы, опирающиеся на более тесное взаимодействие с населением, используются в таких формах политических коммуникаций как связи с общественностью (PR) и создание образа политика или партии.

Политический PR является инструментом коммуникации, формирующим общественное мнение согласно разработанной PR – стратегии проявляющимся особенно в преддверии выборов [9]. Целью данного процесса является установление каналов взаимодействия между политическим субъектом и общественностью, объединяющими в себе формальные и не-

формальные связи и учитывающие разнонаправленность и стохастический характер протекающих процессов [10].

Виды связей с общественностью разделяют по следующим признакам:

- по преследуемой цели: электоральный (избирательный), непосредственно политический, государственный;
- по «цвету»: белый, черный, серый, желтый, красный и зеленый.

Связи с общественностью, как и пропаганда, начинаются до избирательной кампании, усиливаются во время неё и продолжаются после выборов, если политический субъект остается на политической арене. Как упоминалось ранее PR создает определенный образ у избирателя или другими словами имидж, который базируется на принципах, описанных в [11, 12].

Имидж – это образ, целенаправленно формируемый у электората и влияющий на эмоционально-психологическом уровне на целевую аудиторию [13]. Образ политического субъекта можно структурировать при выделении следующих элементов:

- база – образы политика или партии, предварительно обработанные с целью максимизации положительных и минимизации отрицательных черт в соответствии с выбранной моделью имиджа;
- избирательная модель имиджа, наложенная на базу;
- неизбежные искажения, привносимые средствами масс-медиа;
- результативный образ, формируемый у электората под действием внешнего воздействия и происходящих внутренних коммуникационных и психологических процессов.

В целом, связи с общественностью, создание образа, политическая реклама взаимосвязаны и основаны на методах пропаганда и агитации. PR и имидж более акцентированы на общественное мнение, продвижение политика, партии, поэтому взаимовлияние электората и этих форм политической коммуникации двустороннее. В то время как политическая реклама, пропаганда и агитация используются для одностороннего влияния – побуждения к действию (реклама и агитация) и выбору позиции по какому-либо вопросу (пропаганда). Данные коммуникативные технологии применяются для формирования положительного или негативного отношения к людям, событиям, организациям. У каждой технологии есть «обратная сторона»: пропаганда и контрпропаганда, «белый» и «черный» PR, реклама и антиреклама, создание положительного и отрицательного образа, агитация за действие или противодействие. Таким образом у электората формируется положительное или негативное отношение к пропагандируемому политическому субъекту.

Для применения коммуникативных технологий используются различные **инструменты влияния**.

В рамках современного информационного общества на формирование предпочтений электората влияет множеством источников. К таким факторам влияния можно отнести:

- средства массовой информации (далее – СМИ) и средства агитации: печать (газеты, журналы, альманахи, книги, брошюры, листовки, плакаты, стенды и билборды); радио; телевидение; таргетированная реклама в сети Интернет;

- социальные медиа: социальные сети (vk, facebook, TikTok и др.); мессенджеры (Telegram, WhatsApp и др.); видеохостинги (YouTube, Rutube); блогплатформы (например, LiveJournal); тематические Интернет сайты и форумы [14]; и прочее;

- информационные и аналитические агентства;

- межличностное общение, включающее в себя как общение электората между собой, так и мероприятия, проводимые в ходе избирательной кампании (встречи с избирателями, политические митинги, личные встречи, публичные выступления).

Одним из основных активно развивающихся по интенсивности источников влияния на общественное мнение в современном обществе являются социальные медиа. По определению А.М. Каплана и М. Хейлейна: социальные медиа – это «группа приложений, которые основываются на идеологических и технологических основах Web 2.0 и позволяют создавать пользовательский контент и обмениваться им». СМИ, социальные медиа, информационные и аналитические агентства можно объединить в одну группу – масс-медиа [15].

В результате анализа источников [16 – 19] выделим основные подходы формирования необходимого мнения у избирателей в отношении конкретного кандидата или партии через средства масс-медиа на основании исследований ученых, заложивших теоретическую основу подобной методологии.

Т. Адорно и Г. Маркузе являются представителями Франкфуртской школы, практиковавшей доминирующий или неомарксистский подход, согласно которому органы власти полностью управляют поведением общества через масс-медиа. Теоретическая база такого подхода описана У. Липманом. Основным минусом данного подхода является отсутствие эмпирических данных, подтверждающих ее жизнеспособность [16].

В противовес теории абсолютизма влияния масс-медиа существует функционалистический подход, возникший в позитивистской социологии и основывающийся на минимальном воздействии медиа. Эмпирические данные, полученные в ходе исследований указанных ученых, доказывают несостоятельность неомарксистского подхода.

Первым систематизацию факторов и социальных установок, влияющих на поведение избирателей, провел П. Лазарсфельд. Согласно его исследованию, большое влияние на электорат оказывают «лидеры мнений» и

«неформальная коммуникация». Лазарсфельд ввел понятие «лидер мнений», используемое в предложенной им «двухступенчатой модели коммуникации» [17]. В ней осмысление информации осуществляется у малой части аудитории – «лидеров мнения», затем эти лидеры распространяют свое понимание остальным.

Дж. Клапнер также поддерживал идею сокращения влияния масс-медиа только до закрепления существующих предпочтений. Основными влияющими факторами Дж. Клапнер называл персональные характеристики индивида и его социальной группы: социально-демографические, психологические, степень усвоения групповых норм, индивидуальное восприятие пропаганды. В современной ситуации влияние масс-медиа (особенно в рамках пандемии) растет. Развитие мобильных сетей и сетей доступа к ресурсам Internet накладывает свой отпечаток на процесс формирования общественного мнения.

На основании указанных исследований можно сделать вывод о комплексном влиянии на электорат масс-медиа и иных факторов. Интегрированный подход, объединяющий взгляды доминирующего и функционалистического течения, сформулировал С. Ленарт. Согласно С. Ленарту воздействие средств массовой информации и иных источников информации рассматривается в совокупности, ключевая роль отводится средствам массовой информации. Эта роль особенно ярко проявляется в процессе влияния сообщения социальных медиа, где изначальная смысловая нагрузка не является конечной [18]. С учетом такого подхода и современного уровня технических средств, роль масс-медиа определяется формированием информационной повестки дня в рамках политической коммуникации.

Особенность социума обуславливает то, что степень вовлеченности человека в политический процесс не является бинарной. Для упрощения учета этой особенности целесообразно ограничить количество уровней причастности до трех: адепты, предадепты и неохваченные индивиды. У неохваченных индивидов (нейтрально настроенные) отсутствуют предпочтения в отношении какого-либо кандидата. Адептами назовем индивидов, отдающих предпочтение конкретному кандидату (партии) и распространяющих свое положительное мнение. Преадепты – индивиды, отдающие предпочтение конкретному кандидату (партии), но не распространяющие о нем информации. В общем случае такая структуризация общества представима воронкой конверсии (рис. 1).

Следует отметить, что многовариантность характеристик интенсивности, доступности, предпочтительности различных средств масс-медиа обуславливает необходимость классификации электората в ограниченном признаковом пространстве для обеспечения компромисса между простотой и адекватностью формируемой математической модели.

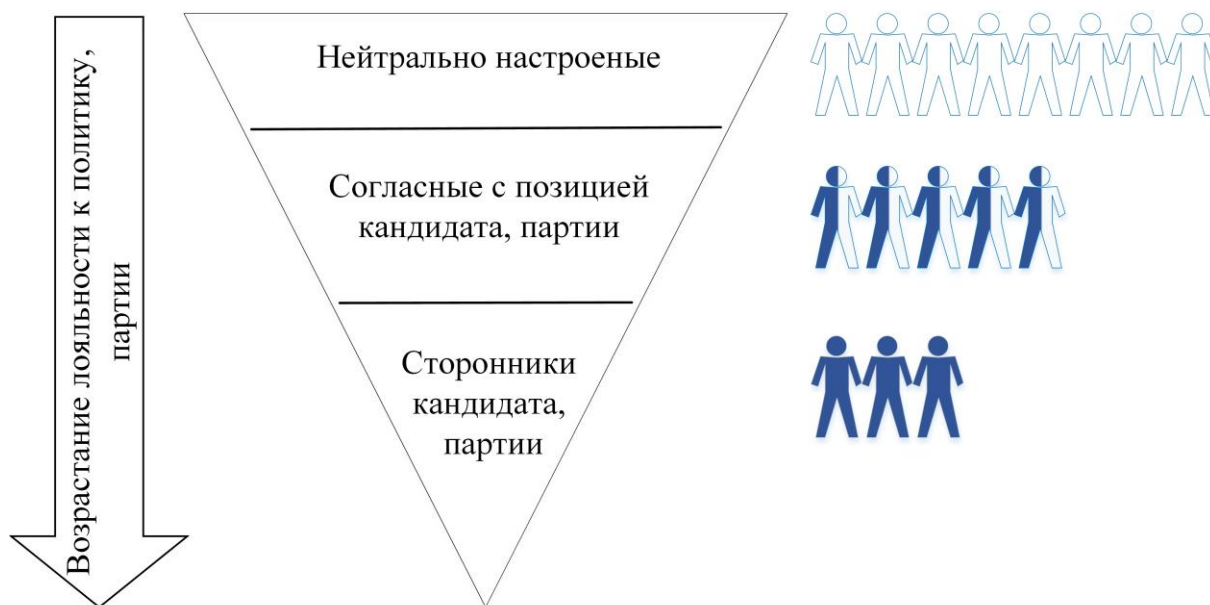

Рис. 1. Воронка конверсии

Признаки разделения электорального пространства

Наряду с исследованием приоритетности факторов, влияющих на электоральный выбор, осуществляется множество исследований по определению групп, которые выделяются в обществе. Выделим ряд классификационных признаков, выделяемых в таких исследованиях.

Развитие технических средств обуславливает изменение и появление новых видов средств массовой информации. Это же влечет за собой различные предпочтения у разных возрастных групп при выборе источника информации.

Согласно данным ВЦИОМ 2017 года, основным источником новостной информации для 62 % 18-24-летних и для 47 % 25-34-летних является сеть. В то же время прессе отдают предпочтение 84 % людей пенсионного возраста (против 61 % от 18 до 24 лет). Возрастное разделение является самым очевидным критерием, но его недостаточно для формирования групп удобных для построения точных моделей формирования общественного мнения.

В настоящее время актуален подход Лазарсфельда [19], описанный в рамках социологической модели интерпретации электорального поведения.

Дополнением в исследовании причин разнообразного проявления поведения электората в процессе выборов являются структурно-функциональный подход, а также рассмотрение социально-структурных, социально-политических и социокультурных факторов, оказывающих влияние на проявление предпочтений населения. Гендерная особенность под-

тверждается социологическими исследованиями протестного поведения участвующих в голосовании.

Рис. 2. Модель формирования общественного мнения в рамках политических коммуникаций

Также нельзя исключать социально-психологический фактор, характеризующийся низкой социально-политической активностью и проявляющийся в следовании за выбором в семье, окружении, компании.

Все указанное выше оказывает влияние на формирование отношения к конкретным кандидатам и к выборам в целом у электората. Выбор факторов, необходимых для выделения групп, участвующих в моделировании, осуществляется совместно с экспертами на основании особенностей региона. Основополагающими являются характеристики разбиения на группы, предложенные П. Лазерсфельдом.

С учетом рассмотренных коммуникативных технологий, агентов влияния на социум и признаков разделения электорального пространства описана модель формирования общественного мнения, изображенная на рисунке 2.

Ретроспективный анализ математических моделей информационного противоборства

Как было уточнено ранее, коммуникативные технологии работают на создание позитивного общественного мнения о том, в чьих интересах используются, и негативного – у оппонентов.

Подобное поведение является соперничеством, происходящим посредством распространения информации в социуме с учетом взаимовлияния частей этого общества. Будем называть такое соперничество информационным противоборством.

В результате анализа исследований [22–28] выявлено, что для описания процессов, происходящих в обществе при информационном противоборстве, используются модели, изображенные на рисунке 3.

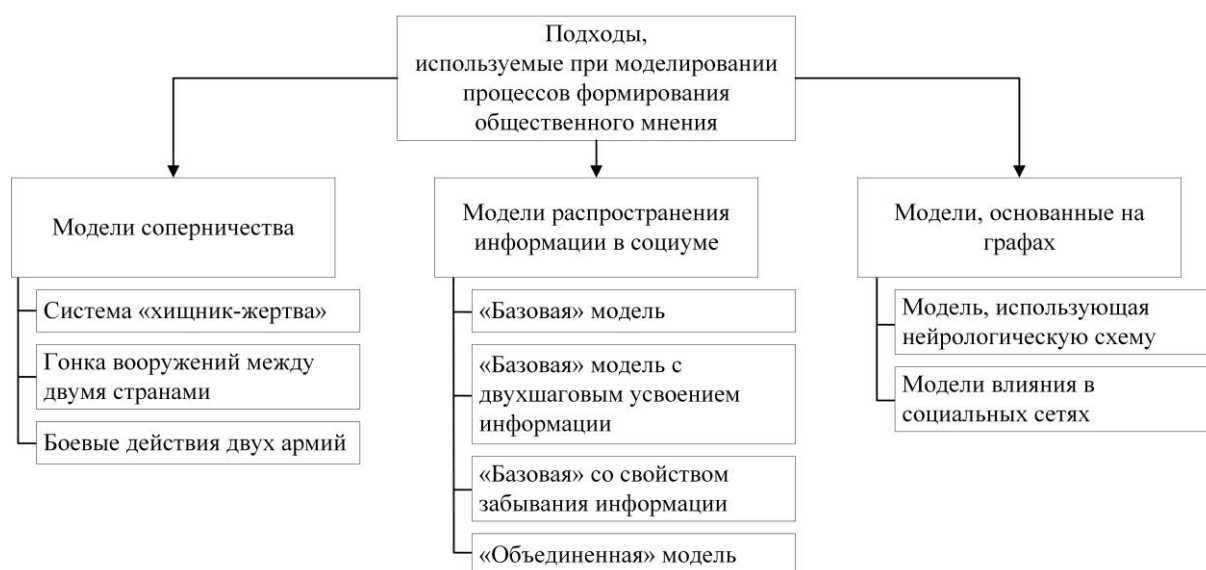

Рис. 3. Модели информационного влияния на электорат

Основные модели соперничества описаны в Ю.И. Бродским [22]. Выделим их основные черты.

Модель «хищник-жертва». Особенность данных взаимоотношений, позволяющая отнести их к противоборству, заключается в зависимости численности жертвы и численности хищника. Данная математическая модель является самой простой и рассматривает соперничество только двух видов. Эффект насыщения численностей популяций, естественная смертность жертвы и естественная рождаемость хищника не учитываются.

«Гонка вооружений между двумя странами» [23]. Подобная модель описывается системой уравнений при допущении о независимости от времени уровня взаимной настороженности, а также скорости наращивания и списания вооружения. Модель не учитывает ряд важных факторов, влияющих на динамику, но позволяет анализировать существенные свойства гонки вооружений.

«Боевые действия двух армий» [23]. В данной модели рассматриваются участие в противоборстве как регулярных армий, так и партизанских соединений. Условием выигрыша является обращение численности одной из армий в нуль.

Модели распространения информации исследованы в работе А.П. Михайлова, А.П. Петрова, Г.Б. Прончева, О.Г. Прончевой [24]. В их основе лежит структурированное представление социальной среды и процессов передачи информации в ней. В модели распространения информации выделяют два вида каналов передачи: внешний (через масс-медиа) и внутренний (посредством межличностной коммуникации). В ее основе лежит «базовая» модель.

«Базовая» модель». Модель использует упрощение – однородность общества и ограничение численности социума. Вводится интенсивность воздействия (распространения информации) через масс-медиа и интенсивность межличностного взаимовлияния (например, через распространение слухов). Изменение количества адептов основывается на уравнении Мальтуса.

Дальнейшее усложнение вводит факторы, учитывающие интенсивность забывания информации, постепенное усваивание информации из группы адептов выделяются предадепты, существование минимум двух различных направлений (партий). Все описанные условия, влияющие на распространение информации, объединены в обобщенной модели.

Следующими классами подходов моделирования процессов формирования общественного мнения составляют модели, основанные на графах. В их состав входят модели, основанные на нейробиологической схеме и рассмотренные в работе Степанцова М. Е. [25] и с учетом ряда допущений:

– рассматривается противоборство между двумя «партиями»;

- у члена социума известны обе позиции участвующих в противоборстве сторон и есть склонность к принятию позиции одной из них;
- модель классифицируется как динамическое обобщение традиционной модели подражательного поведения;
- центральным моментом является процесс принятия решения индивида о выборе одной из позиций.

Модели влияния в рамках теории социальных сетей описаны в работе Губанова Д.А., Петрова И.В. [26]. Социальная сеть, в широком смысле, представляется общностью людей, коллективов, групп, организаций – агентов, между членами которой существует совокупность связей – отношений. Формально подобная сеть представима в виде графа с конечным множеством вершин – агентов, и множества ребер – отношений между агентами. Основными объектами таких моделей социальных сетей являются: агент, мнение, влияние/доверие, репутация.

При построении модели социальной сети учитываются множество её свойств: собственные мнения агентов, изменение мнений при взаимодействии с другими членами сети, различный уровень доверия между агентами, существование косвенного влияния и изменение с увеличением «расстояния» и т.д.

На поведение агента влияют: индивидуальный, социальный и административный факторы. В зависимости от отсутствия или наличия взаимодействия между агентами, выделяют вырожденные и невырожденные социальные сети соответственно. Модель вырожденной социальной сети с независимыми агентами сопоставляется с термодинамической моделью идеального газа, в случае с зависимыми агентами – моделью многоатомного газа.

В целом, проведенный ретроспективный анализ математических моделей информационного противоборства позволил установить, что основные подходы математических представлений по получению оценок информационного воздействия на электорат в современных масс-медиа основываются на социальных сетях, представляемых объединением социальных позиций – социальных акторов и их связей [26]. При том, что в социальной сети выделяется два вида источников информации: масс-медиа, вещающих однородным (в некотором смысле) образом на весь социум или его часть, и индивиды, передающие информацию соседям по социуму при межличностной коммуникации. При этом предполагается задание сетевой структуры социума за счет введения в явном виде соответствующей топологии (граф) [27]. В таком подходе большое сомнение вызывает адекватное представление и верификация корректности формируемой топологической структуры модели и ее устойчивости в отношении такого сложного объекта исследования, который представляется процессом формирования информационного воздействия на электорат при информационно-аналитическом сопровождении выборных кампаний различного уровня.

Также топология реальных социальных сетей, моделирующих процессы информационного противоборства обуславливает значительную количественную сложность итоговой математической модели в сравнении с ее качественными свойствами.

В заключении автором определено основное противоречие, которое устанавливает отсутствие баланса между сложностью и точностью к измерениям существующих математических моделей оценки информационного воздействия на электорат при проведении выборных кампаний. С учетом выделенных ключевых характеристик исследуемого процесса разрешение указанного противоречия возможно за счет разработки новых математических моделей, обладающих всеми достоинства существующих при учете следующих особенностей:

- воздействие средств масс-медиа и межличностного взаимовлияния (важность данной особенности обоснована и заложена в основание типа моделей распространения информации в социуме);

- влияние на общественное мнение средств масс-медиа носит как положительный, так и отрицательный характер (в ходе выборных кампаний свойством забывания информации целесообразно пренебречь и заменить его негативным воздействием средств масс-медиа);

- двухшаговое усвоение информации (необходимо учитывать неоднородность общества по критерию степени приверженности кандидату, партии);

- наличие многообразия средств масс-медиа, социальных групп, объединенных по ряду выделенных признаков, и списка кандидатов, партий (особенность закладывается в базовой модели);

- учет особенности восприятия и предпочтения источников информации различными социальными группами;

- стохастический характер воздействия средств масс-медиа (для описания данной особенности используют свойства марковских цепей при применении современных математических методов фильтрации наблюдений в сложных технических системах) [28].

Список литературы

1. Невская Т. А. Информационно-аналитическое сопровождение избирательных кампаний: российский и зарубежный опыт // Социодинамика. 2019. № 10. С. 55–64. DOI: 10.25136/2409-7144.2019.10.30809.

2. Суворова А. Ю. Политические коммуникации: сущность, структура и современные тенденции развития // Государственная служба. 2017. Т. 110. № 6. С. 105–109.

3. Кихтан В. В. Исследование процессов манипулирования массовым сознанием в современных средствах массовой информации // Вестник Волжского университета имени В. Н. Татищева. 2018. Т. 2. № 2. С. 221–227.

4. Бредихин А. Л., Удальцов А. А. Пропаганда как средство осуществления идеологической функции государства // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2020. Т. 87. № 3. С. 10–14. DOI: 10.35750/2071-8284-2020-3-10-14.

5. Байков Е. А., Байкова И. А., Морщагина Н. А. Актуализация использования инновационных маркетинговых технологий в экономической и политической сферах деятельности современного общества // Петербургский экономический журнал. 2017. № 3. С. 33–43.

6. Каширина О. В., Муликова Н. А. Рекламные коммуникации в системе глобальных культурных трансформаций и социальных технологий // Современные исследования социальных проблем. 2019. Т. 11. № 2-1. С. 64–77.

7. Пую Ю. В., Кузнецова Е. А. Эффективные методы манипулятивного воздействия в политической рекламе // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2017. № 4. С. 78-85. DOI: 10.18384/2310-7227-2017-4-78-85.

8. Матвеева А. Р. Политическая реклама: специфика, функции, оценка эффективности // Молодой ученый. 2021. № 16 (358). С. 224–226.

9. Ефанов А.А. Феномен пиаризации медиа // Коммуникология. 2018. Т. 6. № 3. С. 34–40. DOI:10.21453/2311-3065-2018-6-3-34-40.

10. Николаенко Н. А. Сущность и роль PR в деятельности современной организации // Бюллетень науки и практики. 2019. Т. 5. № 5. С. 365–369. DOI:10.33619/2414-2948/42/49.

11. Халитова Е.Ю., Слинько Е.А. Политический имидж политика в контексте концепции харизматического лидерства // Среднерусский вестник общественных наук. Серия: Политология. 2017. Т. 12. №5. С. 163–169. DOI:10.22394/2071-2367-2017-12-5-163-169.

12. Vladyslav Buinitskyi, Anatolii Yakovets The Role of the Media in Shaping the Image of a Politician.// World Science. 2019. Vol. 3. №11(51). DOI: 10.31435/rsglobal_ws/30112019/6783.

13. Бешукова Ф. Б., Алрикаби С. С. Г. Современные PR-технологии создания политического имиджа // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение. 2020. № 2. С. 157–162.

14. Калугина Е.Г. Интернет-СМИ как субъект политической коммуникации: ключевые характеристики // Вопросы теории и практики журналистики. 2017. Т. 6. № 3. С. 406–417. DOI:10.17150/2308-6203.2017.6(3).406-417.

15. Симакова С. И., Топчий И. В. Роль средств массовой информации в воспитании медиакомпетентной аудитории// Знак: проблемное поле медиаобразования. 2017. Т. 26. № 4. С. 226–233.

16. Сычева Е.Ю. Масс-медиа как инструмент влияния на электронное поведение: основные подходы // Экономика. Социология. Право. 2018. № 1(9). С. 101–107.

17. Грачев М.Н. Трансформация моделей эффективного информационного воздействия на массовую аудиторию (первая половина XX - начало XXI вв.)//Российская школа связей с общественностью. 2018. № 11. С. 25–40.

18. Володенков С.В. Влияние технологий интернет-коммуникаций на современные общественно-политические процессы: сценарии, вызовы и акторы // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2019. № 5. С. 341–364. DOI: 10.14515/monitoring.2019.5.16.

19. Завгородняя М.Ю. Пол Лазарсфельд: новый взгляд на изучение электоральной коммуникации // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. 2017. № 4. С. 105–111.

20. Математическая модель оценки информационного воздействия на электорат в социальных медиа при проведении выборных кампаний / И.С. Полянский, К.О. Логинов, Н.И. Ильин, А.С. Великих // Математическое моделирование. 2021. Т.33. № 12. С. 67–81. DOI:10.20948/mm-2021-12-05.

21. К вопросу численной оценки информационного воздействия на электорат при проведении выборных компаний / А.С. Ильинский, И.С. Полянский, К.О. Логинов, Н.С. Архипов // Прикладная Математика и информатика: Труды факультета ВМК МГУ им. М.В. Ломоносова. Москва: МАКС Пресс, 2021. № 68. С.15–28.

22. Бродский Ю.И. Об инвариантах популяционных моделей - хищник-жертва // Моделирование, декомпозиция и оптимизация сложных динамических процессов. 2020. Т. 35. № 1(35). С. 59–74. DOI: 10.14357/24098639200103.

23. Муфтий Ставропольского края просит президента России вмешаться в ситуацию со сносом мечети в Пятигорске [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://www.kavkaz-uzel.eu/articles/242509/> (дата обращения: 16.05.2022).

24. Четыре базовых макросценария распространения информации в социуме / А.П. Михайлов, А.П. Петров, Г.Б. Прончев, О.Г. Прончева // Научный сервис в сети Интернет. 2020. № 22. С. 462–472. DOI:10.20948/abrau-2020-27.

25. Степанцов М. Е. Модель информационного противоборства на основе клеточного автомата// Математическое моделирование. 2020. Т. 32. № 7. С. 47–58. DOI: 10.20948/mm-2020-07-03.

26. Губанов Д.А., Петров И.В. Информационные сообщества в социальных сетевых структурах. Ч. 1. От основного понятия к математическим моделям формирования // Проблемы управления. 2021. № 1. С. 15–23. DOI: 10.25728/ru.2021.1.2.

27. Полянский И. С., Архипов Н. С., Мисюрин С.Ю. О решении проблемы оптимального управления адаптивной многолучевой зеркальной

антенной // Автоматика и телемеханика. 2019. № 1. С. 83–100. DOI: 10.1134/S0005231019010069.

28. Petrov A., Proncheva O. Modeling propaganda battle: Decision-making, homophily, and echo chambers // Communications in Computer and Information Science. 2018. Vol. 930. P. 197-209. DOI: 10.1007/978-3-030-01204-5_19.

Логинов Кирилл Олегович, сотрудник, kvirs@mail.ru, Россия, Орел, УИТО Спецсвязи ФСО России

INFORMATION IMPACT ON THE ELECTORATE DURING ELECTIONS

K.O. Loginov

The article is devoted to the analysis of the process of information research on the society while confirming the electoral consequences. The author singles out the communicative, used in the assessment of the electorate, classified tools used in the course of the pre-election competition, important signs of the stratification of society, analyzes the application models that describe the technologies of interaction. An approach is proposed to consider the object of study as a mathematical model that has a number of features and offers a solution to eliminate the imbalance between the imbalance of the disease and the inevitability of solutions.

Keywords: communication technologies, election campaign, agents of influence, structuring of the electoral space, mathematical model of influence on the electorate, information confrontation, information impact.

Loginov Kirill Olegovich, employee, kvirs@mail.ru, Russia, Orel, DITS Special communications of FSO of Russia

ПОЛИТИЧЕСКАЯ РЕГИОНАЛИСТИКА. ЭТНОПОЛИТИКА

УДК 32.019.51

DOI: 10.24412/2071-6141-2022-2-43-52

РЕГИОНАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ МОЛОДЕЖНОЙ ПОЛИТИКИ В СИСТЕМЕ РАЗВИТИЯ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЭКОСИСТЕМЫ

М.В. Шатохин, С.О. Новосельский, Л.С. Пастухова

В работе представлены результаты исследования региональных аспектов коммуникации органов власти и молодежи в условиях геополитической напряженности и существующем этапе развития общественной экосистемы. Авторами делается вывод о значительном уровне актуальности реализации молодежной политики в условия геополитической напряженности, так как формирование четкого понятийного аппарата в молодежной среде имеет колоссальное значение для общего социально-политического развития государства.

Ключевые слова: молодежь, молодежная политика, коммуникации, органы государственной власти, геополитическая напряженность.

Актуальность исследуемой в работе проблематики состоит в том, что молодежь относится к той демографической группе населения, от которой зависит будущее развития государства в целом. В этой связи органы государственной власти на самом высоком уровне рассматривают молодежное сообщество как национальный стратегический ресурс. Ключевой особенностью молодежи, как демографической группы населения выступает относительная гибкость ее социальной ориентации и общественного сознания. Указанное обстоятельство требует разработки продуманной молодежной политики, которая должна сформировать у представителей данной возрастной группы правильные целевые социальные ориентиры, направленные на обеспечение эволюционного развития личности, формирование чувства национальной гордости и патриотизма, стремление к законности и созданию гражданского общества. Таким образом, с определенной долей условности можно сказать, что молодежная политика выступает одним из стратегических направлений обеспечения национальной безопасности. В большинстве стран вопросам успешности реализации молодежной политики уделяется повышенное внимание, что подчеркивает значимость рассматриваемого направления национальной социально-экономической политики для формирования прогрессивной траектории развития государства. Ключевым элементом всей молодежной политики страны является выстраивание эффективной коммуникации между органами государственной власти на всех уровнях ее проявления и представителями молодежного

сообщества. При этом определяющими характеристиками эффективной коммуникации между указанными субъектами являются оперативность и обратная связь. Роль оперативности заключается в том, что властные структуры должны как можно быстрее реагировать на существующие социально-экономические проблемы в молодежной среде и принимать адекватные меры по их устранению. Присутствие критерия обратной связи имеет важное значение с позиции получения информации о результативности проведения мероприятий в секторе молодежной политики, а также относительно комплексной диагностики существующих ориентиров социальной активности молодежного сообщества. Совокупность двух выделенных фактов выступает основой разработки эффективной государственной молодежной политики. Таким образом, построение эффективной коммуникации с молодежным сообществом выступает стратегической задачей политики органов государственной власти, решение которой позволит создать социально-ориентированные траектории развития молодежного сообщества, опирающиеся на национальные интересы и поступательное личностное развитие каждого гражданина.

Цель исследования заключается в рассмотрении региональных аспектов коммуникации органов власти и молодежи в условиях геополитической напряженности и существующем этапе развития общественной экосистемы. Достижений указанной цели осуществляется по итогам решения следующего перечня задач:

- рассмотреть роль государственной молодежной политики в механизме коммуникаций властных структур и молодежного сообщества;
- изложить особенности существующих коммуникаций органов власти и молодежного сообщества;
- проанализировать региональные особенности и проблемы функционирования коммуникационных каналов взаимодействия органов власти и молодежного сообщества;
- обосновать направления расширения потенциала коммуникационного взаимодействия региональных властных структур и представителей молодежи.

Решение поставленных задач позволит сформировать общий вектор расширения потенциала коммуникационного взаимодействия органов государственной власти и молодежного сообщества, сфокусированный с учетом текущей специфики развития общественной среды и геополитических особенностей.

Для решения стоящих в работе задач и достижения общей цели будет использован комплексный аппарат объективных методов научного исследования. Одним из наиболее ключевых методов, используемых при выполнении данной работы станет метод синтеза, который позволит уточнить сущность и конкретизировать целевые ориентиры государственной молодежной политики, а также особенности существующих коммуникаций органов власти и молодежного сообщества. Использование метода выбороч-

ного наблюдения создаст фундамент формирования репрезентативной статической совокупности, необходимой для проведения требуемого объема расчетов. Применение экономико-аналитического метода направлено на проведение актуальных расчетов в работе, которые станут базовыми основаниями для принятия решений относительно вектора расширения потенциала коммуникационного взаимодействия органов государственной власти и молодежного сообщества. Адаптация метода научного обобщения способствует выделению ключевых итогов работы, которые позволяют обозначить четкий фокус актуальности и перспектив развития государственной молодежной политики на региональном уровне при существующих конъюнктурных социально-экономических и общественно-политических условиях.

Важное место в процессе коммуникации органов власти и молодежного сообщества принадлежит молодежной политике. Как отмечает А.А. Оголь [7, с.167] государственная молодежная политика выступает общим концептом совокупности идей и предложений, аккумулированных властными структурами, для создания комфортных социально-экономических условий прогрессивного развития молодежи. В то же время эффективная реализация всех замыслов и инициатив молодежной политики не представляется возможной без присутствия устойчивых каналов общения с представителями молодежной среды. Наличие подобного рода каналов взаимодействия служит ключом к успеху реализации программно-целевых механизмов молодежной политики.

Тесную связь молодежной политики и коммуникации власти и молодежного сообщества подчеркивает в своей статье В.В. Касьянов [4, с.231]. С учетом научной позиции отмеченного автора можно заключить, что непосредственное формирование подобного рода коммуникации происходит как раз при помощи осуществления основных направлений молодежной политики. Дополняя позицию предыдущего автора, Е.А. Васильева [1, с.300] в качестве примера считает интересным рассмотреть механизм проведения общественных мероприятий для представителей молодежи. Сама инициатива проведения мероприятия заложена в программе молодежной политики того или иного органа власти, но в рамках его подготовки и непосредственного проведения происходит формирование определенных коммуникационных взаимодействий между властью и молодежным сообществом, обеспечивающих эффективность реализации самого мероприятия. Таким образом, именно инициативы молодежной политики становятся актуальным источником зарождения и развития коммуникаций между властью и молодежью.

В то же время, по мнению Р.В. Иванова [3, с.95] и С.Н. Мозулева [5, с.53], эффективность молодежной политики во многом определяется качеством существующей коммуникации. Значимость данного вопроса состоит в том, что результаты коммуникационного взаимодействия власти и молодежного сообщества создают объективную, достоверную и комплексную

информационную базы для разработки и последующей реализации мероприятий в рамках молодежной политики. Таким образом, именно по итогам использования тех или иных коммуникаций осуществляется выявление болевых точек социально-экономической среды развития молодежи, которые должны быть устранены или минимизированы в рамках молодежной политики.

Кроме того, фокусное использование коммуникационного инструмента оказывает существенное влияние на уровень текущей и потенциальной политической активности молодежи [6, с.3].

Основой построения эффективной коммуникации органов власти и молодежного сообщества любой территории выступает присутствие актуальных каналов прямой и обратной связи [2, с.97]. В существующих конъюнктурных условиях социально-экономического развития общества наблюдается интенсивная трансформация каналов связи между представителями молодежи и властными структурами, обусловленная следующим комплексом причин:

- наступление эпохи тотальной цифровизации социально-экономических отношений, которая связана с активным внедрением цифровых технологий во все сферы жизнедеятельности гражданского общества и в первую очередь в коммуникационные процессы. Вектор не только межличностного, но и межинституционального взаимодействия переносится в интерактивное пространство. Данный тренд должен быть безусловно учтен органами государственного управления при реализации молодежной политики, в особенности в части донесения ее основных идей до определенных демографических групп населения. Ключевой вектор пропаганды актуальных социально-значимых ценностей для развития молодежного сообщества должен быть сконцентрирован в цифровом пространстве;
- введение ограничительных мер во время пандемии существенно ограничило проведение не только общественно-массовых мероприятий, но и работу локальных молодежных центров. В этой связи основной платформой для коммуникации органов власти и молодежного сообщества Курской области является цифровая среда. С учетом указанного обстоятельства региональные властные структуры должны активно развивать и поддерживать интерес молодежи к цифровым каналам коммуникационного взаимодействия.

Важным этапом выявления проблем функционирования коммуникационных каналов взаимодействия органов власти и молодежного сообщества Курской области является диагностика эффективности использования цифрового пространства властными структурами для трансляции целевого контента. К числу основных цифровых платформ взаимодействия органов власти и молодежного сообщества можно отнести официальный сайт Комитета молодежной политики Курской области и официальную группу данного органа власти в социальной сети «ВКонтакте». Для диагностики степени востребованности информационного коммуникационного канала

Комитета молодежной политики Курской области на рисунке 1 отразим динамику участников его официальной группы в социальной сети «Вконтакте» [9].

На основе данных рисунка можно отметить рост степени востребованности рассматриваемого информационного канала коммуникации, что выступает определенной положительной характеристикой его использования для трансляции социально-значимого контента представителями молодежного сообщества. В основе сделанного вывода находится положительный тренд численности участников официальной группы Комитета молодежной политики Курской области в социальной сети «Вконтакте». Динамика указанного показателя на протяжении пяти рассмотренных лет характеризуется устойчивым положительным приростом и в 2020 году по сравнению с 2016 годом емкость информационной группы выросла на 95,52%.

Рис. 1. Динамика участников официальной группы Комитета молодежной политики Курской области в социальной сети «Вконтакте»

Общее исследование второй информационной платформы коммуникационного взаимодействия органов власти и молодежного сообщества выявило еще больше негативных моментов. Основным недостатком официального сайта регионального Комитета молодежной политики выступает отсутствие действенного механизма обратной связи. Данный вывод подтверждается минимальным количеством обращений со стороны представителей молодежного сообщества на указанный информационный портал и стандартизованностью полученных на них ответов. На основе обработки результатов общедоступной информации на рисунке 2 сгруппируем основные проблемы коммуникации органов власти и молодежного сообщества [8].

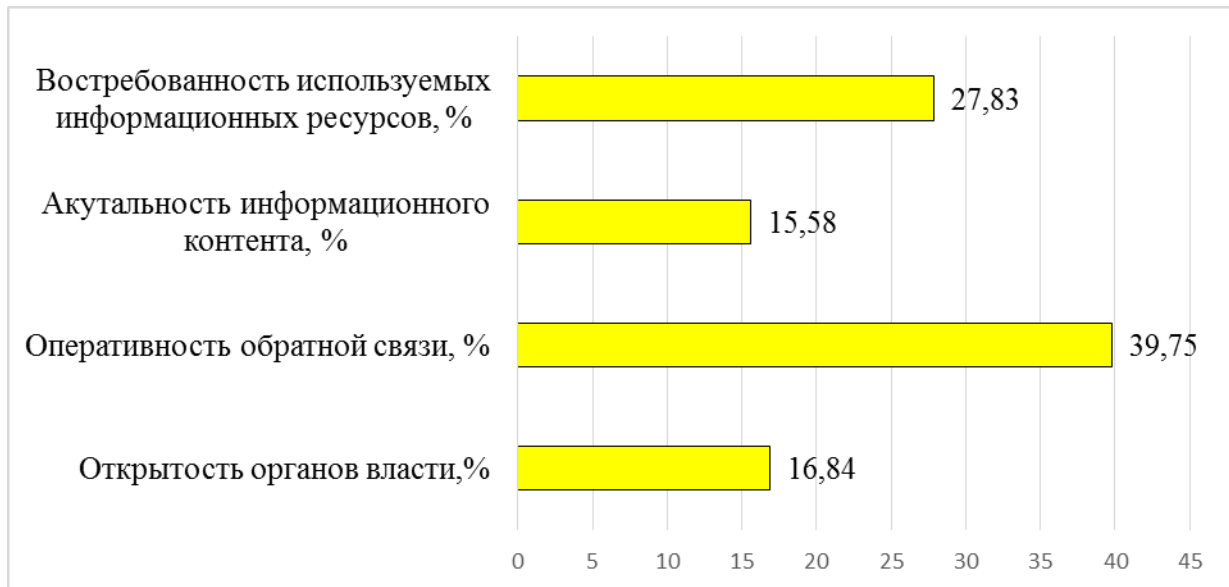

Рис. 2. Основные проблемы коммуникации органов власти и молодежного сообщества

Комментируя материалы, представленные на рис. 2, необходимо в первую очередь отметить, что они сформированы на основе обработки результатов опроса представителей молодежного сообщества, то есть отражают спектр взглядов на указанную проблематику со стороны непосредственно данной демографической группы населения. С учетом выявленных проблем на рис. 3 обозначим основные векторы построения эффективной коммуникации органов власти и молодежного сообщества Курской области.

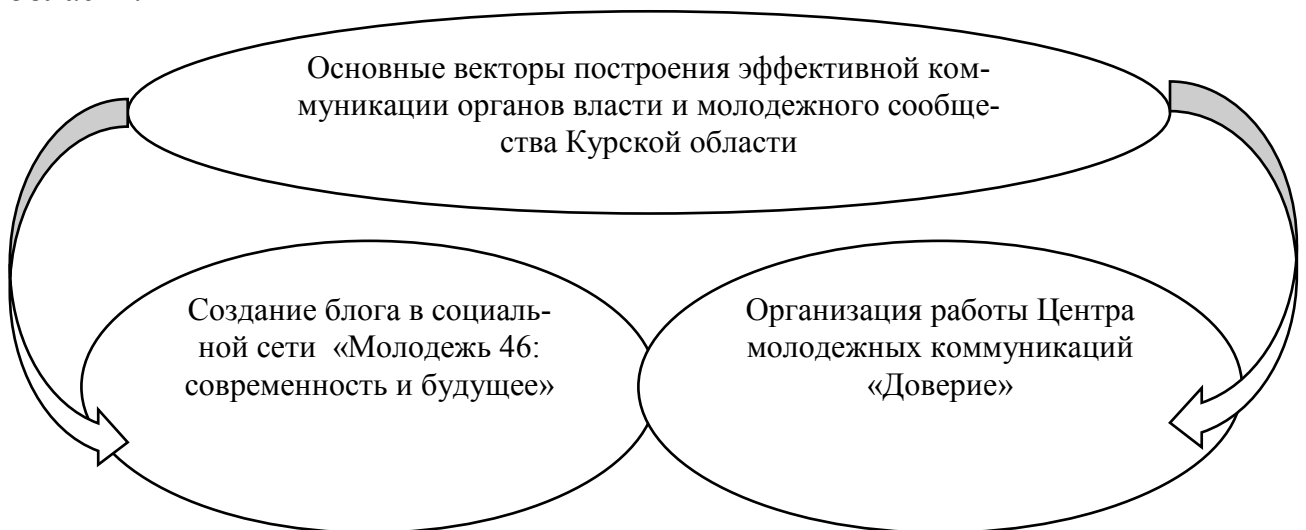

Рис. 3. Основные векторы построения эффективной коммуникации органов власти и молодежного сообщества Курской области

Далее в таблице представим Паспорт регионального проекта «Эффективные молодежные коммуникации», в котором раскроем все узловые аспекты его осуществления.

Таблица

**Паспорт регионального проекта
«Эффективные молодежные коммуникации»**

Наименование проекта	«Эффективные молодежные коммуникации»
Координатор и государственный заказчик проекта	Комитет молодежной политики Курской области
Исполнители проекта	Представители муниципального менеджмента региональной системы управления молодежной политикой в Курской области
Цель реализации проекта	Построение эффективной коммуникации органов власти и молодежного сообщества Курской области на основе принципов системности, регулярности, открытости, обратной связи, вовлеченности, оперативности.
Ключевые задачи реализации проекта	1. создание условий для регулярных каналов связи с представителями молодежного сообщества; 2. оперативность как обращений молодежи по наиболее острым социально-экономическим проблемам, так и повышенная скорость реакции со стороны органов государственной власти; 3. обеспечение применения актуальных в молодежной среде каналов коммуникационного общения; 4. организация устойчивых партнерских связей между органами региональной власти и молодежными объединениями; 5. разработка и апробация новых методических подходов социально-психологической поддержки молодежи в цифровой среде; 6. трансляция информационного контента, направленного на повышения уровня личностного развития молодежи и мотивацию к дальнейшему росту; 7. решение системных и локальных социально-экономических проблем развития молодежного сообщества региона; 8. обеспечение максимальных социально-экономических эффектов от использования бюджетных ресурсов в рамках молодежной политики; 9. расширение инфраструктуры объектов коммуникации органов власти и молодежного сообщества 10. создание условий для профессионального роста и самовыражения представителей молодежного сообщества
Период реализации проекта	2023-2025 годы
Источники финансирования	Средства регионального бюджета Курской области
Объем финансовой поддержки реализации проекта	2023 год – 3 млн. рублей, 2024 год – 2 млн. рублей 2025 год – 2 млн. рублей. Совокупный объем финансирования проекта за три года составит 7 млн. рублей.

Результаты проведенного анализа свидетельствуют о том, что наиболее актуальной проблемой коммуникации органов власти и молодежного сообщества выступает отсутствие оперативной обратной связи, а также низкая эффективность использования востребованных каналов коммуникационного взаимодействия. Адаптация предложенных инициатив требует применения программно-целевого метода. В этой связи в управленческой региональной среде в рамках молодежной политики предлагается осуществить реализацию проекта «Эффективные молодежные коммуникации», который будет включать в себя два основных подпроекта:

- создание блога в социальной сети «Молодежь 46: современность и будущее»;
- организация работы Центра молодежных коммуникаций «Доверие» как в очном режиме, так и в цифровом анонимном формате.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что наиболее актуальной особенностью трансформации системы коммуникаций власти и молодежного сообщества выступает перенос ее акцентов в цифровое пространство. Наступление эпохи тотальной цифровизации социально-экономических отношений, которая связана с активным внедрением цифровых технологий во все сферы жизнедеятельности гражданского общества и в первую очередь в коммуникационные процессы. Существующий механизм коммуникации органов власти и молодежного сообщества Курской области характеризуется присутствием широкого спектра проблем. К числу наиболее существенных проблемных аспектов в рассматриваемом вопросе необходимо отнести низкий уровень оперативности обратной связи, востребованность используемых информационных ресурсов, актуальность и своевременность предоставляемого информационного контента, ограниченную открытость органов власти. На комплексное решение выявленного спектра проблем должны быть направлены усилия органов государственной власти при разработке и реализации молодежной политики. В работе для решений проблем в сфере эффективного коммуникационного взаимодействия региональных властей и молодежного сообщества Курской области рекомендуется реализовать проект «Эффективные молодежные коммуникации». Стержневая цель реализации данного проекта заключается в построении эффективной коммуникации органов власти и молодежного сообщества Курской области на основе принципов системности, регулярности, открытости, обратной связи, вовлеченности, оперативности. Период реализации проекта «Эффективные молодежные коммуникации» рассчитан на три года, а общий объем финансирования данной управленческой инициативы составляет 7 млн. рублей. Кроме того, необходимо отметить, что проект «Эффективные молодежные коммуникации» включает в себя два основных подпроекта, первый из которых направлен на создание блога в социальной сети «Молодежь 46: современность и будущее», а

второй сконцентрирован на организации работы Центра молодежных коммуникаций «Доверие» в очном и цифровом формате. Реализация проекта «Эффективные молодежные коммуникации» в Курской области позволит аккумулировать ряд положительных социально-экономических эффектов в молодежном сообществе региона. Среди наиболее актуальных эффектов реализации предложенной управленческой инициативы можно выделить снижение уровня социальной напряженности в молодежной среде, расширение потенциала реализации молодежных инициатив, повышение оперативности решения актуальных социально-экономических проблем молодежного сообщества в целом и отдельной личности в частности, рост вовлеченности молодежи в социально-значимые проекты, формирование благоприятной среды для научного, творческого и профессионального развития.

Список литературы

1. Совершенствование молодежной политики в спортивной сфере / Е.А. Васильева, Н.С. Лазутина, Т.А. Кохан, С.С. Богатырева, С.М. Авдонин // Экономика и предпринимательство. 2021. №1 (126). С.298-301
2. Железняков С.С., Подосинников Е.Ю., Новосельский С.О. Реализация государственной информационной политики на муниципальном уровне // Инновационная экономика: перспективы развития и совершенствования. 2016. №7 (17). С.96-106.
3. Иванов Р.В. Региональная молодежная политика: экспертный анализ // Социология. 2021. №1. С.93-102.
4. Касьянов В.В., Щербакова Л.И., Самыгин С.И. Эффективность управления региональной молодежной политикой: проблема детерминации критериев // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2019. №3. С.230-234.
5. Мозулев С.Н., Геленкенова В.В. Совершенствование механизма государственной поддержки молодежного предпринимательства Иркутской области // Global and Regional Research. 2020. Т.2. №2. С.48-55.
6. Новосельский С.О., Босердт Н.Ю., Халина В.А. Оценка политической активности российских избирателей // Политика, экономика и инновации. 2017. №1 (11). С.1-5.
7. Оголь А.А. Государственная молодежная политика в Российской Федерации и зарубежных странах: сравнительное исследование // Молодой ученый. 2021. №8 (350). С.164-168.
8. Официальный сайт Всероссийского центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ). [Электронный ресурс]. URL: <https://wciom.ru/> (дата обращения: 10.02.2022).

9. Официальный сайт Комитета молодежной политики Курской области. [Электронный ресурс]. URL: <https://kdmt46.ru> (дата обращения: 10.02.2022).

Шатохин Михаил Викторович, д-р экон. наук., проф., shato-hinm@mail.ru, Россия, Москва, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации,

Новосельский Святослав Олегович, канд. экон. наук., ведущий научный сотрудник, nsvyatoslav@yandex.ru, Россия, Москва, Институт Мировых Цивилизаций,

Пастухова Лариса Сергеевна, д-р пед. наук, доц., larisa-sinls@mail.ru, Россия, Москва, Российский государственный гуманитарный университет

REGIONAL ASPECTS OF YOUTH POLICY IN THE PUBLIC ECOSYSTEM DEVELOPMENT SYSTEM

M.V. Shatokhin, S.O. Novoselsky, L.S. Pastukhov

The paper presents the results of a study of regional aspects of communication between authorities and youth in the context of geopolitical tensions and the current stage of development of the social ecosystem. The authors conclude that the implementation of youth policy is highly relevant in the context of geopolitical tensions, since the formation of a clear conceptual apparatus in a young environment is of great importance for the overall socio-political development of the state.

Keywords: youth, youth policy, communications, public authorities, geopolitical tensions.

Shatokhin Mikhail Viktorovich, doctor of economic sciences, professor, shato-hinm@mail.ru, Russia, Moscow, Financial University under the Government of the Russian Federation,

Novoselsky Svyatoslav Olegovich, candidate of economic sciences, leading researcher, nsvyatoslav@yandex.ru, Russia, Moscow, Institute of World Civilizations,

Pastukhova Larisa Sergeevna, doctor of pedagogical sciences, associate professor, larisa-sinls@mail.ru, Russia, Moscow, Russian State University for the Humanities

ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЕ САМООПРЕДЕЛЕНИЕ РОССИИ В КОНТЕКСТЕ УКРАИНСКОГО КРИЗИСА

В.В. Огнева

Очевидно, что на Украине решается судьба нового мироустройства. Спецоперация России по демилитаризации и денацификации Украины стала вызовом однополярному миру и его сателлиту – коллективному Западу во главе с США. В статье анализируются основные геополитические подходы западных исследователей к проблеме борьбы за влияние на евразийском геополитическом пространстве. Рассматриваются конкурирующие на этом пространстве национальные интересы России, ЕС, США. Предпринимается попытка ответить на вопрос: на кого может рассчитывать Россия в строительстве новой архитектуры международных отношений? Обосновываются внешнеполитические приоритеты России в условиях трансформации современного миропорядка. Делается вывод, что ситуация вокруг Украины сыграет важную роль в геополитическом самоопределении России.

Ключевые слова: геополитика, миропорядок, украинский кризис, внешнеполитические приоритеты России

К немалому сожалению, для русского мира Украина стала заложницей политики коллективного Запада, сделавшего ее плацдармом против России, и Россия с помощью специальной военной операции вынуждена отстаивать свой собственный суверенитет, свое право существовать, оставаться на политической карте мира, как это неоднократно подчеркивает президент страны В. В. Путин.

Совершенно очевидно, что здесь, в Украине решается судьба будущего миропорядка. Происходят тектонические сдвиги в экономике, во всей системе международных отношений. Наблюдается перегруппировка внутри глобального треугольника «Россия-США-Китай». Идет серьезная борьба за политическое влияние на больших географических пространствах, поскольку геополитический дискурс любого государства интерпретируется через территориальный императив, охрану и сбережение не только его, но и близлежащих пространств для эффективной реализации внешней политики.

Для Запада – это Европа и, безусловно, Россия. Все как по теории британского ученого Джона Маккиндера [2], который в начале 20 века называл тогдашнюю территорию Российской империи Хартлендом и считал, что тот, кто контролирует Восточную Европу, тот командует Хартлендом, а кто командует Хартлендом, тот командует Мировым островом (это Европейский, Азиатский и Африканский континенты). Хартленд — сердце Мирового острова.

В 1941 году теоретик американской геополитики Николас Спикмен дополнил эту теорию (статья «География мира») [7], разделив мир на три зоны: Хартленд (Восточная Европа и Россия), Римленд или «внутрен-

ний полумесяц» (Западная Европа, а также Ближний, Средний и Дальний Восток), а также континенты береговой зоны, или «внешний полумесяц»: весь остальной мир, Великобритания, Австралия, Северная и Южная Америка, Африка. Он следующим образом перефразировал тезис Маккиндера: «Кто контролирует Римленд, тот контролирует Евразию, а кто контролирует Евразию, тот контролирует судьбы всего мира». В этой парадигме прошла «холодная война». И значительная часть Римленда отныне находится полностью под контролем НАТО, а значит США.

С точки зрения России, ее географическое пространство самосохранения – это Малая Евразия – постсоветское пространство, которое условно совпадает с территорией бывшего Советского союза. Но с возникновением американского проекта «Украина» это пространство стало угрозой существования России.

На этом пространстве за последние 30 лет США и Европой создан геополитический обруч недружественных стран по всему периметру российских границ. Он возник, во-первых, путем трехкратного расширения ЕС за счет стран Восточной Европы и Прибалтики, во-вторых, за счет «цветных революций», удачных и неудачных попыток госпереворотов (Украина, Грузия, Молдова, Кыргызстан, Беларусь, Казахстан), и в-третьих, через беспрецедентное расширение военного блока НАТО к границам России, окружение нас кольцом военных баз, биологических лабораторий, системами ПРО наступательного характера, созданием зон нестабильности.

Такая политика Запада вполне укладывается в стратегию Анаконды, впервые победно апробированную во время гражданской войны в США в 19 веке, когда путем полной блокады Юга с моря и по береговым линиям, отрезая богатый Юг от доступа к морям и тем самым истощая противника, Север смог объединить страну. Через несколько десятилетий американский геополитик А. Мэхен создал концепцию «континентальной стратегии анаконды» [3], распространив ее уже на планетарный уровень с целью лишения СССР, всех евразийских держав контроля над береговыми территориями.

Г. Киссинджер, бывший Госсекретарь США, консультант Бельдербергского клуба (Мирового правительства) во времена «холодной войны» дал новую жизнь данной стратегии, назвав ее «звенья цепи» [1]. Это уже была настоящая петля Анаконды – распространить влияние НАТО, военно-политических группировок, военных баз на все береговое пространство Евразийского материка – от Западной Европы, через Ближний Восток до Дальнего Востока, добавив к этому экономические санкции. В результате значительные территории были выведены из под влияния Советского Союза, а потом и России, которая, ввиду расширения границ атлантистского влияния, оказалась задвинутой в глубь евразийского континента и оторванной от созданной ей же инфраструктуры на Черном и Балтийском морях.

Новацией стала и теория «бесполярного беспорядка» Президента Совета по международным отношениям Ричарда Хааса [8], практическим воплощением которой стало создание специального форума «Глобальное будущее 2045» под эгидой США в целях управления геоэкономикой (прежде всего, транспортными коридорами и финансовыми институтами).

Избежать полного поражения в геополитическом противостоянии с Западом Россия смогла лишь благодаря своему ядерному арсеналу. А в последние годы Россия значительно укрепила свой оборонный потенциал, качество вооруженных сил, стабилизировала экономику и финансовую систему. И это дало возможность адекватного ответа на ситуацию вокруг Украины.

Ответ на вопрос, почему Украина могла стать спусковым крючком коллективного Запада очевиден. Во-первых, позволяла прозападная ориентация элиты. Во-вторых, Украина обладает конкурентным геоэкономическим имиджем своего пространства – это трансграничное государство, которое граничит с десятью странами: Россией, Белоруссией, Польшей, Словакией, Венгрией, Румынией, Молдавией – (их семь) по сухопутной границе, и с тремя - Грузией, Турцией, Болгарией – по морской. Таким образом, Украина является транскомуникационной системой, которая объединяет восточное и западное, северное и южное евразийское пространство. По данным английского института «Рэндел», по коэффициенту транзитности Украина занимает первое место в Европе. Именно поэтому для ЕС было важно выстроить единую систему коммуникаций с участием украинской стороны.

В этих целях в последнее десятилетие в результате постоянного давления ЕС на Россию Россия лишалась возможности геоэкономического маневра на «западном» направлении. Это и блокировка «Северного потока-2», и несколько пакетов экономических санкций, и частичная блокада Нового Шелкового пути по транзиту грузов в Европу. Тем самым росло значение Украины как узла геоэкономического реформирования Евразии и сопредельных регионов (Среднего Востока и Передней Азии, Восточной Европы).

Украина начала реализовать поэтапный план отсоединения от энергосистемы России и Беларуси и присоединения страны к европейскому энергетическому пространству (ENTSO-E). Вообще-то планировалось, что окончательно Украина должна была войти в европейскую систему к концу 2023 года. Но 27 февраля 2022 года Украина обратилась к министрам энергетики стран к ЕС о скорейшем содействии в синхронизации украинской и европейской энергосистем. Таким образом, ставится задача сужения сферы энергетического влияния России на этом пространстве в пользу евроамериканского, что, разумеется, не может устраивать Россию.

Свои национальные интересы в условиях украинского кризиса продвигает и Польша, внешняя политика которой демонстрирует планы возврата утраченных украинских земель. Во-вторых, Польша намеревается

взять реванш давней идеи Междуморья путем создания Балто-Черноморского региона экономического сотрудничества, разумеется, без участия России. Польше геополитически важен контроль над сухопутным перешейком, который соединяет Балтийское и Черное моря, чтобы оказывать давление на внешнюю политику стран, здесь расположенных, прежде всего, Украину, Белоруссию, Литву, Россию. Существовавший когда-то Днепровско-Бугский канал был построен поляками еще в 1774-1775 гг. Он имел стратегическое значение для Российской империи в течение 19-начала 20 века, поскольку был единственно судоходным каналом, соединяющим Балтику с Черноморьем..

Теоретически, конечно, восстановить водную связь было бы возможно, сняв плотину в Бресте по реке Мухавец, если бы не неудача с госпереворотом в Беларуси в 2020 году. В итоге по совокупности всех причин негативного отношения к Беларуси 30 тысячная польская армия была наготове нанести по ней удар и на западном направлении по России (это Калининград), но ей помешала спецоперация России в Украине. Однако это государство, утратив инстинкт самосохранения, настойчиво заявляет о готовности размещения на своей территории ядерного оружия и создает угрозу нашей безопасности.

Следует иметь в виду, что спецоперация России в Украине превратила Приднестровье с неурегулированным конфликтом в территорию стратегического значения. Дело в том, что без учета мнения приднестровской стороны и вне рамок консультаций с ней, при полном игнорировании обсуждения данного вопроса в существующих переговорных форматах Молдова подала заявку на вступление в ЕС, рассчитывая тем самым решить проблему своей государственности. Приднестровье, разумеется, против этого. И здесь остается открытым вопрос – сможет ли Россия обеспечить поддержку Приднестровья так же, как в случае с ДНР и ЛНР? Непраздный вопрос и о том, какие границы по итогам операции Вооруженных сил России на Украине обретет «русский мир» и каким будет геополитическая конструкция вокруг него?

Имеется еще ряд факторов, осложняющих геополитическую ситуацию для России. Это нарастающее экономическое давление путем введения бесконечных санкций, формирование негативного репутационного имиджа России как агрессора в мире, принятие на этот счет соответствующих резолюций ООН, заявления западных политиков о полном уничтожении России вслед за которыми в Интернете появляются призывы горячих голов убивать русских. В самой Украине – это увеличение поставок летального оружия, вербовка иностранных легионеров, расширение сферы действия диверсионных групп и т.д.

Сегодня аналитиками высказывается несколько возможных сценариев развития событий вокруг Украины (голландские военные эксперты Х. Конгисбрюгге, К. Роб де Вийк) [4]. Один из них - быстрое завершение операции; но украинские военные продолжают упорно сопротивляться.

Другой сценарий – это затянувшийся конфликт с учетом создания живого щита ВСУ и нацбатами. Но в этом случае удерживать контроль над Украиной достаточно сложно. Третий сценарий – локальное использование атомного оружия, но это только приведет к дальнейшей эскалации конфликта. Есть вариант сценария – международное вмешательство, но США и ЕС исключили вооруженное вмешательство в конфликт. И еще один сценарный прогноз – новая русская революция в России в результате раскола российского общества. Пока этого не произошло (хотя раскол все же есть), но уровень доверия граждан президенту, по данным ВЦИОМ на первую декаду апреля 2022 года, составил 81,6 % [6]. Это означает, что наше общество в целом солидарно в понимании того, что Россия бросила перчатку тем, с кем невозможно договариваться, и стоит непростая задача идти до конца, чтобы демонтировать американский русофобский националистический проект, не допустив войны на своей территории.

Возникает резонный вопрос: на кого может рассчитывать Россия в строительстве новой архитектуры международных отношений? Очевидно, видимо, на тех, кто не выступил против действий России на Украине. Это Китай, Бразилия, Индия, Аргентина, Сербия, Сирия, Белоруссия, Египет, Объединенные Арабские Эмираты (ОАЭ).

К сожалению, в реакции практически всех постсоветских стран, входящих в ЕАЭС и даже ОДКБ, просматривается та или иная степень двоякости, скрытое беспокойство и даже желание сохранить нейтралитет в сложившихся условиях. При этом эти же государства сохраняют торгово-экономические и иные связи с Россией, а некоторые напрямую остаются зависимыми от России экономически. Такая позиция напоминает своеобразное «движение неприсоединения» в миниатюре, которое было во времена холодной войны, когда многие страны, ведомые Индией и Югославией, официально создали объединение государств, нейтрального статуса в противостоянии социалистического лагеря и Запада. С Россией, конечно, это не тот случай, когда за ее счет решаются финансово-экономические проблемы, как, например, в Кыргызстане, Таджикистане или политические, как в Казахстане.

Понятно, что в нынешней ситуации в приоритете восточный вектор внешней политики России. При этом дискутируется вопрос, стоит ли, главным образом, опираться на Китай, который поддерживает Россию? Понятно, что Китай за последние 12 лет – это крупнейший российский торговый партнер; 18 % торгового оборота России в 2021 году пришлось на Китай. Только за 2 месяца 2022 года товарооборот наших стран вырос на 38,5 % по сравнению с аналогом прошлого года [5]. В то же время по ряду вопросов в отношении России китайцы начинают занимать неоднозначные позиции. Например, ведущие технологические компании решили в два раза сократить экспорт мобильных телефонов и компьютеров в Россию. У нас может расти технологическая зависимость от Китая, о чем все чаще предупреждают специалисты. Поэтому, не умаляя роли Китая, важ-

но создавать широкую коалицию стран, которые не согласны с проводимой Западом политикой и которые готовы сотрудничать с Россией.

От ухудшения отношений с Западом может выиграть Индия. И хотя Индия не так развита технологически и финансово, как Китай, но часть нашего экспорта может переориентироваться и на нее. В этом году из-за европейских санкций на азиатском рынке, вероятно, окажется российское зерно и белорусские и российские удобрения, причем по очень заманчивым ценам. Внушительен портфель индийских заказов в оборонной сфере, он превышает 14 млрд. долл. Таким образом, перед Индией открываются заманчивые экономические перспективы. Хотя в своей внешней политике Индия может балансировать между Западом и Россией. Если Россия начнет тесное сближение с Китаем, то Индия может примкнуть к лагерю западных стран в надежде, что они поддержат ее в территориальном споре с Китаем в провинции Ладакх.

Россия будет взаимодействовать со странами БРИКС (Бразилия, Россия, Индия, КНР, ЮАР), и ШОС (Китай, Индия, Казахстан, Киргизия, Таджикистан, Пакистан, Узбекистан), куда входят 8 стран; с наблюдателями – Афганистан, Белоруссия, Монголия; со странами – партнерами – Азербайджан, Армения, Комбоджа, Непал, Турция, Шри – Ланка). Недавно начата процедура приема Ирана в организацию.

Иран, кстати, был основным партнером России на Ближнем Востоке с 50-х гг. прошлого века, когда попал под санкции США из-за национализации нефтяной кампании, принадлежавшей Великобритании. Нынешние санкции против России дают шанс Ирану на переговоры с США о снятии санкций по торговле нефтью, но их будут вести в рамках сделки по ядерному вопросу, которая была разорвана во времена президентства Д. Трампа без объявления причин. В результате Иран вернется на международный нефтяной рынок, где будет конкурировать с Россией, и будет бороться за роль регионального ближневосточного лидера. И здесь с Ираном России нужно будет договариваться.

Для геополитического самоопределения России официальный нарратив подчеркивает важность площадки ООН, которую пытается заблокировать Запад, вплоть до предложения премьер – министра Японии пересмотреть роль нашей страны в Совете безопасности ООН. Термины «неделимая безопасность», «сетевая дипломатия», «многостороннее сотрудничество» уже давно стали неотъемлемой частью публичных выступлений наших высших должностных лиц. К сожалению, из ООН нечасто приходят хорошие новости о дискуссиях в Совете Безопасности, где Россия традиционно в меньшинстве, и спорах, возникающих на сессиях Генассамблеи. Видимо, поэтому настала пора новых подходов в концептуализации нашей внешней политики, в том числе относительно действующих международных институтов, прежде всего ООН. В отношении Совета ООН по правам человека, Совета Европы Россией принято вполне адекватное политическое решение.

Что касается внешнеполитических приоритетов на постсоветском пространстве, Россию не может не беспокоить проблема устойчивого развития русского мира, выживания славянской православной цивилизации, сохранения нашей цивилизационной идентичности.

Для России геополитически важен проект новой Украины, т.е. то, что будет после денацификации. Пока что создаются военно-гражданские администрации, но неизвестен смысл государственного устройства после обретения страной подлинного суверенитета, которого сегодня нет. При этом просматриваются планы расчленения Украины со стороны Польши (Галиция), Румынии (Бессарабия), Венгрии (Закарпатье). Очевидно одно – России нужна предсказуемая Украина, демилитаризованное государство с нейтральным статусом, свободное от нацизма.

Таким образом, мы наблюдаем геополитическое самоутверждение России в новых исторических условиях. Задачей российской геополитики как явствует из Стратегии национальной безопасности России, является сохранение СНГ – это стратегическое направление на дальнейшую перспективу. Критически важно укрепление Союзного государства России и Беларуси (запущен механизм опережающего управления по реализации 28 программ; к осени 2022 года планируется принять совместную Военную и Пограничную доктрину, прорабатывается концепция информационной безопасности).

Важно развитие стратегического партнерства со странами ОДКБ, поддержка интеграционной динамики ЕврАзЭС. Надо сказать, зарубежные эксперты внимательно следят за тем, что происходит в ЕАЭС. По данным баз цитирования, 40% работ по проблематике развития евразийской интеграционной модели, написаны на английском языке. В глобальном же масштабе стратегическим интересом России выступает восточное направление внешней политики. Таким образом, Россия не сосредотачивается, как говорил в свое время глава МИД Российской империи Александр Михайлович Горчаков, сегодня она самоопределяется и самоутверждается в своем геополитическом пространстве.

Список литературы

1. Киссинджер Г. Нужна ли Америке внешняя политика? К дипломатии для XXI века. Пер. под ред. В.Л. Иноземцева. М., "Ладомир", 2002. 352 с.
2. Маккиндер Х. Дж. Географическая ось истории. // Полис. 1995. № 4. С. 162–169.
3. Мэхэн А. Т. Влияние морской силы на историю 1660–1783. М.: ООО «Издательство АСТ»; СПб.: Terra Fantastica, 2002. 634 с.
4. На Западе рассматривают 5 сценариев окончания боевых действий на Украине URL: <https://www.mk.ru/politics/2022/03/11/na-zapade-rassmatrivayut-5-scenariiev-okonchaniya-boevykh-deystviy-na-ukraine.html> (дата обращения: 12.04.2022).

5. Нуриева Д. Границы зависимости: насколько Россия нуждается сейчас в помощи Китая URL: <https://www.forbes.ru/biznes/458409-granicy-zavisimosti-naskol-ko-rossia-nuzdaetsa-sejcas-v-pomosi-kitaa> (дата обращения: 13.04.2022).

6. Рейтинги доверия политикам // URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/reitingi-doverija-politikam-ocenki-raboty-prezidenta-i-pravitelstva-podderzhka-politicheskikh-partii-20220408> (дата обращения 13.04.2022).

7. Спикмен Н. Политическая карта евразии. Фрагмент главы из книги «География мира» // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/politicheskaya-karta-evrazii-chast-1-perevod-s-angliyskogo-m-n-gracheva/viewer> (дата обращения: 5.04.2022).

8. Хаас Р. Мировой беспорядок URL: <https://www.litmir.me/br/?b=638100&p=1> (дата обращения: 6.04.2022).

Огнева Валентина Васильевна, д-р полит. наук, проф., ognevavv@yandex.ru, Россия, Брянск, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Брянский филиал

RUSSIA'S GEOPOLITICAL SELF-DETERMINATION IN THE CONTEXT OF THE UKRAINIAN CRISIS

V.V. Ogneva

It is obvious that the fate of the new world order is being decided in Ukraine. Russia's special operation to demilitarize and denazify Ukraine has become a challenge to the unipolar world and its satellite, the collective West led by the United States. The article analyzes the main geopolitical approaches of Western researchers to the problem of the struggle for influence in the Eurasian geopolitical space. The national interests of Russia, the EU, and the USA competing in this space are considered. An attempt is being made to answer the question: who can Russia count on in building a new architecture of international relations? The article substantiates Russia's foreign policy priorities in the context of the transformation of the modern world order. It is concluded that the situation around Ukraine will play an important role in Russia's geopolitical self-determination.

Key words: geopolitics, world order, ukrainian crisis, Russia's foreign policy priorities

Ogneva Valentina Vasilyevna, doctor of political sciences, professor, ognevavv@yandex.ru, Russia, Bryansk, the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Bryansk Branch

СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА, СОЦИАЛЬНЫЕ ИНСТИТУТЫ И ПРОЦЕССЫ

УДК 316.77

DOI: 10.24412/2071-6141-2022-2-61-70

ФОРМИРОВАНИЕ ЦИФРОВОГО ГРАЖДАНСТВА В ШКОЛЕ: РЕЗУЛЬТАТЫ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ В СТАВРОПОЛЬСКОМ КРАЕ

Е.В. Бродовская, В.А. Лукушин, А.В. Синяков

Представлены результаты регионального социологического исследования, посвященного процессу формирования цифрового гражданства российских школьников. В цифровую эпоху проблема цифровой гражданской ответственности стоит особенно остро с учетом активного распространения сетевых платформ, формируя особые социально-политические риски. По итогам реализации массового опроса школьников Ставропольского края (N=5965), принадлежащих различным возрастным группам авторы формируют выводы о состоянии цифровой гражданской ответственности, закономерностях использования онлайн-пространства, доминирующих цифровых компетенциях, рисках «цифрового погружения», а также социальных и политических онлайн-практиках детей и подростков. Обозначен запрос на развитие цифровой грамотности школьников, требующий соответствующего ответа в виде развития современных образовательных программ и внедрения актуальных форматов обучения.

Ключевые слова: цифровое гражданство, социологическое исследование школьников, российские школьники, молодежь, цифровые компетенции, цифровое пространство, массовый опрос, цифровые коммуникации.

Статья написана в рамках реализации проекта № 20–010–20–010–00998 А «Детство в цифровом пространстве», поддержанного Российским фондом фундаментальных исследований.

Постановка проблемы

Стремительное распространение новейших форм и технологий коммуникации в современном мире способствует трансформации структуры интернет-пространства. Одной из наиболее значительных тенденций в этом процессе является увеличение роли молодежи в поле онлайн-активности. Международные специалисты в области цифровой социологии указывают на феномен «цифровых аборигенов» – поколения людей, родившихся в период становления Интернета как открытой и общедоступной площадки [1]. Представители данного поколения привыкли считать цифровую среду естественным элементом повседневной жизни, предполагающим постоянное и регулярное использование виртуальных инструментов для решения любых задач. Особенности мышления и стратегии поведения современной молодежи в значительной степени формируются под влиянием цифровых технологий и противопоставляются предыдущим поколениям их родителей – «цифровым иммигрантам». Отмечается, что подростки

используют совершенно новые модели цифровой активности, связанные с непосредственным участием в происходящих в Интернете процессах [2].

В условиях высокой скорости распространения Интернета в России с конца 2000-х годов выстраивается проблема формирования цифрового гражданства у детей и подростков. По данным социологов, доля активных пользователей Интернета среди младших возрастных групп приближается к 100%, что значительно отделяет их от более взрослых поколений российских граждан [3]. Концепция цифрового гражданства чаще понимается как система ценностей, норм и технологий грамотного использования интернет-ресурсов. При этом процесс формирования цифрового гражданства среди молодежи является важнейшим условием выстраивания эффективного взаимодействия между сетевыми пользователями [4]. По мнению ряда исследователей, именно дети и подростки как ключевые акторы цифровой трансформации чаще испытывают на себе негативные эффекты и ограничения, связанные с низким уровнем развития базовых цифровых навыков и компетенций [5]. В социально-политическом смысле, проблемы развития цифровой гражданственности молодежи формируют риски для государства, основанные на вовлечении молодежи в деструктивные информационные потоки, а также приобщения их к радикальным течениям и сообществам, порожденных открытостью и низкими барьерами входа в цифровое пространство.

Базовый исследовательский вопрос состоит в определении опыта, направлений и особенностей использования онлайн-ресурсов российскими школьниками как основы формирования цифровой гражданственности.

Теоретический обзор

Процесс формирования цифрового гражданства находит большой интерес у отечественных и зарубежных исследователей различного профиля. По мнению Е.В. Бродовской, цифровое гражданство молодежи является объектом совместных усилий различных акторов, включая представителей политической сферы и гражданского общества. Данная задача является приоритетной в ходе формирования безопасной интернет-среды вне зависимости от наблюдаемых в настоящее время поколенческих разрывов. Отдельные исследователи отмечают, что формирование цифрового гражданства школьников является одним из направлений повышения продуктивности образовательного процесса [6]. Классические концепции цифрового гражданства предусматривают использование возможностей Интернета, в первую очередь, для саморазвития и самореализации. При этом повышение качества образования напрямую связано с внедрением в процесс обучения современных цифровых инструментов, а также созданием инновационных образовательных форматов (в частности, стратегий совместного обучения и колернинговых технологий) [7].

Зарубежные специалисты акцентируют внимание на возможностях измерения уровня цифровой гражданственности, предлагая различные ин-

тегративные методики, нацеленные на предоставление лицам принимающим решения объективных данных для дальнейшей работы с молодежью [8]. При этом содержательно, термин «цифровое гражданство молодежи» на Западе понимается шире и включает следующие элементы: уважительное отношение к другим пользователям, эффективное использование полученных данных, навыки работы с различными типами информации и противодействия негативным явлениям онлайн, возможности коллективных действий в Интернете [9]. Группа американских специалистов подтверждает тот факт, что проблема цифрового гражданства является актуальной и острой в наши дни. По результатам проведенных прикладных исследований выявлено, что более трети американских школьников не соблюдают общие правила безопасности в Интернете [10]. Более половины из них регулярно сталкиваются с кибербуллингом, опасным и запрещенным контентом, угрозами в свой адрес. Многие упоминают попытки их вовлечения в экстремистские структуры.

Как уже было указано, феномен цифрового гражданства отражается в политической плоскости через развитие новых форм гражданской активности. А.Ю. Домбровская подчеркивает многообразие форм молодежной гражданской активности в Интернете, а также описывает риски стихийности цифровой коммуникации и их выраженный оппозиционный характер [11]. Обратной стороной, по мнению Р.В. Пармы, является исследование возможностей противодействия данным процессам в цифровую эпоху посредством расширения политических возможностей молодежи в Интернете и конвертации гражданской активности в конструктивную сферу посредством внедрения элементов электронной демократии [12]. Особое значение в реализации данных мер принимает комплексное обучение школьников правилам интернет-безопасности и перечисленным базовым принципам цифрового гражданства, успешно апробированным в ряде государств [13]. Не менее важным, по мнению И.А. Бронникова и В.В. Карповой является создание целостной архитектуры цифрового гражданства с приобщением всех возрастных групп, платформизация государственных институтов с целью формирования комфортного цифрового пространства нового типа [14].

Дизайн исследования

Методологическую основу исследования составляет комбинация культурно-деятельностного и сетевого подходов. Эмпирическая часть исследования базируется на данных, полученных в ходе массового онлайн-опроса школьников Ставропольского края. Выборка составила 5965 человек, разделенных на несколько возрастных групп: 7-10 лет, 11-14 лет, 15-18 лет. В процессе формирования бланков опроса были учтены возрастные особенности и различия указанных групп. Содержательные аспекты анкеты касались опыта использования цифровых ресурсов школьниками, стратегий их поведения в онлайн-пространстве, а также различных проявлений гражданской активности, включая участие в социальных и политических

проектах. Для обработки собранного массива данных используется инструмент «SPSS Statistics V26».

Результаты исследования

Результаты проведенного опроса позволили выявить ряд закономерностей в развитии цифрового гражданства школьников. Анализ старта использования Сети подтверждает западный тренд на вовлечение в онлайн с минимального возраста. Доля старта использования Интернета до школы среди респондентов 7-10 лет – 33,6 %, 11-14 лет – 16,2 %, 15-18 лет – 15,4 %. Ответы респондентов фиксируют и отношение родителей к приобщению детей к Интернету. Школьников приучают к онлайн-активности с малых лет и уже к первым классам школы они являются активными пользователями. За последние 10 лет доля детей, начавших использование Интернета еще до школы увеличилась практически втрое. Достаточно популярным вариантом ответа на этот вопрос является показательный вариант «не помню когда начал использование Интернета, он был всегда». Очевидно, что представители возрастной группы 7-10 лет уже стали полноправными пользователями. В то же время, дети не просто вовлечены в активности, но и активно себя проявляют. Имеющийся у них опыт нахождения в Сети отличается регулярностью, несмотря на ряд объективных ограничений, накладываемых родителями и учителями. Доля ежедневного использования Интернета среди младшей группы фактически приближается к показателям старших респондентов (Рис. 1).

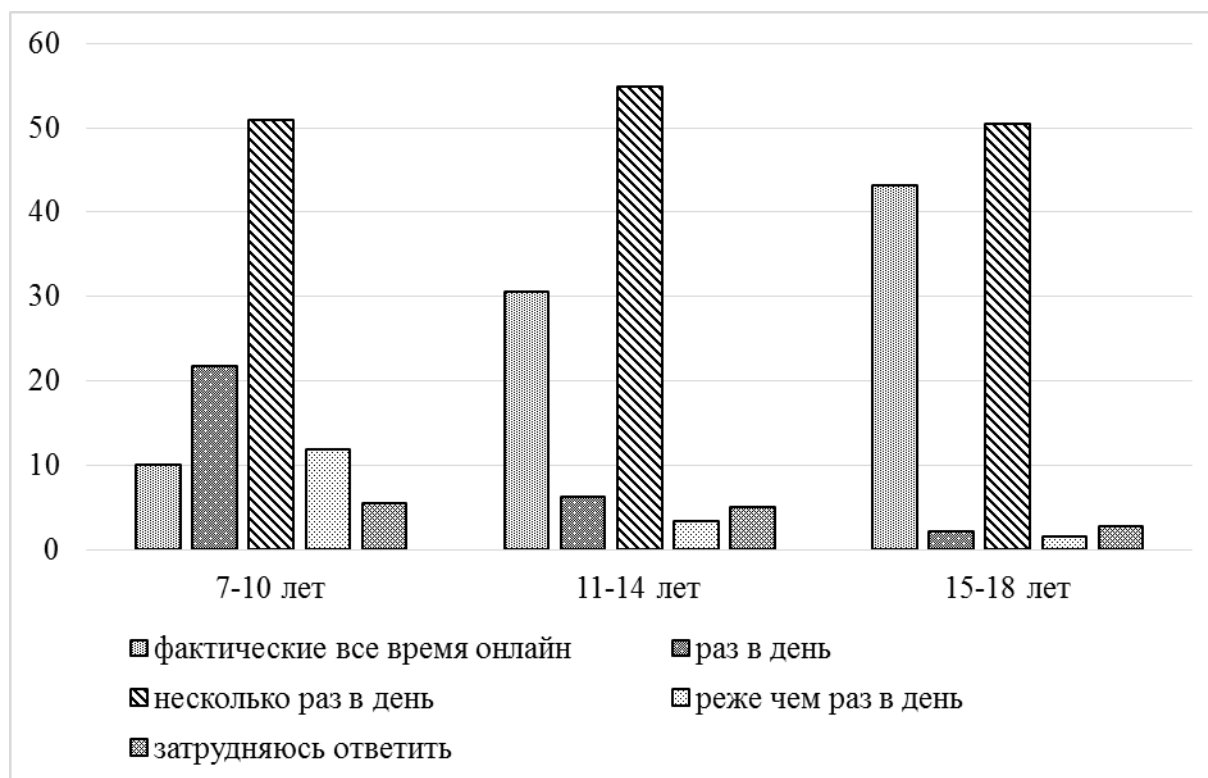

Рис. 1. Регулярность использования Интернета среди различных групп школьников, в %

Несмотря на схожие показатели временного использования Интернета зафиксированы различия в функционале. Фактически, учащиеся начальных и средних классов сосредоточены на игровом и развлекательном контенте – в среднем до 70 % общего времени среди обеих групп. В старших классах виден резкий всплеск использования коммуникативных инструментов, а также увеличение потребления образовательного контента. Можно утверждать об усилении целенаправленного потребления веб-серфинга в образовательных целях. Наиболее рациональные и полезные активности расширяются совместно с увеличением подобных потребностей в офлайне и усложнением жизненных обстоятельств. Использование цифровых ресурсов в просветительских целях, для поиска образовательного контента и ежедневной подготовки к занятиям, а также для посещения тематических сайтов и порталов показывает рост среди школьников старших классов. При этом подростки продолжают использовать возможности Интернета медиа для развлекательных и коммуникативных целей (просмотр видео и прослушивание музыки, использование социальных медиа и мессенджеров, онлайн-игры), расширяя при этом время ежедневного нахождения в онлайне.

Школьники различных возрастных групп одинаково согласны с набором цифровых компетенций, которые развиваются в первую очередь благодаря Интернету. Учащиеся считают, что Интернет способствует развитию таких навыков как: стремление владеть научной картиной мира (42 %), обладать актуальными и достоверными данными о происходящем в стране и мире (31 %), умение мыслить и действовать нестандартно (26 %), уметь вести споры, решать конфликты (23 %). В то же время, молодежь формирует готовность развивать новые цифровые компетенции. Зафиксировано, что чем раньше начинается активное использование Интернета, тем больший набор навыков респонденты считают непосредственно связанными с ним, и тем больше их заинтересованность в развитии цифровых компетенций (Табл. 1).

Таблица 1

***Заинтересованность в развитии цифровых навыков/компетенций у школьников с разным возрастом начала использования Интернета
(в % от общего числа опрошенных)***

Развиваемые навыки/компетенции	Возраст начала использования Интернета			
	до 8	от 8 до 10	от 11 до 12	после 13
умение решать сложные задачи	34,7	32,6	31	31,7
обладание развитым самостоятельным мышлением	24,6	23	20,2	18,5

Окончание табл. 1

Развиваемые навыки/компетенции	Возраст начала использования Интернета			
	до 8	от 8 до 10	от 11 до 12	после 13
стремление владеть научной картиной мира	53,8	52,6	46,8	42,6
умение действовать в команде, коллективе	16,6	11,7	10,5	9,4
умение анализировать ситуацию и принимать решения	20,6	22,1	14,3	14,1
умение выходить за рамки и мыслить, действовать	31,2	29,0	22,4	18,9

Достаточно опасным является положение небольших групп школьников по тем или иным причинам задержавших вхождение в Сеть относительно своих сверстников. Они представляют группы риска в контексте влияния деструктивного контента и отдаления от эффективных стратегий использования цифровых платформ. Чем позже дети и подростки погружаются в цифровое пространство и чем меньше проявляется влияние родителей и учителей на процесс освоения цифровых компетенций, тем чаще школьники встречаются с угрозами цифровой среды – различными деструктивными практиками, накладываемыми негативный отпечаток на процесс формирования цифровой гражданской ответственности. Среди наиболее распространенных явлений, регулярно встречаемых в онлайн отмечают: ненормативная лексика (41 %), предоставление недостоверной информации и спам (42 %), оскорбления и кибербуллинг (19 %), провоцирование на рискованные поступки (12 %), вирусные атаки и спам (11 %).

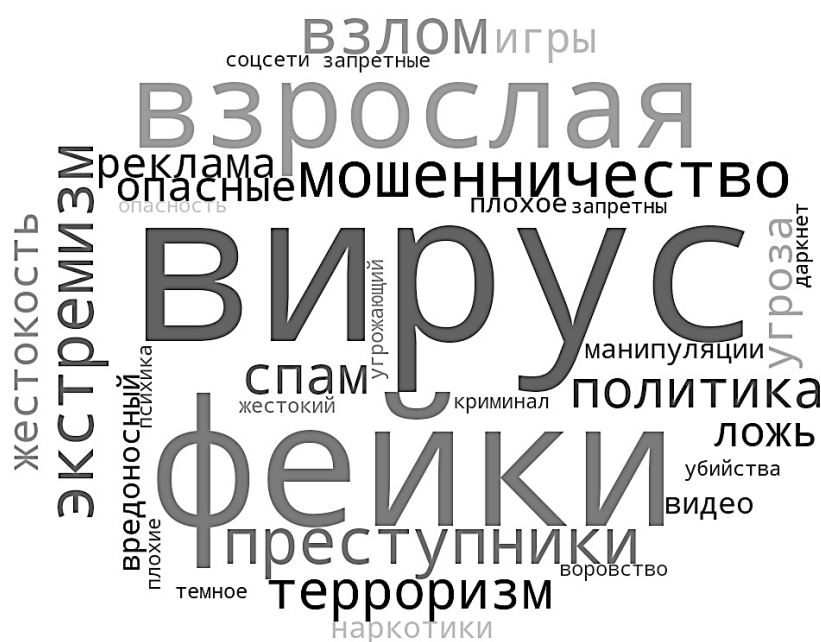

Рис. 2. Наиболее опасные явления в цифровом пространстве в сознании детей и подростков

Анализ социальных практик, распространенных в онлайн показывает высокую заинтересованность молодежи к вовлечению и непосредственному участию в социальных проектах. Более 40 % респондентов желают регулярно участвовать в них, почти 50 % опрошенных уже имели такой опыт. Среди наиболее популярных направлений социальной работы выделяются ключевые ценности «поколения Z» – справедливость, равенство, социальная защита. Наибольшую заинтересованность и вовлеченность показывают проекты по оказанию помощи нуждающимся (44 %), защите прав человека (37 %), экологии и животных (36 %).

Тем не менее, школьники демонстрируют отдаление от политической активности (табл. 2). Более 60 % процентов не участвовали ни в каких политических практиках в цифровой среде и считают, что они их не касаются. Чаще всего это вовлечение в политические ресурсы, цифровые сообщества и комьюнити. Реже – самостоятельная модерация/управление такими ресурсами. Наиболее активные практики, предусматривающие постоянную включенность встречаются крайне редко. Среди молодежи неприятие политики носит ярко выраженный характер. Можно рассматривать отстраненность молодежи от политики как актуальный феномен общественной жизни. Подростки чаще занимают позицию «зрителя», наблюдая за политическими процессами без особого интереса и энтузиазма. При этом природа отчуждения от политического является спорным фактом и требует дополнительной проработки.

Таблица 2

Распространенные виды политической онлайн-активности, %

Виды политической онлайн-активности	Возраст респондентов			
	15 лет	16 лет	17 лет	18 лет
Подписан на актуальные политические ресурсы органов государственной власти	15,9	12,8	16,5	16,1
Подписан на актуальные политические ресурсы оппозиционных политических сил	10,1	12,8	16,5	16,1
Веду блог или видео блог и затрагиваю в нем политические темы	4,7	4,0	4,0	8,1
Подписан на онлайн-сообщества, обсуждающие политические темы	17,1	19,3	18,7	24,2
Модерирую онлайн-сообщество политического толка	3,4	4,0	1,8	4,8

Окончание табл. 2

Виды политической онлайн-активности	Возраст респондентов			
	15 лет	16 лет	17 лет	18 лет
Занимаюсь собиранием ресурсов (краудсорсингом или краудфандингом) в политических целях	4,2	2,6	5,8	6,5
Организирую группы волонтеров, добровольцев для участия в мероприятиях политического характера	4,7	3,7	3,2	6,5
Ничего из перечисленного не делал, ни чего их этого не касается лично меня	69,1	66,7	62,9	66,1

Выводы

По результатам проведенного исследования можно сделать следующие выводы. *Во-первых*, важнейшим трендом в развитии российского сегмента Интернета становится многократное расширение использования онлайн-площадок с самого раннего возраста и формирование цифровых навыков и компетенций «с рождения». Большинство школьников младшей возрастной группы не представляют жизни без постоянного доступа в Интернет и считают цифровые технологии жизненно важным явлением. *Во-вторых*, чем раньше наступает старт использования Интернета, тем больше цифровых навыков получает человек и тем разнообразнее его цифровая активность. Данный факт подтверждает многочисленные тезисы нового поколения «цифровых аборигенов», обладающим уникальной возможностью оперативного обучения новым возможностям в онлайн-среде. При этом расширение рациональных стратегий использования цифрового контента «по назначению» наступает совместно с расширением потребностей в оффлайне. *В-третьих*, опрошенные школьники демонстрируют устойчивый запрос на современные площадки цифровой грамотности и необходимость получения дополнительных знаний о возможностях использования Интернета, что открывает возможности для государства в процессе проработки современных образовательных программ и внедрения новых форматов обучения. *В-четвертых*, значительные риски формируются вокруг отдельных групп детей и подростков, задержавших погружение в цифровую реальность и не испытывающих поддержку родителей и педагогов в процессе развития цифровых компетенций. Негативные явления цифрового пространства являются крайне распространенными и оказывают значительное влияние на процесс «цифровой социализации». *В-пятых*, школьники демонстрируют повышенный интерес к социальной повестке и жела-

ние лично участвовать в разнообразных социальных проектах на фоне отстраненности от политической активности.

Список литературы

1. Millennials as Digital Natives: Myths and Realities // Nielsen Norman Group [Электронный ресурс]. URL: <https://www.nngroup.com/articles/millennials-digital-natives/> (дата обращения: 10.01.2022).
2. Новое поколение интернет-пользователей: исследование привычек и поведения российской молодежи онлайн // Think with Google [Электронный ресурс] URL: <https://www.thinkwithgoogle.com/intl/ru-ru/consumer-insights/consumer-trends/novoe-pokolenie-internet-polzovatelei-issledovanie-privychek-i-povedeniia-rossiiskoi-molodezhi-onlain/> (дата обращения: 10.01.2022).
3. Доля пользователей интернета в России среди молодежи приблизилась к 100% // РБК [Электронный ресурс] URL: https://www.rbc.ru/technology_and_media/12/01/2021/5ffde01e9a79478eb5230426 (дата обращения: 10.01.2022).
4. Бродовская Е.В., Домбровская А.Ю., Пырма Р.В., Азаров А.А., Синяков А.В. «Цифровая гражданственность» в оценках российской молодежи // Политэкс. 2019. Т. 15. №3. С. 326-344.
5. Бродовская Е.В. Цифровые граждане, цифровое гражданство и цифровая гражданственность // Власть. 2019. №4. С. 65-69.
6. Волченкова Г.П., Винницкая С.А., Зубкова М.В., Никонова Ю.И. Цифровое гражданство учителя как условие продуктивной цифровой среды обучения // Непрерывное образование в Санкт-Петербурге. 2020. №1. С. 93-97.
7. Бродовская Е.В., Давыдова М.А., Лукушин В.А. Колернинговые технологии в политологическом образовании: возможности, эффекты и перспективы // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2021. № 4. С. 32-42.
8. Chen L.L., Mirpuri S., Rao N., Law N. Conceptualization and measurement of digital citizenship across disciplines // Educational Research Review. 2021. Vol. 33.
9. Jones L.M., Mitchell K.J. Defining and measuring youth digital citizenship // New Media & Society. 2016. Vol. 18. No 9. P. 2063-2079.
10. Martin F., Hunt B., Wang C., Brooks E. Middle School Student Perception of Technology Use and Digital Citizenship Practices // Computers in the Schools. 2020. Vol. 37. No 3. P. 196-215.
11. Домбровская А.Ю. Репрезентация гражданской активности российской молодежи в социальных медиа // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2021. №6. С. 203-225.

12. Пырма Р.В. Политические грани цифрового гражданства // Власть. 2019. №4. С. 69-78.

13. Богданова Д.А., Буркатовская Г.Р. От интернет-рисков - к цифровому гражданству // Народное образование. 2017. №8. С. 147-153.

14. Бронников И.А., Карпова В.В. Цифровое гражданство в Российской Федерации: политические риски и перспективы // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения. 2021. Т. 26. № 3. С. 123-133.

Бродовская Елена Викторовна, д-р полит. наук, проф., brodovskaya@inbox.ru, Россия, Москва, Финансовый университет при Правительстве РФ,

Лукушин Владимир Андреевич, лаборант-исследователь, lukushin@aol.com, Россия, Москва, Финансовый университет при Правительстве РФ,

Синяков Алексей Викторович, зав. лабораторией, alsin@socio.msu.ru, Россия, Москва, МГУ им. М.В. Ломоносова

FORMATION OF DIGITAL CITIZENSHIP AT SCHOOL: RESULTS OF SOCIOLOGICAL RESEARCH IN STAVROPOL REGION

E.V. Brodovskaya, V.A. Lukushin, A.V. Sinyakov

This article presents the results of a regional sociological study on the process of forming digital citizenship of Russian schoolchildren. In the digital age, the problem of digital citizenship is especially acute given the active proliferation of online platforms, creating special social and political risks. Based on the results of the implementation of a mass survey of schoolchildren of the Stavropol Region (Russia, N = 5965) belonging to different age groups, the authors form conclusions about the state of digital citizenship, patterns of use of online space, dominant digital competencies and strategies of digital behavior, as well as social and political online practices of children and adolescents. A request for the development of digital literacy of schoolchildren is indicated, requiring an appropriate response in the form of the development of modern educational programs and the introduction of relevant learning formats.

Keywords: digital citizenship, sociological research of schoolchildren, Russian schoolchildren, youth, digital competencies, digital space, mass survey, digital communications.

The article was written within the framework of the project No. 20-010-20-010-00998 A "Childhood in the Digital Space", supported by the Russian Foundation for Basic Research (RFBR).

Brodovskaya Elena Viktorovna, doctor of political sciences, professor, brodovskaya@inbox.ru, Russia, Moscow, Financial University under the Government of the Russian Federation,

Lukushin Vladimir Andreevich, research assistant, lukushin@aol.com, Russia, Moscow, Financial University under the Government of the Russian Federation,

Sinyakov Alexey Viktorovich, head of the laboratory, alsin@socio.msu.ru, Russia, Moscow, Lomonosov Moscow State University

РОЛЬ ТЕХНОЛОГИИ ДОПОЛНЕННОЙ РЕАЛЬНОСТИ В ПРОЦЕССЕ РАЗВИТИЯ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ ПРИ ОБУЧЕНИИ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ

З.И. Коннова, Г.В. Семенова

Социокультурный компонент занимает особое место в процессе обучения иностранным языкам. Формирование данной компетенции необходимо проводить на всех этапах обучения, что способствует поддержанию познавательного интереса и мотивации у студентов. Социокультурный компонент содержания обучения является важным фактором, который определяет и обуславливает использование языка в конкретных ситуациях и, таким образом, влияет на иноязычную коммуникативную компетенцию обучаемых. В настоящее время один из полезных инструментов для формирования социокультурной компетенции студентов - технология дополненной реальности. Именно она вносит в процесс иноязычной подготовки студентов неязыковых вузов яркую 3D-визуализацию объектов и геймификацию, стимулируют активное взаимодействие участников учебного процесса, развивает пространственное мышление и навыки проектной деятельности, что благотворно влияет на формирование социокультурной компетенции будущего специалиста.

Ключевые слова: социокультурный компонент, межкультурная коммуникация, информационные технологии, дополненная реальность, технология AR, виртуальная языковая среда, профессиональная культура.

Вопросы межнациональных контактов, межкультурных отношений, развитие которых стимулируется как политическими, так и экономическими факторами, являются крайне актуальными в свете широкой интеграции стран Европы и глобализации мировой экономики. Именно филологи, которые всегда четко видели тесную неразрывную связь языка и культуры, первыми почувствовали изменившуюся в мире ситуацию.

Как язык, так и культура выполняют функцию сохранения и передачи информации, накопленной коллективным сознанием, постоянно взаимодействуя и сосуществуя в диалоге между собой. В качестве основы для обучения иностранному языку (ИЯ) принимают «целенаправленное соизучение языков и культур в процессе овладения нормами межкультурного общения в изучаемых сферах (социально-бытовой, деловой, общественно-политической, научной, технической, педагогической), включающее коммуникативно-познавательное соизучение национальных языковых культур в контексте жизнедеятельности стран изучаемого и родного языков» [1, с. 94].

Исследователи различных проблем лингвострановедения, такие как Е. М. Верещагин и В. Г. Костомаров отмечали, что изучаемый язык сам по себе автоматически не отдает хранимую им информацию; для ее изучения необходимы специальные целенаправленные усилия преподавателей и студентов [2].

На сегодняшний день существует множество проблем в мире, которые напрямую зависят от того, каковы взаимоотношения между культурой и языком и каковы направления и тенденции в современном языковом образовании. Поэтому стоит сделать особый акцент на реализации социокультурного подхода в преподавании иностранного языка в русле диалога культур. Таким образом социокультурный компонент содержания обучения будет определять и обуславливать использование языка в конкретных ситуациях и влиять на развитие иноязычной коммуникативной компетенции обучающихся.

Бесспорно, что социокультурную компетенцию лучше всего развивать, находясь в стране изучаемого языка и погружаясь в культуру, обычаи, традиции и социальные нормы и правила данного государства. В последнее время возможность кратковременно посетить зарубежные страны появилась у многих обучающихся, но этого недостаточно. Поэтому идет непрерывный поиск эффективных способов, чтобы иметь возможность развивать социокультурную компетенцию вне языковой среды.

Очевидно, что содержание обучения напрямую зависит от цели. Поэтому преподаватели кафедры иностранных языков постоянно обновляют содержание иноязычного образования, делая акцент на социокультурном компоненте, который вносит особый вклад в развитие личностных качеств студентов, желающих принимать участие в межкультурном диалоге.

Сегодня будущие специалисты должны соответствовать новым требованиям современных образовательных стандартов. В более ранней работе мы отметили, что «выпускник вуза должен быть готов

- осуществлять свою профессиональную деятельность в иноязычной среде;
- адаптировать свое коммуникативное поведение в соответствии с ситуацией общения и лингвокультурной принадлежностью собеседников;
- социализироваться в сложившейся профессиональной иноязычной среде» [3, с. 59].

Следовательно, необходимо построить обучение иностранному языку таким образом, чтобы постоянно повышать уровень сформированности социокультурной компетенции студентов, которая в будущем поможет выпускникам свободно общаться в профессиональной иноязычной среде.

Рассматривая социокультурный компонент содержания иноязычного образования будущего специалиста, необходимо сделать акцент на культурном аспекте. Здесь может быть представлена информация о национальных реалиях, основах поведения, важных исторических событиях, крупнейших деятелях науки и искусства. Поэтому учебные пособия, разработанные преподавателями кафедры иностранных языков ТулГУ, содержат аутентичные тексты, которые знакомят студентов с реалиями стран

изучаемых языков, их обычаями и традициями, деятелями науки и культуры [4-6]. На занятиях преподаватели стараются создать ситуации, приближенные к реальным условиям иноязычного общения, используя работу в парах или группах. Сначала студентам объясняют технику коммуникации, предоставляют фразы для начала беседы, для ее поддержания, согласия или несогласия с мнением собеседника и т.д. В процессе обучения студентов учат самостоятельным, спонтанным высказываниям. Результатом длительной работы является проведение веб-квестов, деловых игр и всевозможных проектов, когда студенты имеют возможность продемонстрировать умения и навыки общения в рамках изученных тем.

Для развития социокультурной компетенции обучаемых на кафедре проводят традиционные праздники – Рождество, Дни Святого Валентина и Святого Патрика и др. Студенты разучивают песни, стихотворения, изготавливают национальные атрибуты к празднику, создают наглядную агитацию, готовят национальные блюда.

В настоящее время уже практически никто не оспаривает тот факт, что иностранный язык, наряду с обучением общению и повышением уровня общей и профессиональной культуры, имеет еще и огромное воспитательное значение. В современных условиях – это готовность содействовать налаживанию межкультурных связей, представлять свою страну при межкультурном взаимодействии, относиться с уважением к духовным ценностям других культур. Соответственно, основная цель обучения иностранному языку может быть достигнута только при адекватном развитии социокультурной компетенции студентов.

Одним из наиболее эффективных инструментов развития социокультурной компетенции у студентов, которые вынуждены изучать иностранный язык вне языковой среды, является погружение в виртуальное пространство. Этим виртуальным пространством является аутентичная виртуальная интерактивная языковая среда и мощное средство приобретения знаний – Интернет, наряду с другими современными компьютерными технологиями (дополненная и виртуальная реальность).

В своей работе Г.В. Походзей подчеркивает, что «интернет дает достаточный объем контекстуальной информации благодаря наличию реальной потребности коммуникации, а правильно смоделированные обучающие программы – благодаря мультимедийным средствам, помогающим студенту лучше войти в предложенную ему роль. Студент может остановиться, задать вопросы, получить более подробную информацию и даже изменить результат взаимодействия» [7]. То есть, в Сети существует среда разнообразных тематик, в которой можно свободно перемещаться от изображения к видео, от видео к тексту или звуку, или любой комбинации разных типов данных в той последовательности, которую студент определяет сам.

Одним из главных преимуществ подобных систем, по мнению Г.В. Походзей, является то, что «они позволяют пользователю следовать собственному ходу мыслей, проясняя для себя возникающие проблемы тогда, когда ему это требуется, а не тогда, когда эта необходимость определяется создателем программы. Это особенно важно при обучении языку, нацеленному на развитие социокультурной компетенции, поскольку здесь возникает требование к обучаемому уметь самостоятельно систематизировать собственные знания» [8, с. 329].

Среди инновационных возможностей интернета особое внимание сегодня привлекают приложения с элементами дополненной реальности. Внедрение данных приложений в процесс обучения иностранному языку дает возможность повысить уровень сформированности мотивации обучаемых и уровень усваивания информации. В частности, AR-технология играет важную роль в формировании иноязычной социокультурной компетенции студентов. Знания о социокультурной специфике стран родного и изучаемого языков, а также умения и навыки адекватно оперировать, интерпретировать, обобщать и представлять информацию о ней с целью решения различных коммуникативных задач интереснее приобретать с помощью технологий дополненной реальности, преимуществами которых являются наглядность, информационная полнота и интерактивность.

Данные технологии предоставляют уникальную возможность визуально воспроизвести процессы, которые трудно воссоздать средствами реального мира, и просто сделать процесс обучения увлекательным и понятным, например, совершать виртуальные экскурсии на иностранном языке по всему миру, визуализировать разнообразные места и события, что позволяет более глубоко и тщательно изучить мир носителей языка, их культуру в широком этнографическом смысле слова, их образ жизни, национальный характер, менталитет и т. п., потому что реальное употребление слов в речи, реальное речевоспроизводство в значительной степени определяется знанием социальной и культурной жизни говорящего на данном языке речевого коллектива.

Проанализировав работы известных ученых в этой сфере Г.В. Семенова и А.Ю. Исаева делают вывод о том, что «дополненная реальность может добавить в статичные страницы учебника и газет, буклетов, журналов, географических карт и др. выразительную анимацию, превратить чтение и перевод в увлекательную игру и интересное приключение вместе с героями известных произведений, при этом серьезно и основательно отрабатывая лексику, а также упростить воспроизведение аудио- и видео- контента, предлагающегося к бумажной книге» [9]. Развивающие игры; обучающие приложения; визуальное моделирование объектов; различные приложения для тренировки навыков – все это можно эффективно использовать при формировании иноязычной социокультурной компетенции студента.

Чтобы определить, как применение технологии дополненной реальности при обучении иностранному языку влияет на развитие социокультурной компетенции студентов, был проведен опрос студентов первого курса технологического института ТулГУ. Опросник был разработан на основе нескольких критериев для оценки, среди которых можно особо выделить мотивацию для межкультурного общения с помощью дополненной реальности; способность проявления эмоциональной отзывчивости и внимательности к собеседнику; наличие систематизированных и целостных знаний о языке, истории своего государства и других культур; осознание проблем современного общества и поиск возможностей применения новых цифровых технологий (в частности, AR) для их решения; наличие собственной аргументированной точки зрения в контексте межкультурного взаимодействия; толерантное отношение; выполнение мер по защите информации; соблюдение правил общения, сетевого этикета. По итогам опроса было выявлено, что технология дополненной реальности обладает огромным потенциалом в формировании и развитии социокультурной компетенции студентов.

Положительное влияние AR-технологии отметили 73 % опрошенных, на отрицательное влияние дополненной реальности указали только 3 % опрошенных, не заметили изменений в развитии социокультурной компетенции 24 % обучающихся. Результаты опроса наглядно представлены на рисунке.

Рис 1. Влияние применения AR-технологий на развитие социокультурной компетенции студентов

Используя данные открытого педагогического наблюдения в естественной среде, нами было проанализировано поведение, настроение и реакции студентов 3 групп 1 курса в количестве 46 человек во время использования AR-технологий на занятии по иностранному языку. Было отмечено, что не все студенты легко справляются с поставленными задачами. Проведя анализ и подсчеты, были получены следующие результаты:

64 % опрошенных студентов демонстрировали ярко выраженную мотивацию; были способны спроектировать при помощи технологии AR процесс межкультурного общения; проявляли эмоциональную отзывчивость, внимание к собеседнику вне зависимости от его расы, вероисповедания и т.п.; применяли ресурсы AR для получения знаний о специфике культуры, истории страны и учитывали эти факты при организации иноязычной коммуникации; имели собственную нравственную позицию в контексте межкультурного взаимодействия; выполняли меры по защите информации в аккаунте приложения AR и сети Интернет; соблюдали правила сетевого этикета. Данные характеристики показывают, что эта группа студентов имеет высокий уровень сформированности социокультурной компетенции.

23 % опрошенных студентов не так великолепно демонстрировали вышеперечисленные качества, были менее уверены в себе, однако проявляли заинтересованность в применении технологии дополненной реальности, соответственно они имеют средний уровень сформированности социокультурной компетенции.

13% опрошенных студентов испытывали трудности во всех вышеперечисленных аспектах деятельности, не могли выполнить некоторые действия, терялись, вели себя не уверенно, что позволило обозначить их уровень сформированности социокультурной компетенции как низкий.

Применение AR-технологий обеспечивает «активизацию работы над учебным материалом за счет привлечения не только зрительных анализаторов (текст, цвет, статичные изображения, видео, анимации), но и слуховых каналов получения информации (голос диктора или специалиста, музыкальное или шумовое оформление), что позволяет создать продуктивный эмоциональный фон, способствующий повышению мотивации к учению и уровня удовлетворенности студентов процессом самообучения» [10, с. 44].

AR-приложения предусматривают развитие непосредственно языковых навыков, многие содержат лингвострановедческие элементы, выполненные в виде интерактивных игр, справочников, видеоклипов с культурными зарисовками, экскурсий в 3D-пространстве, а также в виде диалогов с виртуальными собеседниками, исход которых можно изменить в зависимости от выбранных путей коммуникации и знания норм поведения в той или иной ситуации общения. Таким образом, дополненная реальность

является важной составляющей формирования социокультурной компетенции студентов.

Чтобы понять и принять другую культуру, нужно выучить ее язык. В свою очередь, чтобы освоить язык, требуется проникнуть в культуру народа, которому принадлежит этот язык, в систему его мировоззрения и символов. AR-технология является одной из наиболее перспективных технологий, позволяющая решать этот вопрос. Именно она вносит в процесс иноязычной подготовки студентов неязыковых вузов яркие трехмерные образы, игровой элемент, активизируют взаимодействие участников учебного процесса, развивая пространственное мышление и навыки проектной деятельности, что благотворно влияет на формирование социокультурной компетенции будущего специалиста. Поэтому, чтобы успешно решать проблемы, возникающие в современном обществе, требуется стимулировать внедрение в образовательный процесс языков, культур и информационных технологий.

Список литературы

1. Коннова З.И., Семенова Г.В. Активизация познавательной деятельности студентов при формировании социокультурной и социалингвистической компетенций // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2019. № 4. С. 91–98.
2. Верещагин Е. М., Костомаров В. Г. Язык и культура. Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного. М.: Индрик, 2005. 1038 с.
3. Коннова З.И., Семенова Г.В. Проблемы социализации в процессе иноязычного обучения студентов неязыковых специальностей // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2020. № 3. С. 51–62.
4. Исаева А.Ю., Задонская Л.В., Гладкова О.Д. Английский в сфере туризма: учебное пособие. Тула. Изд-во: ТулГУ, 2019. 151 с.
5. Коннова З.И., Делягина Н.М. Практический курс немецкого языка: учебное пособие. Тула. Изд-во: ТулГУ, 2019. 187 с.
6. Коннова З.И., Семенова Г.В., Делягина Н.М. Sprechen Sie Deutsch? Учебно-методическое пособие по немецкому языку для развития умений и навыков разговорной речи Тула: Изд-во ТулГУ, 2021. 182 с.
7. Походзей Г.В. Актуальные средства и методы развития межкультурной компетенции будущих судоводителей // Актуальные проблемы германистики, романистики и русистики. Материалы ежегодной международной конференции. Екатеринбург, 4-5 февраля 2011 г. Урал. гос. пед. ун-т. Екатеринбург, 2011. Ч.II. С. 259-268.

8. Походзей Г.В. Поиск эффективных путей развития социокультурной компетенции будущих судоводителей // Казанская наука. № 10. 2010. С. 328-331.

9. Семенова Г.В., Исаева А.Ю. Использование технологий дополненной реальности при формировании иноязычной компетенции студентов неязыковых специальностей // Мир науки. Педагогика и психология. 2020. №1 URL: <https://mir-nauki.com/PDF/52PDMN120.pdf> (дата обращения: 15.05.2022).

10. Коннова З.И., Семенова Г.В. Разработка инновационного сопровождения изучения иностранного языка в вузе в условиях smart-образования: монография. Тула: Изд-во ТулГУ, 2020. 202 с.

Коннова Зоя Ивановна, д-р пед. наук, проф., зав. кафедрой, konnova71z@gmail.com, Россия, Тула, Тульский государственный университет,

Семенова Галина Владимировна, канд. пед. наук, доц., galinasem27.03@mail.ru, Россия, Тула, Тульский государственный университет

THE ROLE OF AUGMENTED REALITY TECHNOLOGY IN THE DEVELOPMENT OF SOCIO-CULTURAL COMPETENCE IN TEACHING A FOREIGN LANGUAGE

Z.I. Konnova, G.V. Semenova

The sociocultural component occupies a special place in the process of teaching foreign languages. The formation of this competence must be carried out at all stages of education, which helps to maintain cognitive interest and motivation among students. The sociocultural component of the content of education is an important factor that determines and conditions the use of language in specific situations and, thus, affects the foreign language communicative competence of students. One of the most effective tools for the formation of students' sociocultural competence is augmented reality technology. It is she who introduces bright three-dimensional images, a game element into the process of foreign language training of students of non-linguistic universities, activates the interaction of participants in the educational process, developing spatial thinking and project activity skills, which has a beneficial effect on the formation of the socio-cultural competence of the future specialist.

Key words: sociocultural component, intercultural communication, information technology, augmented reality, AR technology, virtual language environment, professional culture.

Konnova Zoya Ivanovna, doctor of pedagogical sciences, Professor, head of department, konnova71z@gmail.com, Russia, Tula, Tula State University,

Semenova Galina Vladimirovna, candidate of pedagogical sciences, associate professor, galinasem27.03@mail.ru, Russia, Tula, Tula State University

МОЛОДЕЖЬ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ КАК КЛЮЧЕВОЙ РЕСУРС МОДЕРНИЗАЦИИ СОЦИУМА

Алексеенок А.А., Воробьева А.В., Алексеенок Е.А.

Рассматривается молодежь как ключевой ресурс модернизации современной России. Материалы основываются на результатах эмпирического социологического исследования проблем молодежи, проведенного в десяти регионах России. В рамках исследования анализируются субъекты молодежной политики, работа молодежных организаций и основные направления их деятельности, политическая активность современной молодежи и направления для ее повышения, оценки возможности самореализации молодежи в стране, а также факторы, мешающие реализации жизненных планов молодежи. Резюмировано, что молодежь ждет от государства реальной поддержки и участия в решении молодежных проблем. Авторы приходят к выводу, что молодежь обладает широким общественным потенциалом, который необходимо направлять в русло общегосударственного развития и совершенствования социума.

Ключевые слова: молодежь, модернизация, молодежная политика, социологическое исследование, субъекты молодежной политики, молодежные организации.

В период существования советского общества молодежь как самостоятельная социальная группа не выделялась и соответственно практически не исследовалась. Это было обусловлено тем, что классовая социальная концепция, которой придерживались ученые в исследовании социальной структуры общества того периода, полностью исключала возможность этого. Молодых людей рассматривали только как классовую составную часть [1].

Желание России вернуть себе в двадцать первом столетии статус «великой державы» влияет на появление обновленных требований к общественным возможностям молодых людей в качестве наиболее приспособленной к инновациям общественной категории, имеющей специализированные характеристики, дающие возможность государству достигать национальную конкурентоспособность во всех сферах общественной жизни [2]. Для подавляющего большинства ученых, занимающихся исследованием молодежной проблематики, сегодня аспект адаптации молодых людей – достаточно значимый, так как забота о моральном, нравственном, профессиональном воспитании молодежи определяет перспективы государства на долгосрочный период. Положение молодых людей в стране, их общая роль, качественные, количественные характеристики можно назвать самыми главными индикаторами регулярности; динамичного совершенствования социума. Таким образом, в настоящее время молодежь является и объектом, и субъектом проектирования стратегического государственного совершенствования, ключевым ресурсом модернизации социума [3].

В данной связи актуализируются вопросы, связанные с молодежной политикой в регионе, которые задавались респондентам в рамках социологического исследования «Трансформация социальной структуры современного российского общества (на материалах Орловской области)», проведенного на кафедре «Социология и информационные технологии» Среднерусского института управления – филиала РАНХиГС в период 25.10.2020 – 15.11.2020. Метод исследования – интервью по месту жительства. Опрошено 873 респондента. Репрезентативность выборки обеспечивается по возрасту, полу, сферам занятости, типу населенных пунктов. Средняя ошибка репрезентативности выборки не превышает 3%. Опрос проводился в дистанционном формате с использованием «Яндекс.Формы». Анализировались ответы респондентов в возрасте 18-35 лет, относящихся к молодежной социальной группе [4].

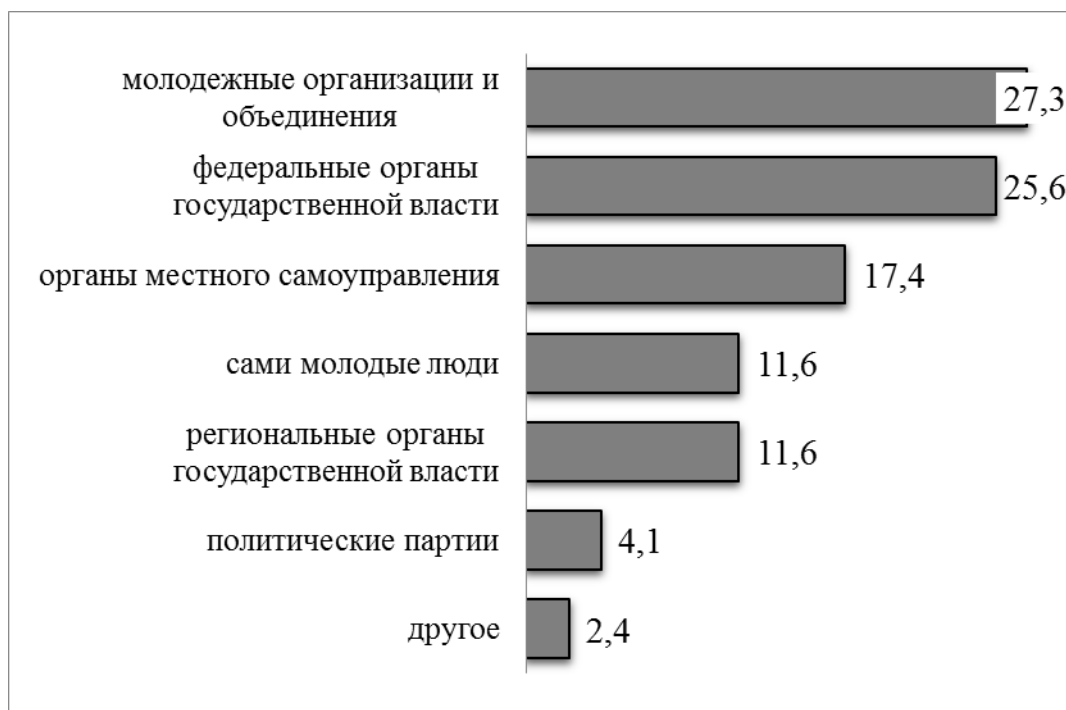

Рис. 1. Субъекты ответственности за решение молодежных проблем, %.

На рис. 1 представлены основные субъекты ответственности за решение молодежных проблем, где наиболее популярными, по мнению самой молодежи, являются молодежные организации и объединения (27,3 %). Второе место занимают федеральные органы государственной власти (25,6 %), третье – органы местного самоуправления (17,4 %). Из этого следует, что молодежь ждет от государства реальной поддержки и участия в решении молодежных проблем. Наименее важными субъектами выступили сами молодые люди (11,5 %), региональные органы власти (11,6 %), политические партии (4,1 %).

Выявив основные субъекты ответственности за решение молодежных проблем проанализируем как оценивает молодежь решение своих проблем различными органами власти (рис.2).

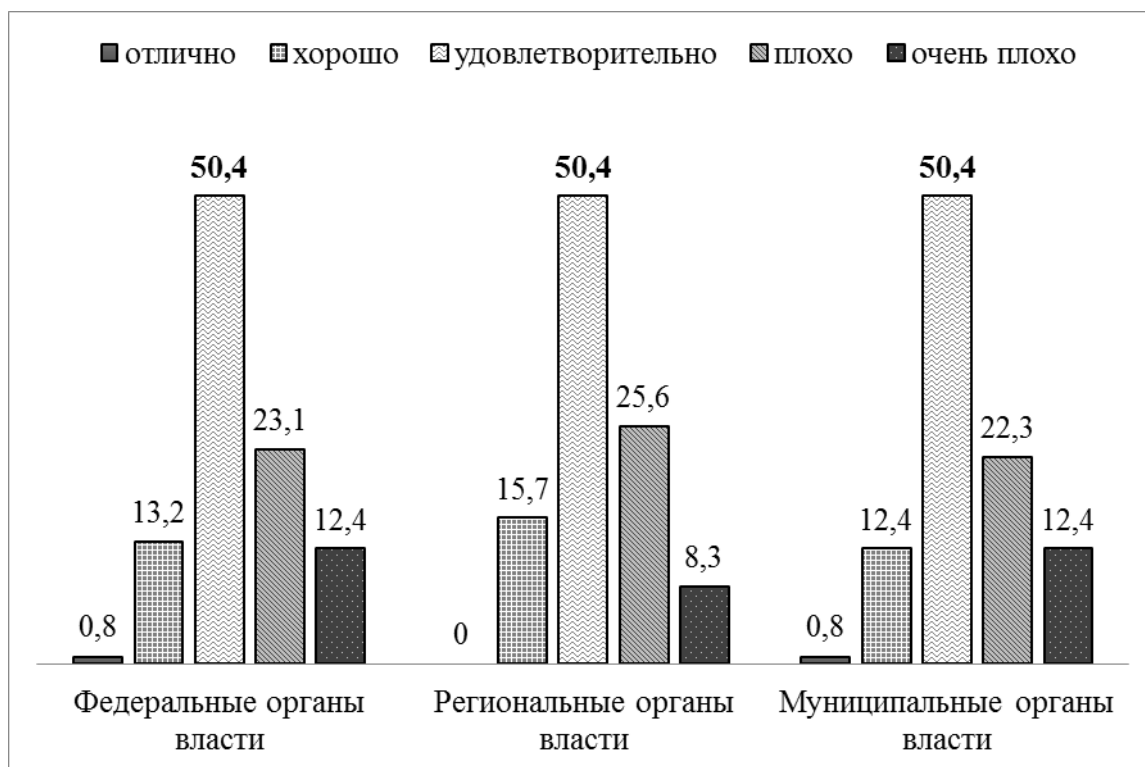

Рис. 2. Оценки работы с молодежью следующих органов власти, %.

Результаты ответов респондентов весьма неоднозначны. Так, по мнению респондентов, государственные органы всех уровней власти наивысшей оценки в решении молодежных проблем не заслужили. Несмотря на то, что чуть больше респондентов оценивают «хорошо» работу региональных органов власти, чем федеральных и муниципальных (15,7 % – 13,2 % и 12,4 % соответственно), именно региональные органы власти получили больше отрицательных оценок (25,6 % – 23,1 % – 22,3 % соответственно). В то же время региональные органы власти получили меньше крайне негативных отзывов о своей работе по решению молодежных проблем (8,3 % и 12,4 % соответственно). Из сказанного выше можно сделать вывод, что респонденты все-таки отдают предпочтение региональным органам власти как субъекту решения проблем молодежи.

Следующий вопрос касался задач, которые по мнению респондентов, в первую очередь должны решать молодежные организации (рис. 3).

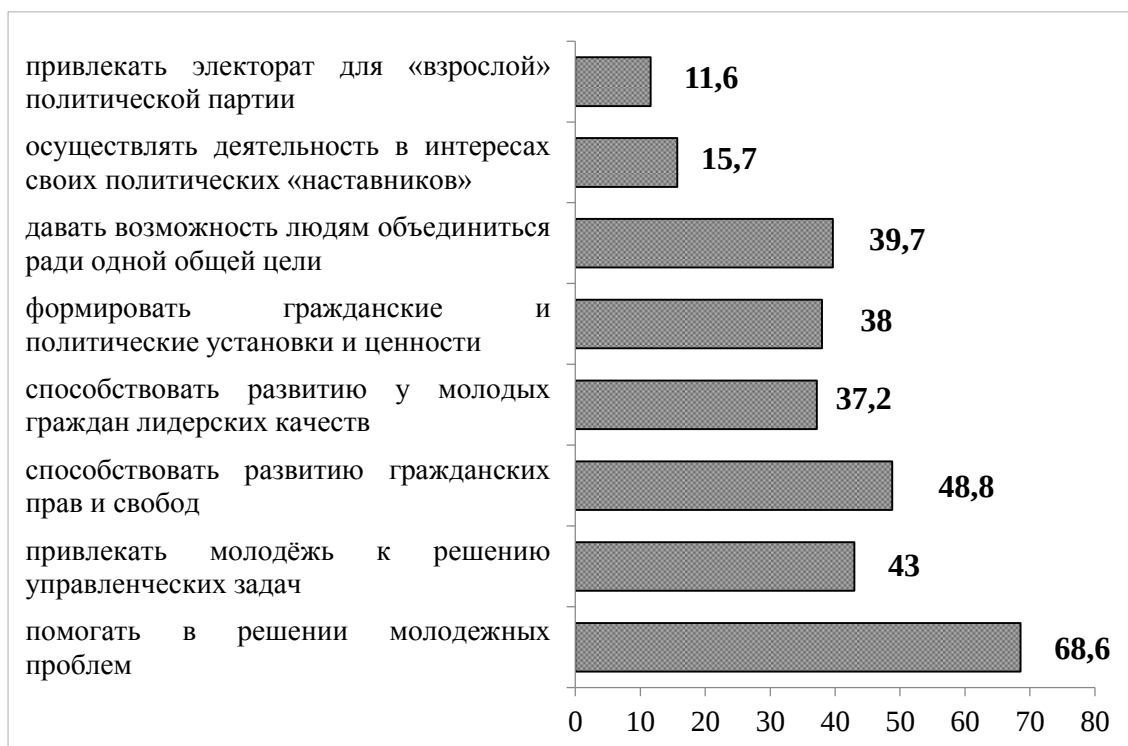

Рис. 3. Задачи, которые в первую очередь должны решать молодежные организации, %.

Среди задач, которые должны решать молодежные организации, наиболее часто опрашиваемые выделяли помощь в решении молодежных проблем (68,6 %), что является достаточно предсказуемо и тривиально. Достаточно позитивным является тот факт, что молодые люди не просто ждут от молодежных организаций решения своих проблем, а сами желают принимать в этом непосредственное участие. Так респонденты отметили тот факт, что необходимо активизировать непосредственное участие молодежи в решении управленческих задач (43 %), проводить мероприятия, направленные на развитие гражданских (48,8 %) и лидерских (37,2 %) качеств молодежи, способствовать их интеграции ради достижения конкретных целей (39,7 %). Все эти ответы свидетельствуют об активной гражданской позиции современной молодежи [5].

Несмотря на то, что значительная часть молодежи занимает достаточно сознательную гражданскую позицию, высокий уровень абсентеизма, который проявляет значительная часть молодых людей, актуализирует вопрос о привлечении представителей данной социальной группы к участию в социально-политической сфере общественной жизни (рис. 4).

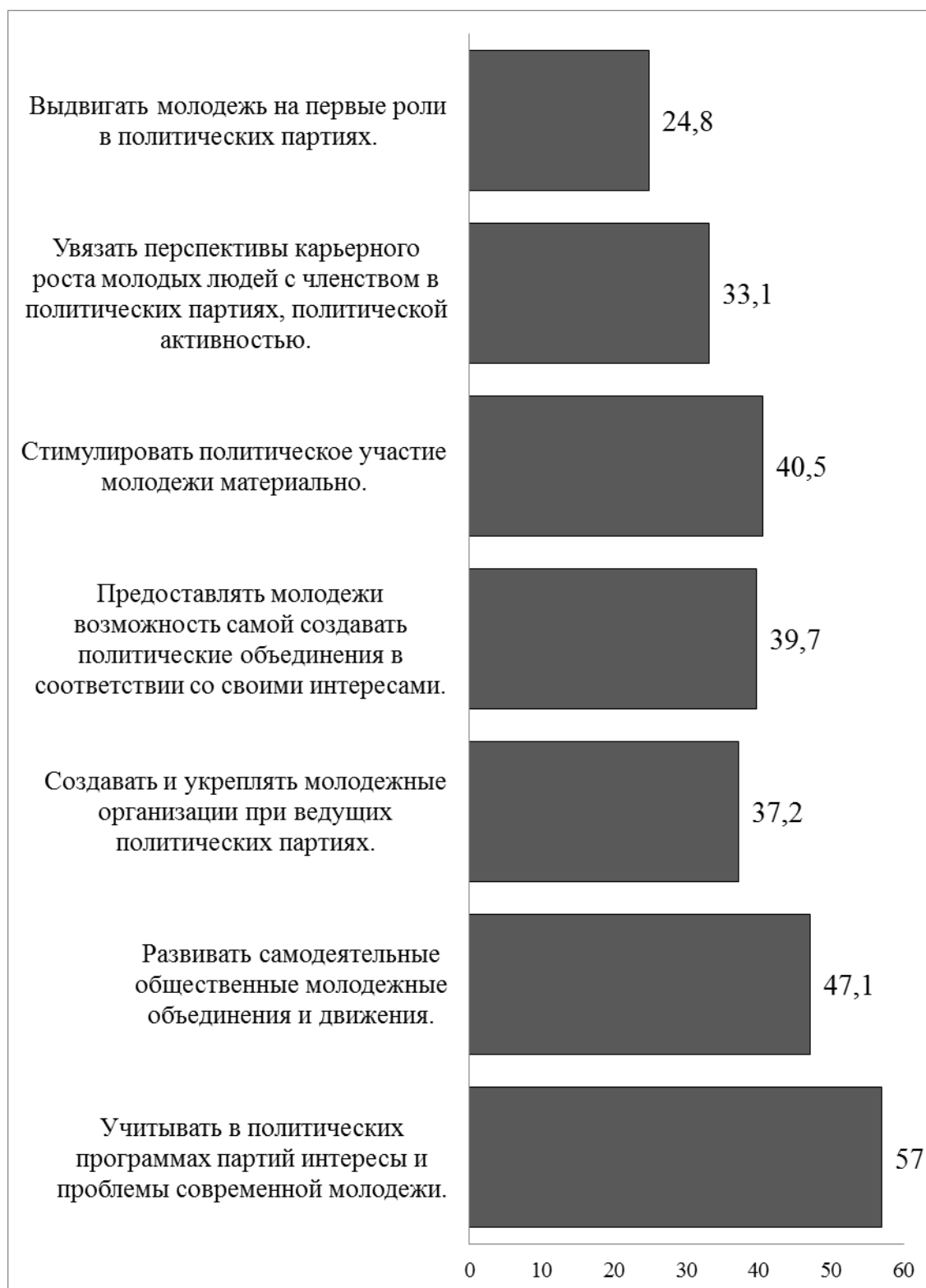

Рис. 4. Основные направления повышения политической активности молодежи, %. (допускалось несколько ответов)

Среди основных направлений повышения политической активности молодежи респонденты выделили такие как: включение вопросов, касающихся молодежной проблематики в программы политических партий (57 %);

поддержка инициатив и обеспечение самостоятельности для развития молодежных движений, объединений и организаций (47,1 %), а так же реализация возможностей самостоятельного создания организаций такого направления (39,7 %); привлечение дополнительного финансирования и инвестиций для материального стимулирования и поддержки политически активной молодежи (40,5 %); стимулирование политического участия как лифта восходящей социальной мобильности (33,1 %); создание в действующих ведущих политических партиях молодежные ячейки и объединения (37,2 %) [6].

В современном информационном обществе молодежь является основным актором внедрения и продвижения различных достижений общественного прогресса. Они становятся лидерами модернизации современного социума во всех сферах общественной жизни. Молодежь делает большое число открытий в области науки. Выдвигается много общественных, экономических начал; прорабатывается весомое число технологических нововведений. Молодыми людьми предлагается множество принципиально новых идей. В рамках существующей специфики подобным важным аспектом, который определяет обновленную направленность развития общественной активности, можно назвать цифровизацию разных коммуникационных факторов, социальных взаимодействий. Согласно статистической информации 2020 года, доступ к всемирной сети имели около восьмидесяти процентов домашних хозяйств Российской Федерации [7]. Около девяноста процентов представителей молодежной группы имеют персональный компьютер с возможностью выхода в Интернет или делает это с мобильного телефона, который есть практически у всех молодых людей.

Соответственно, молодых людей можно назвать ключевым ресурсом модернизации социума.

По мнению основных исследователей молодежной проблематики таких как М.К. Горшков, Ю.А. Зубок, В.И. Чупров, Ф.Э Шереги молодежь как особая социальная группа обладает следующими характеристиками []:

- открытость к экспериментам, использованию нововведений; корректировкам; принятию различных точек зрения, плюрализм; индивидуализация в качестве метода приспособления к смене общественных обстоятельств.
- принятие инноваций, нововведений, технических и технологических достижений, высокая степень адаптивности;
- толерантность к различным категориям граждан, наряду с критичностью мышления [4].

Именно молодежь как социальная группа является носителем интеллектуального потенциала общественного развития, творческих возможностей и инноваций. Молодые люди восприимчивы к новым знаниям быстро осваивают новые умения и навыки. Вследствие нарастающего об-

щественного прогресса именно молодежь является той социальной группой, которая быстрее остальных адаптируется к имеющимся нововведениям. В данной связи был задан вопрос о возможностях самореализации и саморазвития которые видит в настоящий момент молодежь в нашей стране (рис. 5).

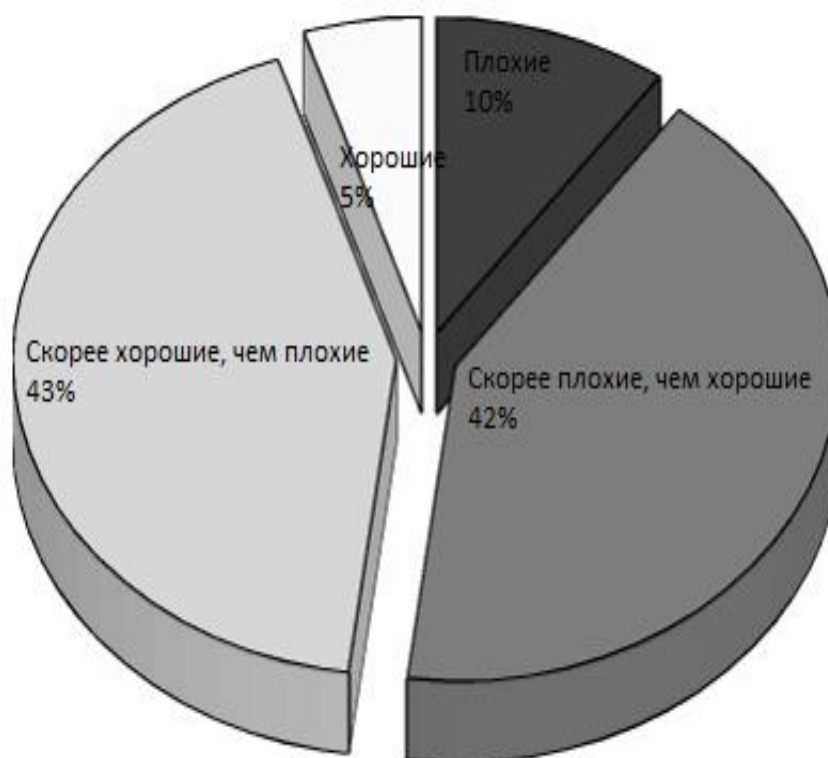
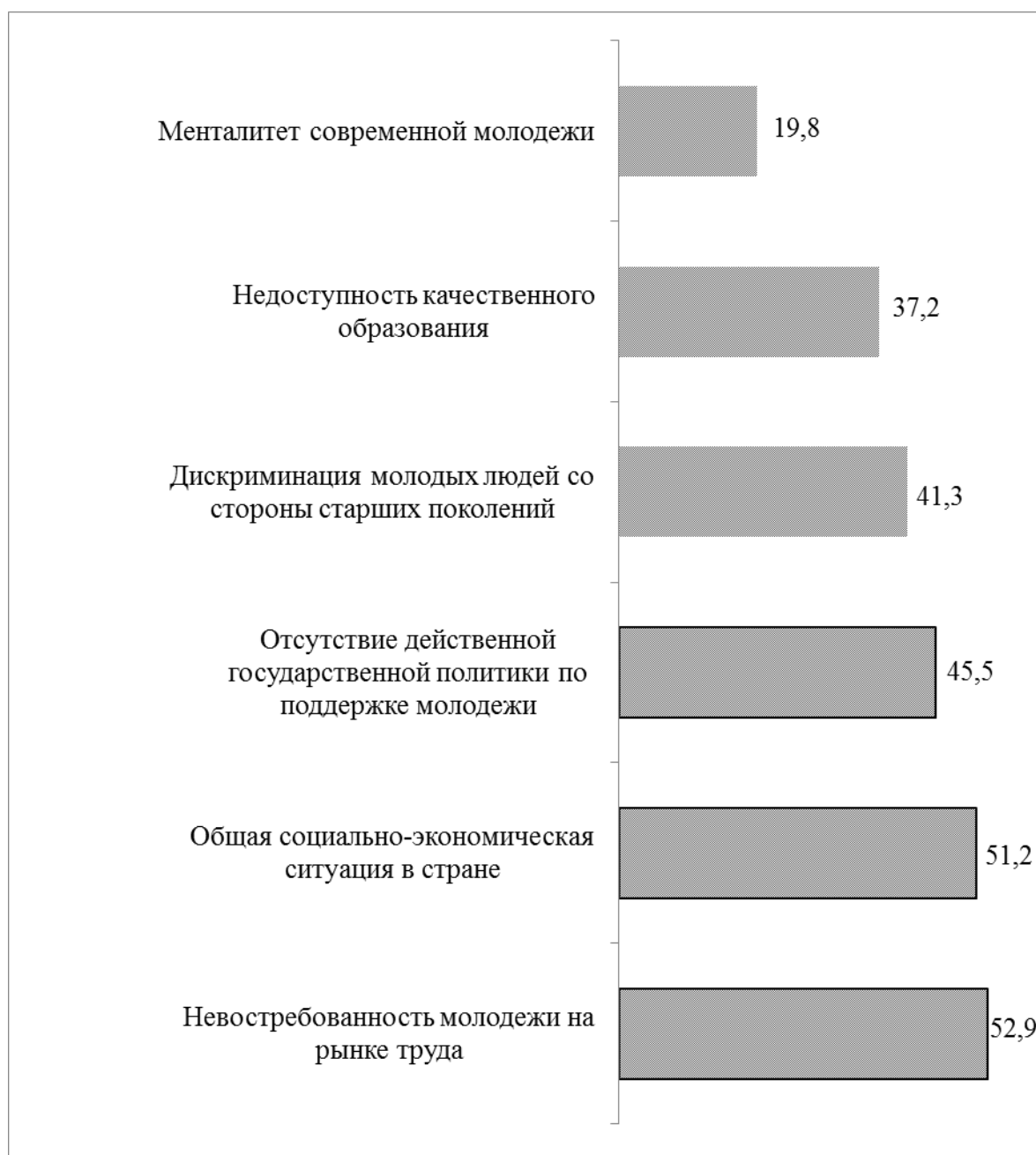

Рис. 5. Оценка возможности молодежи для развития и самореализации в стране, %.

В данном вопросе мнения респондентов разделились практически поровну. Это достаточно тревожно, так как половина молодых людей не видит в настоящий момент потенциала развития в нашей стране (52 % и 48 % соответственно). Еще более негативно выглядит то обстоятельство, что число молодых людей, оценивающих возможности для развития и саморазвития в нашей стране крайне негативно в два раза превосходит тех, кто имеет оптимистические ожидания (10 % и 5 % соответственно).

В этой связи респондентам был задан вопрос о том, что препятствует в первую очередь реализации их жизненных планов (рис. 6).

**Рис. 6. Факторы, препятствующие реализации жизненных планов современной российской молодежи, %.
(допускалось несколько ответов).**

Среди факторов, препятствующих реализации жизненных планов современной российской молодежи, респонденты выделили такие как: отсутствие перспектив на рынке труда – 52,9 %, трудную социально-экономическую ситуацию в стране в целом и в регионе в частности – 51,2 % (Орловская область относится к дотационным регионам с отсутствием эффективно действующего производственного сектора экономики, отсутствием рабочих мест, особенно перспективных и высокооплачиваемых, с

одним из самых низких прожиточных минимумов). Почти половина молодежи сетует на отсутствие эффективной молодежной политики (45,5 %).

Молодежь – самая мобильная прослойка социума. Она заметным образом влияет на динамику общественной структуры, смену классов, гражданских слоев. Мобильность молодых людей предполагает повышенную интенсивность: наблюдается и инфомобильность, географическая мобильность и т.п.

Рассуждая об общественном статусе молодых людей, необходимо принимать во внимание, что данная категория согласно закономерностям преемственности, знакомится с социальными взаимоотношениями, религиозными ценностными ориентирами определенного социума, в дальнейшем реализуя воспроизводство ценностных ориентиров. Его комплексность зависит от степени общественного совершенствования молодых людей. Оно же в свою очередь зависит от отношения социума к молодежи.

Социальный потенциал молодых людей считается интегральным параметром общего перечня характеристик, запасов, возможностей (психологических, физиологических, возможностей в области образования, социальных, экономических, духовно-культурных возможностей) молодых людей в качестве отдельной общественной категории. Эта категория проектируется под влиянием локальных (личностные характеристики), внешних (факторы внешней среды, институциональные факторы) аспектов. Их реализуют под воздействием микро- (родные, друзья, коллеги, соратники по учебе), макро- (социальные структуры; социальная, финансовая гос. политика, масс-медиа) условий. Данные факторы предполагают стратегическую роль для общественного воспроизводства, совершенствования государственной политики на регулярной основе. Общественный потенциал молодых людей классифицируется по таким критериям: степень индивидуализации (для индивида, группы); соответствие целям социально-государственного совершенствования; уровень навыков молодых людей (высокий, средний, низкий).

Следующий вопрос касался факторов, влияющих на жизненный успех молодежи.

Факторы жизненного успеха современной молодежи, %

связи	52,1
хорошее образование	49,6
высокий профессионализм	57,0
предприимчивость	37,2
богатые родители	33,9
экономическая независимость	39,7
талант	29,8
удачная женитьба, замужество	9,9

Из результатов, приведенных в таблице можно сделать вывод, что основные факторы жизненного успеха молодежи связаны с профессиональными качествами, такими как высокий профессионализм – 57 %, который молодежь считает основным фактором жизненного успеха. На третьем месте среди факторов жизненного успеха молодежь отмечает хорошее образование – 49,6 %. Стремление к получению хорошего образования и профессиональных компетенций свидетельствует о том, что государство должно поддержать молодежь в данном направлении.

Государственная молодежная политика должна осуществляться, принимая в расчет ряд принципов:

- проектирование механизма социальных образований, который объединяет активистов;
- адаптация деятельности по гражданскому, патриотическому воспитанию, укреплению здоровья рассматриваемой категории;
- возможность обеспечить преемственность в процессе воспитания анализируемой общественной группы. В рамках осуществления молодежной политики в стране требуется специализированная программно-целевая концепция в рамках взаимодействия с разными группами молодых людей. В этом случае значимым фактором можно назвать возможность преодолеть иждивенческие принципы, ориентировать молодежь на самостоятельность в рамках проработки жизненной стратегии.

Резюмировано, что молодежь обладает широким общественным потенциалом, который необходимо направлять в русло общегосударственного развития и совершенствования социума. Все перечисленные направления государственной молодежной политики будут способствовать реализации молодежного потенциала как ключевого ресурса модернизации современного российского социума.

Список литературы

1. Горшков М.К., Шереги Ф.Э. Молодежь России в зеркале социологии: к итогам многолетних исследований. Москва, 2020.
2. Меркулов П.А., Каира Ю.В., Михалев И.В. Трансформация социальной структуры населения региона: состояние, тенденции, влияние на уровень социальной напряженности (на материалах Орловской области). Научная монография / Орел, 2021.
3. Катунина А.И. Особенности и проблемы государственной молодежной политики как фактора социализации молодежи // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-i-problemy-gosudarstvennoy-molodezhnoy-politiki-kak-faktora-sotsializatsii-molodogo-pokoleniya-v-sovremennoy-rossii> (дата обращения: 22.04.2022).
4. Меркулов П.А., Алексеенок А.А., Леонова О.В., Михалев И.В. Молодежь региона в 2020-2021 гг. Научное издание. Информационно-социологический бюллетень. / Орел, 2021.

5. Развитие гражданского общества в регионах России / И. А. Батанина, А. А. Лаврикова, О. Е. Шумилова [и др.] ; Под общей редакцией И.А. Батаниной. Тула: Тульский государственный университет, 2019. 253 с.

6. Алексеенок А.А., Каира Ю.В. Основные направления повышения политической активности населения // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2018. Вып. 3. С. 53-60.

7. Ишмуратова Д.Ф. Особенности социальной активности молодежи в современных условиях // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2022. № 1-2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-sotsialnoy-aktivnosti-molodezhi-v-sovremennyh-usloviyah> (дата обращения: 22.04.2022).

8. Зубок Ю.А., Чупров В.И., Любутов А.С., Сорокин О.В. Жизненные позиции молодёжи: смысловые основания формирования // Вестник Института социологии. 2021. Т. 12. № 3. С. 79-98.

Алексеенок Анна Алексеевна, д-р социол. наук, проф., alekseenok-aa@yandex.ru, Россия, Орел, Российская академия народного хозяйства и государственной службы,

Воробьева Анастасия Владиславовна, аспирант, vorobyova.nastya1@mail.ru, Россия, Орел, Российская академия народного хозяйства и государственной службы,

Алексеенок Екатерина Александровна, аспирант, alekseenok.kate@gmail.com, Россия, Орел, Российская академия народного хозяйства и государственной службы

YOUTH OF MODERN RUSSIA
AS A KEY RESOURCE FOR THE MODERNIZATION OF SOCIETY

Alekseenok A.A., Vorobyova A.V., Alekseenok E.A.

The article considers youth as a key resource for modernizing modern Russia. The materials are based on the results of an empirical sociological study of youth problems conducted in ten regions of Russia. The study analyzes the subjects of youth policy, the work of youth organizations and the main directions of their activities, the political activity of modern youth and directions for its improvement, assessing the possibility of self-realization of youth in the country, as well as factors that hinder the implementation of youth life plans. It is summarized that young people expect real support and participation from the state in solving youth problems. The authors come to the conclusion that young people have a broad social potential, which should be directed towards the national development and improvement of society.

Keywords: youth, modernization, youth policy, sociological research, subjects of youth policy, youth organizations.

Alekseyenok Anna Alekseevna, doctor of sociological sciences, professor, alekseenok-aa@yandex.ru, Russia, Orel, Russian Academy of National Economy and Public Administration,

Vorobyova Anastasia Vladislavovna, postgraduate, vorobyova.nastya1@mail.ru, Russia, Orel, Russian Academy of National Economy and Public Administration,

Alekseenok Ekaterina Aleksandrovna, postgraduate, alekseenok.kate@gmail.com, Russia, Orel, Russian Academy of National Economy and Public Administration,

ВЛИЯНИЕ ВУЗОВСКОЙ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКИ НА РАЗВИТИЕ ЦЕННОСТНЫХ КАРЬЕРНЫХ ОРИЕНТАЦИЙ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЁЖИ

Е.В. Титова, А.В. Исаев

Рассмотрено влияние вузовской профессиональной подготовки на развитие ценностных карьерных ориентаций студентов разных специальностей. Особое внимание уделено исследованию мотивов выбора будущей профессии, определяющих весь ход развития карьерных ориентаций в процессе профессиональной подготовки. Определено, что получаемое студентами профессиональное образование не всегда способствует построению и реализации карьерных устремлений, что приводит к трансформации ценностных карьерных ориентаций.

Ключевые слова: образование молодёжи, ценностные карьерные ориентации, профессиональная подготовка, профессиональная деятельность.

В современном мире, в условиях постоянных изменений в экономике и на рынке труда, для каждого человека актуализируется задача поиска рабочего места и трудоустройства. Актуальность данной задачи обусловлена тем, что именно трудовая деятельность позволяет индивиду обеспечивать свое существование, занимая наиболее продолжительный период его жизни. Кроме того, именно указанная активность реализует тот коммулятивный потенциал, который индивид накапливает в течение жизни и проявляет в виде определённых знаний, умений и навыков.

Поэтому неслучайно, что каждый молодой человек рано или поздно задумывается о выборе будущей профессии, о способах её обретения и месте получения. Выбирая профессию, представители новых поколений, с одной стороны, пытаются осознать, какие требования она предъявляет к индивиду, какими знаниями, умениями и навыками молодой человек должен обладать в рамках будущей профессии; с другой стороны, каждый индивид стремится соотнести выбор будущей профессии не только со своими возможностями, но и со своими потребностями, на удовлетворение которых, в том числе, будет направлена его трудовая деятельность. Все это, в совокупности, будет определять профессиональную ориентацию, осознание профессии как одной из важнейших ценностей материального и духовного характера [1, с. 173-177].

В свою очередь профессиональная деятельность предполагает прохождение ряда этапов, освоение новых навыков, замещение определённых должностей, то есть все то, что в научном дискурсе называется карьерой (карьерным ростом) [2, с. 13-18]. С одной стороны, карьерный рост предполагает возложение на индивида новых обязанностей, но, с другой – открывает перед ним новые возможности как в плане самореализации, так и

в плане удовлетворения своих материальных и духовных потребностей. Так, каждый молодой индивид, совершая выбор будущей профессии, прямо или косвенно учитывает возможности карьерного роста, построение карьеры. В этой связи, актуализируются вопросы формирования и развития ценностных карьерных ориентаций молодёжи, точнее молодёжи студенческой, поскольку именно студенты вовлечены в процесс получения профессионального образования и приближены к будущей трудовой деятельности [3, с. 101-108].

Отметим, что в рамках данного исследования мы не акцентируем внимание на анализе дефиниций «карьера», «ценности», «профессиональная подготовка», так как подобные исследования являются объектом исследования многих авторов [2, с. 13-18; 4, с. 63-66; 5, с.132-141; 6, с. 103-116].

Исследование особенностей и уровней развития ценностных карьерных ориентаций осуществлялось на базе Среднерусского института управления – филиала РАНХиГС. Для изучения психологических особенностей карьерных ориентаций студентов был использован опросник Э. Шейна «Якоря карьеры». Исследование проводилось методом анкетного опроса. Выборка составила 240 учащихся, отбираемых по следующим критериям: пол, курс обучения, направление подготовки, форма обучения. Основным массив опрашиваемых составили обучающиеся очной и заочной форм обучения с 1-го по 4-й год обучения. Подробное ранжирование опрашиваемых представлено в таб. 2.

Таблица 1

Ранжирование опрашиваемых студентов

Курс	Юриспруденция и правовое обеспечение национальной безопасности		Экономика, менеджмент, экономическая безопасность		Социальная работа, Организация работы с молодёжью		Всего
	М	Ж	М	Ж	М	Ж	
1	10	10	10	10	10	10	60
2	10	10	10	10	10	10	60
3	10	10	10	10	10	10	60
4	10	10	10	10	10	10	60
Всего							240

В процессе анкетирования была осуществлена попытка проанализировать степень значимости мотивов выбора будущей профессии. Согласно методике проводимого анкетирования, можно выделить 4 основные группы мотивов выбора будущей профессии:

– *внутренне индивидуально значимые мотивы*, то есть мотивы, согласно которым индивид, выбирая будущую профессию, в первую очередь

ориентируется на удовлетворение своих личных потребностей и интересов;

– *внутренние социально значимые мотивы*, то есть мотивы, в рамках которых индивид, выбирая будущую профессию, в первую очередь ориентируется на удовлетворение потребностей и интересов ближайшего социального окружения и общества в целом;

– *внешние позитивные мотивы* – выбор будущей профессии является самостоятельным выбором индивида и связан с самореализацией, удовлетворением потребностей, возможностью построения карьеры;

– *внешние негативные мотивы*, согласно которым, выбор будущей профессии обусловлен стечением обстоятельств и зачастую связан с необходимостью обеспечивать своё существование, избегать наказания, санкций, критики, осуждения.

По итогам проведённого опроса мы акцентировали внимание на определении наиболее и наименее значимых мотивов выбора профессии; а также дифференциации мотивов выбора профессии по группам.

К наиболее значимым мотивам выбора профессии мы отнесли мотивы, которые «у опрашиваемых заняли первые пять мест, соответственно к наименее значимым мотивам были отнесены мотивы, занявшие последние пять мест» [6, с. 103-116] (см. таб. 2).

Таблица 2
Наиболее значимые мотивы выбора будущей профессии

Мотив выбора будущей профессии	Количество опрошенных	% к всем опрошенным
Высокая заработная плата	216	90
Престиж	211	88
Близко от дома	192	80
Самореализация	182	76
Профессиональный рост	168	70

Наименее значимые мотивы выбора будущей профессии студентов представлены в таб. 3.

Таблица 3
Наименее значимые мотивы выбора будущей профессии

Мотив выбора будущей профессии	Количество опрошенных	% к всем опрошенным
Единственно возможная в данный момент	168	70
Общение с разными людьми	154	64
Развивает чувство ответственности	140	58
Формирует способности к руководящей работе	120	50
Близка к моим интересам	108	45

Следует отметить, что полученные нами результаты в целом корреспондируют с общероссийскими и региональными тенденциями [5; с. 132-141; 7]. Кроме того, результаты анкетирования показали, что среди опрошенных 65 % студентов при выборе будущей профессии имеют внутреннюю индивидуально значимую мотивацию, 35 % – внутреннюю социально значимую мотивацию, 80 % – внешнюю позитивную мотивацию и лишь 20 % внешнюю негативную мотивацию.

При выборе будущей профессии огромное значение имеют так называемые терминальные ценности, то есть те ценности которые можно рассматривать как образ действия, направленный на достижение определённой цели. В случае проводимого нами исследования, достигаемой целью является выбор профессии и построение карьеры, а инструментальные ценности можно сгруппировать следующим образом: *ценности общения, ценности дела, ценности индивидуалистические, альтруистические ценности, ценности самоутверждения и самореализации.*

Результаты проведённого нами исследования позволяют утверждать, что выбор будущей профессии и построение карьеры, по мнению опрошиваемых, в первую очередь соотносится с ценностью дела. Затем, по убыванию, следуют ценности самоутверждения и самореализации, ценности индивидуалистические, ценности альтруистические и ценности общения. Тем более, что опрошиваемые, в принципе имеют представление о том, что такое карьера.

Говоря про ценности, нельзя не упомянуть о существовании «терминальных ценностей, то есть убеждения в том, что какая-то конечная цель индивидуального существования стоит того, чтобы к ней стремиться» [5; с. 132-141]. В нашей анкете среди таких ценностей была указана ценность карьеры. Следует отметить, что данную терминальную ценность в качестве одной из основных для своей жизни из 240 опрошенных указали более половины – 60 %.

При проведении опроса студентам предлагалось выбрать один из видов ценностной карьерной ориентации, который был бы наиболее близок им по их образу жизни и избранной ими профессии (см. таб. 4).

Таблица 4

Соотношение видов ценностных карьерных ориентаций у студентов различных курсов обучения (в процентах)

Вид ценностной карьерной ориентации	Курс обучения			
	1	2	3	4
Быть профессионалом, мастером в своем деле	5	5	10	10
Управление людьми, проектами, бизнес-процессами	10	10	10	10
Свобода и независимость в работе	25	20	12	15

Окончание табл. 4

Вид ценностной карьерной ориентации	Курс обучения			
	1	2	3	4
Стабильная работа на длительное время	7	4	13	14
Реализация в работе своих идеалов и ценностей	15	18	5	5
Решение уникальных, заведомо сложных задач	20	17	15	10
Гармоничное сочетание личной жизни и карьеры	8	6	10	16
Создание собственного бизнеса	10	20	25	20
Итого	100	100	100	100

Данные таблицы можно интерпретировать следующим образом: студенты всех курсов обучения в большей степени отдают предпочтение ценностным карьерным ориентациям, которые связаны с их личными возможностями, их желанием самореализоваться, проявить и показать себя. Однако, если на первых курсах выбор студентов связан в основном с их личными амбициями, то на более старших курсах их амбиции подкрепляются получаемыми знаниями. В целом, на всех курсах обучения чаще всего указываются ценностные карьерные ориентации: *«свобода и независимость в работе и быть профессионалом, мастером в своем деле»*, что соответствует духу времени. Интересна ситуация с ценностной карьерной ориентацией *«решение уникальных, заведомо сложных задач»*. Постепенно, от курса к курсу, процент студентов отдающих данной ценностной карьерной ориентации предпочтение постепенно снижается.

По всей вероятности, за время обучения студенты начинают осознавать трудности и риски, возникающие в процессе реализации данной ценностной карьерной ориентации. В целом, же ближе к старшим курсам, ценностные карьерные ориентации обучающихся смещаются в сторону стабильности, баланса, минимизации рискованных ситуаций. Об этом, в частности, свидетельствует рост к старшим курсам числа студентов, отдающих предпочтение ценностным карьерным ориентациям *«надежная работа на длительное время и сохранение гармонии между сложившейся личной жизнью и карьерой»*.

В отношении всех опрашиваемых виды ценностных карьерных ориентаций распределились следующим образом (см. таб. 5).

Таблица 5

**Виды ценностных карьерных ориентаций студентов
всех курсов обучения**

Вид ценностной карьерной ориентации	Чел.	% к опрашиваемым
Быть профессионалом, мастером в своем деле	18	7,5

Окончание табл. 5

Вид ценностной карьерной ориентации	Чел.	% к опрашиваемым
Управление людьми, проектами, бизнес-процессами	24	10
Свобода и независимость в работе	43	17,9
Стабильная работа на длительное время	22	9,2
Реализация в работе своих идеалов и ценностей	26	10,8
Решение уникальных, заведомо сложных задач	37	15,4
Гармоничное сочетание личной жизни и карьеры	25	10,4
Создание собственного бизнеса	45	18,8
Итого	240	100

Данные, представленные в таблице 5, свидетельствуют о том, что среди всех респондентов наибольшее предпочтение отдается ценностной карьерной ориентации «создание собственного вызова», затем следуют «свобода и независимость в работе», «решение уникальных, заведомо сложных задач», «служение, гармоничное сочетание личной жизни и карьеры», «стабильная работа на длительное время и профессиональная компетентность».

Далее, студентам предлагалось ответить на вопрос о том, какой характер действий, на их взгляд будет способствовать быстрому продвижению по карьерной лестнице. Следует отметить, что вопрос предполагает две противоположные характеристики, которые, так или иначе, связаны с достижением карьерных целей. Одна из них является положительной, позитивной, а другая отрицательной, негативной, например, пара характеристик: *враждебные – дружелюбные*. Данные, полученные нами при ответе опрашиваемых студентов на указанный вопрос, позволяют говорить о том, что обучающиеся в большей степени склоняются к позитивному характеру действий. В частности, из 30 позиций в подавляющем большинстве случаев указывалась позитивная характеристика. Наиболее часто при достижении карьерных целей упоминались: *энергичность, открытость, деятельность, справедливость*. В то же время, с нашей точки зрения, учитывая реалии сегодняшнего времени, студенты при достижении карьерных устремлений указывают и негативные характеристики. В частности, среди негативных характеристик чаще других назывались: *неискренность, уступка, отвержение, пассивность, отторжение*.

При выделении критериев и показателей сформированности карьерных ориентаций будущих специалистов мы учитывали, что «система ценностных карьерных ориентаций представлена следующими компонентами: когнитивным, эмоциональным, поведенческим» [6, с. 103-116].

При этом «критерием когнитивного компонента является сформированность представлений о будущей профессиональной жизни со следующими показателями: осознание об образе профессии и ее требованиях к человеку; осознание своего соответствия требованиям полученной профессии; знание перспектив профессионального роста. Критерий эмоциональ-

ного компонента – это отношение к будущей профессиональной деятельности с показателями: положительное отношение к будущей профессии; постоянная потребность в саморазвитии и самосовершенствовании; наличие профессиональной мотивации. Критерием поведенческого компонента выступает направленность на выполнение профессиональных решений. Показатели – потребность в планировании, моделировании и программировании деятельности; наличие четких путей достижения профессиональной цели; умение адекватно оценивать свои действия и поведение; положительное отношение к людям с выраженными карьерными намерениями. Выделенные критерии и показатели позволили определить и охарактеризовать уровни сформированности ценностно-профессиональных и карьерных ориентаций будущих специалистов: высокий, средний, низкий» [6, с. 103-116].

При этом, высокий уровень сформированности карьерных ориентаций определяется: знанием предъявляемых требований работодателей к специалисту и свое соответствие этим требованиям; четким пониманием сущности и предназначения выбранной профессии; умением определять перспективы своего профессионального роста; эффективным выбором конкретных путей, необходимых для достижения своего карьерного максимума; наличием навыков реализации поставленной карьерной цели; ориентацией на самосовершенствование, профессиональное развитие и профессиональную самореализацию; высоким уровнем карьерной мотивации при планировании профессиональной деятельности; адекватной оценкой своих действий в рамках профессиональной реализации.

Средний уровень сформированности карьерных ориентаций: наличие поверхностного представления о сущности своей профессии, карьерные перспективы четко не определены; двойственное или нейтральное отношение к своей будущей профессиональной деятельности; карьерная мотивация характеризуется средним уровнем подготовки; будущая карьерная стратегия недостаточно ясна или не связана с направлением подготовки в вузе; обозначенные способы построения карьеры не гарантируют полного достижения профессиональных целей; характерно двойственное отношение к людям, стремящимся к карьере.

Низкий уровень сформированности профессиональной направленности: отсутствие понимания «сущности своей будущей профессии, знаний о требованиях будущей профессиональной деятельности человека и их соответствии этим требованиям; нет четкого понимания об основных этапах карьерного роста; негативное отношение к будущей профессиональной деятельности, отсутствие стремления к самосовершенствованию, профессиональному развитию и профессиональной самореализации; неготовность к профессиональному развитию; постоянная переоценка собственных действий и поступков, определяющих профессиональную реализацию; отрицательное отношение к людям» [6, с. 103-116], имеющим четкие карьерные перспективы.

В этой связи актуализируется проблема трансформации ценностных ориентаций студенческой молодёжи в отношении будущей профессии и

карьеры. Немаловажную роль в трансформационных процессах играет система современного российского образования, прежде всего, система высшего образования в России, которая характеризуется следующими основными тенденциями:

- *трансформация*, то есть изменение и обновление системы образования для адаптации к изменившимся условиям существования и функционирования;
- *глобализация*, то есть формирование единого рынка образовательных услуг;
- *стандартизация*, то есть распространение единых, унифицированных требований, критериев и программ;
- *компьютеризация*, то есть радикальное изменение и обновление формы трансляции знаний;
- *виртуализация*, то есть увеличение доли сегмента дистанционного обучения.

Указанные тенденции не могут не оказывать влияние на содержательную составляющую образовательного процесса, на качество образования, а значит и на отношение обучающихся к своей будущей профессии, к построению карьеры и карьерному росту. Соответственно, следует говорить о существовании процесса трансформации ценностных карьерных ориентаций у студентов, происходящего под влиянием самой системы высшего образования.

Согласно данным проведённого нами исследования, 47,9 % опрошенных не изменили своих представлений о будущей профессии и стремления к карьерному росту, 34,6 % респондентов изменили свои представления несущественно, а оставшиеся 17,5 % студентов изменили свои представления о будущей профессии и карьере существенно (см. рис. 1).

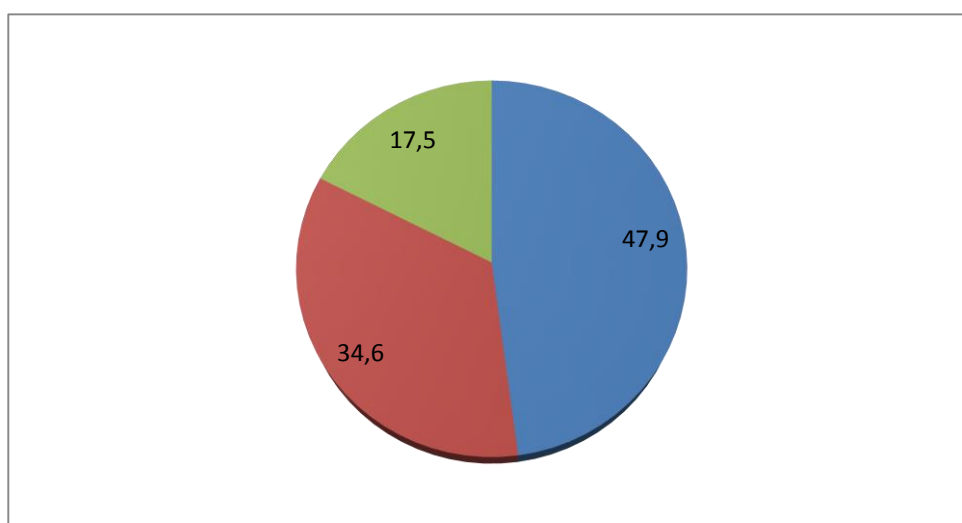

Рис. 1 Представления о будущей профессии и карьере, %

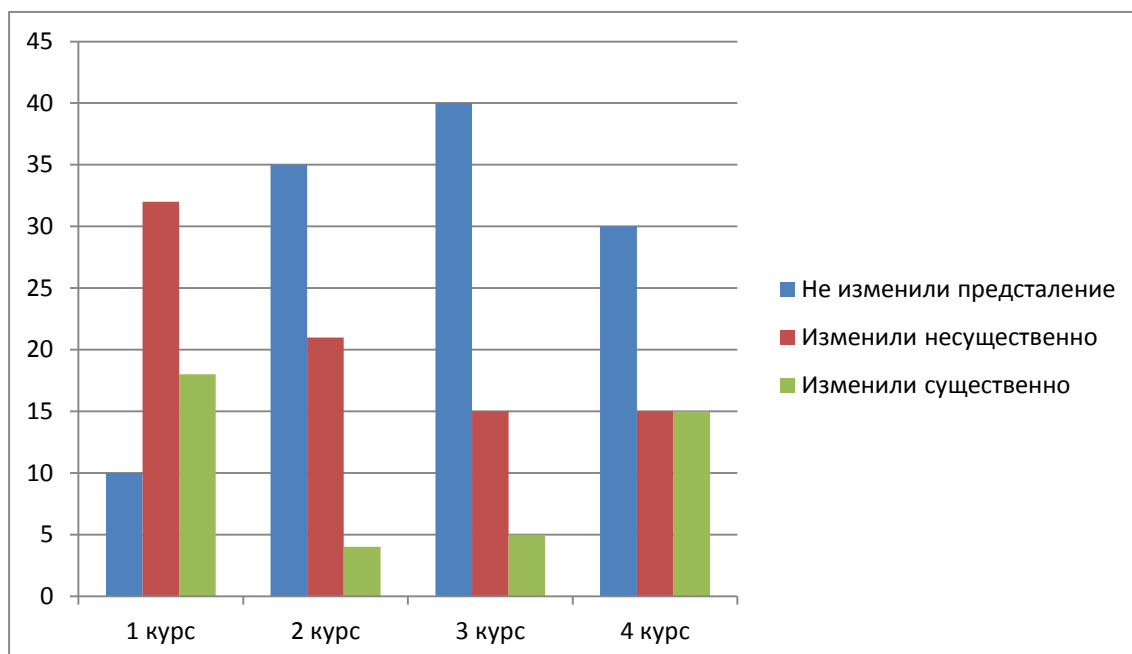
Отношение самих студентов к представлению о будущей профессии и карьере в зависимости от курса обучения можно представить следующим образом (таб. 6).

Таблица 6

**Трансформация представлений студентов
о будущей профессии и карьере**

Отношение студентов к будущей профессии и карьере (чел.)	1 курс	2 курс	3 курс	4 курс	Всего
Не изменилось	10	35	40	30	115
Изменилось несущественно	32	21	15	15	83
Изменилось существенно	18	4	5	15	42
Всего	60	60	60	60	240

Представления о будущей профессии и карьере в зависимости от года обучения представлены на рис. 2

**Рис. 2 Представления о будущей профессии и карьере
в зависимости от года обучения, %**

Данные, представленные в таблице 6 и рисунках 1 и 2, свидетельствуют о следующем:

- во-первых, почти половина опрошенных не отмечает изменений в собственных представлениях о будущей профессии и карьере после поступления и начала обучения в вузе;
- во-вторых, данные исследования подтверждают общероссийскую тенденцию, согласно которой трансформация представлений о будущей

профессии и карьере в большей степени характерны для студентов первого курса и четвёртого курса, соответственно, 50 человек и 30 человек (для второго курса 25 человек, для третьего курса 20 человек);

- в-третьих, закономерно то, что на первом курсе трансформационные представления выражены ярче, чем на четвёртом. Это обусловлено неизвестностью, которая часто охватывает студентов-первокурсников из-за неполного понимания сути будущей профессии;

- в-четвертых, интересным является тот факт, что среди опрошенных студентов четвертого (зачастую выпускного) курса примерно равное распределение в отношении к будущей профессии и карьере. Согласно полученным нами данным, 30 студентов говорят, что не изменили своего отношения к будущей профессии и карьере, а 30 – что изменили несущественно или существенно. На наш взгляд, эти данные требуют дополнительного анализа, так как трансформация ценностных карьерных ориентаций может иметь, как негативный, так и позитивный характер.

Таким образом, в ходе проведенного нами исследования мы пришли к следующим выводам:

- ценностные ориентации в жизнедеятельности молодого индивида реализуют определённые функции (контроль, мотивация, регуляция) и включают в себя три составляющие: *когнитивная* – система знаний, *эмотивная* – система чувств, *поведенческая* – система действий индивида;

- важнейшей ценностной ориентацией молодёжи является профессиональная ценностная ориентация, направляющие молодого индивида на выбор определённой профессии и поиск определённого профессионального учебного заведения;

- для студенчества, в той или иной мере характерны карьерные устремления, то есть ценностные карьерные ориентации, но, поскольку, студенчество, не является однородной социальной группой, для него характерны ценностные карьерные ориентации различных типов: *профессиональная компетентность, менеджмент, автономия, стабильность, служение, вызов, интеграция стилей жизни, предпринимательство*.

- понимание студентами, что получаемое ими профессиональное образование не всегда способствует построению и реализации карьерных устремлений иногда приводит к трансформации ценностных карьерных ориентаций;

- для минимизации трансформационных процессов и развития ценностных карьерных ориентаций студенчества следует проводить специальную подготовку (в виде профессиональных тренингов).

Список литературы

1. Титова Е.В., Исаев А.В. Непрерывное образование: прогресс обучения или необратимость современной государственной политики? // В сборнике: Образование. Наука. Карьера. сборник научных статей 3-й Международной научно-методической конференции. Юго-Западный государственный университет. Курск, 2020. С. 173-177.

2. Базаева Ф.У. Формирование карьерных ориентаций в процессе обучения в ВУЗЕ // Экономические и гуманитарные исследования регионов. 2022. № 1. С. 13-18.

3. Меркулов П.А., Елисеев А.Л. Проблемы трудоустройства и социальной адаптации молодежи в современной России // В сборнике: Трудоустройство и социальная адаптация молодежи в современных условиях. Материалы научно-практической конференции. Орел, 2020. С. 101-108.

4. Митюшина А.С. Неопределенность в профессиональном выборе как социальная проблема современной молодежи // Наукосфера. 2022. № 2-1. С. 63-66.

5. Мошкина Л.Д., Швачко Е.В., Кочегин А.Г. Профессиональное самоопределение студентов профессиональных образовательных организаций: результаты исследования // Инновационное развитие профессионального образования. 2022. № 1 (33). С. 132-141

6. Харланова, Т. Н. Особенности развития карьерных ориентаций студентов разных специальностей в процессе профессиональной подготовки // Вестник Московского университета. Серия 20: Педагогическое образование. 2015. № 4. С. 103-116.

7. Молодежь региона в 2020-2021 гг : Научное издание. Информационно-социологический бюллетень. / П. А. Меркулов, А. А. Алексеенок, О. В. Леонова, И. В. Михалев. – Орел : Среднерусский институт управления - филиал РАНХиГС, 2021. – 148 с.

Титова Елена Валерьевна, канд. социол. наук, доц., ogau@mail.ru, Россия, Орёл, Среднерусский институт управления – филиал РАНХиГС,

Исаев Алексей Владимирович, канд. полит. наук доц., IsaevLesha@yandex.ru, Россия, Орёл, Среднерусский институт управления – филиал РАНХиГС

THE INFLUENCE OF UNIVERSITY VOCATIONAL TRAINING ON THE DEVELOPMENT OF VALUE CAREER ORIENTATIONS OF STUDENTS

E.V. Titova, A.V. Isaev

The article examines the influence of university vocational training on the development of value career orientations of students of different specialties. Special attention is paid to the study of the motives for choosing a future profession, which determine the entire course of development of career orientations in the process of professional training. It is determined that the professional education received by students does not always contribute to the construction and realization of career aspirations, sometimes leads to the transformation of value career orientations

Keywords: youth education, value career orientations, professional training, professional activity.

Titova Elena Valeryevna, candidate of social sciences, associate professor, ogau@mail.ru, Russia, Orel, Central Russian Institute of Management – RANEPА branch,

Isaev Alexey Vladimirovich, Candidate of Political Sciences. Associate Professor, IsaevLesha@yandex.ru, Russia, Orel, Central Russian Institute of Management – RANEPА branch

КОНФЛИКТ В ВОИНСКИХ КОЛЛЕКТИВАХ КАК ФАКТОР СОЦИАЛЬНОГО САМОЧУВСТВИЯ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ

Г.В. Баранова, В.И. Музалевский

Раскрываются основные категории, объясняющие сущность социального самочувствия в воинских коллективах. Выявлены и обоснованы внешние и внутренние факторы конфликтов, влияющие на возникновение и развитие, объективных и субъективных условий, формирующих социальное самочувствие военнослужащих. Выделены показатели конфликтов. Предложен подход к оценке конфликтов в воинских коллективах, разработан инструментарий для измерения его уровней и качественной интерпретации расчетных значений в контексте влияния на социальное самочувствие военнослужащих. Выработаны рекомендации для своевременных конструктивных способов регулирований конфликтных ситуаций с целью обеспечения позитивных форм взаимодействия военнослужащих для эффективного решения профессиональных задач.

Ключевые слова: социальное самочувствие, воинский коллектив, военнослужащий, конфликт, факторы, индикаторы конфликтов, разрешение конфликтов.

Введение

Обеспечение устойчивости в состоянии военной сферы в современный период глубокого реформирования мира является важной задачей. Социальное самочувствие военнослужащих в этом аспекте является важным условием. Одним из детерминирующих признаков нарушения устойчивости обозначается возникновение и развитие конфликтов в военных коллективах. Повышение уровней конфликтности сопровождается деструктивными проявлениями, отражающимися на адекватность реагирования в сложных ситуациях, что представляет собой угрозы обеспечению безопасности государства. В связи с этим важен анализ характера взаимодействий военнослужащих, представляющих особенный социальный слой.

Понятие «конфликт» (от лат. conflictus) - столкновение или борьба, враждебное, отношение [1]. Особенности многих воинских коллективов заключаются в наиболее тесном и длительном взаимодействии их представителей друг с другом не только в ходе коллективного выполнения задач боевой подготовки, но и в быту (при проживании на одной территории, в столовой, на спортивной площадке, при совместном проведении досуга и т.д.). В современных условиях, когда взаимодействие в воинских коллективах становится все более интенсивным, возникают и накапливаются разного рода противоречия, как объективные, реальные, так и субъективные, мнимые (кажущиеся). Накопление противоречий, ведет к росту напряженности и развитию конфликтов.

Поэтому в контексте изучения конфликтов в воинских коллективах, речь идет о социальных конфликтах, под которыми в общем смысле пони-

мается отсутствие согласия между двумя и более сторонами, столкновение или борьба, враждебное, отношение [2].

Из вышеизложенного следует, что под конфликтом в воинских коллективах понимается такое отношение между субъектами социального взаимодействия, которое характеризуется их противоборством на основе противоположно направленных мотивов (потребностей, интересов, целей, идеалов, убеждений) или суждений (мнений, взглядов, оценок и т.п.).

Причинами конфликтных настроений являются неудовлетворенность сложившейся ситуацией, противоречия потребностей и интересов отдельных членов воинских коллективов [4]. Они негативно сказываются на социальном самочувствии военнослужащих, что в свою очередь отражается на качестве решения служебных и профессиональных задач.

С феномено-ноуменальной позиции различают [2]:

а) латентные (скрытые) конфликты. Они анализируются в контексте ноуменальной (умопостигаемой) теории;

б) явные (наблюдаемые) конфликты. Они рассматриваются в теории феноменов (чувственно-воспринимаемых явлений).

В зависимости от характера влияния конфликта на социальное самочувствие в воинских коллективах, стабильность их, они подразделяются на: конструктивные, позволяющие вскрывать проблемы в воинских коллективах, разрешение которых в конечном итоге способствует повышению их устойчивости, что благоприятно влияет на социальное самочувствие их членов; деструктивные, имеющие негативные влияние на настроение военнослужащих, на деятельность коллективов в контексте выполнения ими профессиональных задач.

Факторы, влияющие на возникновение и развитие конфликтов в воинских коллективах

Под факторами конфликтов в воинских коллективах следует понимать причины, движущие силы возникновения и развития противоречий между отдельными субъектами военных организаций, определяющие характер и отдельные черты конфликтов [3, 5].

Причинами возникновения и развития конфликтов в воинских коллективах могут быть внешние и внутренние факторы, объективные условия и субъективные характеристики и обстоятельства. [3, 5, 6, 10]

Внешние факторы – это факторы внешней среды, возникающие вне конкретного воинского коллектива, оказывающие влияние на характер взаимоотношений и взаимодействий его субъектов. Внешние факторы, представляют собой те характеристики, которые влияют на деятельность воинских коллективов, но сами субъекты и воинские подразделения не оказывают непосредственного воздействия на внешние характеристики, то есть не могут ими управлять. К ним относятся обстоятельства, связанные

непосредственно с деятельностью государства или его социальных институтов. Как правило, это факторы экономического, политического, социального, экологического, демографического, военного характера [3,10]. Несмотря на то, что прямого воздействия воинские подразделения, их субъекты не оказывают на внешние факторы, вместе с тем, анализ конфликтов, их основных причин и влияния опосредованное оказывает влияние на принятие решений на уровне государства и его социальных институтов для улучшения условий в армии.

Внутренние факторы характеризуются особенностями военной структуры. Среди них выделяются: сложность и динамичность воинской деятельности; субординационный тип отношений военнослужащих, продиктованный укладом воинской службы; взаимозависимость задач (выполнение задач одних субъектов воинских организаций зависит от деятельности и конкретных действий других) [6,10].

Объективные факторы характеризуют условия, в которых осуществляется жизнь и деятельность военнослужащих, влияющие на их социальное самочувствие и которые могут изменяться посредством управленческих решений, принимаемых как руководством соответствующих воинских подразделений, так и государственными институтами [5,10]. К ним относят: достаточность обеспечения подразделений всем необходимым для выполнения боевых задач, удовлетворительных условий жизни; социальная справедливость при распределении материальных и духовных благ (вознаграждений, информации, признания, престижа и. т. п.); разработанность правовых нормативных процедур разрешения межличностных противоречий; состояние коммуникации (передачи информации); соответствие между функциями и средствами, имеющихся в распоряжении у военнослужащих; соотношение ряда категорий военнослужащих-начальников по возрасту с подчиненными; уровень профессиональной подготовка субъектов воинского коллектива.

Субъективные факторы характеризуют настроения, эмоции военнослужащих, отсутствие навыков общения конкретных субъектов военных организаций, связанные с свойством их характера, темперамента, здоровья. К ним относятся также менталитет, религия, морально-нравственные потенциалы, различия в представлениях и ценностях субъектов. Субъективный фактор неправомерно отождествлять с категорией «человеческий фактор» [6,10].

Согласно теории многосоставного конфликта В.Н. Якимца, возможно одновременно несколько причин возникновения конфликта, а в процессе его развития образуются дополнительные противоречия, что ведет к обострению ситуаций [2]. В связи с этим одной из первостепенных задач, в процессе анализа феномена конфликта (его явного проявления) или мониторинга с целью обнаружения латентных стадий, является определение наиболее значимых причин, влияющих на возникновение кон-

фликтных противоречий в отношениях и взаимодействиях военнослужащих. Ориентируясь в причинах конфликтов и зная их, военный руководитель может стратегически правильно организовать свою деятельность по профилактике конфликтных отношений среди военнослужащих.

На основе анализа научных трудов, посвященных проблемам конфликтов в воинских коллективах, социального самочувствия военнослужащих, а также осуществления экспертных опросов, в которых в качестве экспертов выступили военнослужащие в количестве 72 человека, имеющие опыт работы в воинских коллективах не менее 10 лет, в том числе в качестве руководителей воинских подразделений, можно выделить совокупность основных показателей конфликтов (рис. 1).

Степень соответствия нормативного (закрепленного уставом) характера отношений военнослужащих тому типу отношений, которые возникают в процессе служебной	Характер соотношения ряда категорий военнослужащих-начальников по возрасту с подчиненными	Уровень адаптации субъектов в условиях длительной изоляции
	Существование в воинском подразделении противоречащих уставным требованиям традиций и обычаев, выражающихся в перекладывании отдельными воинами своих обязанностей	Ярко выраженные акцентуации (несхожесть) характера отдельных субъектов
		Завышенная самооценки отдельных субъектов (военнослужащего) статусу
		Отрицательная установка на подчиненного, на начальника
Соответствие уровня разработанности правовых и других нормативных процедур разрешения межличностных противоречий, возникающих во взаимоотношениях военнослужащих	Уровень социальной справедливости при распределении материальных и духовных благ (вознаграждений, информации, признания.	Повышенная агрессивность и раздражительность отдельных субъектов
	Достаточность обеспеченности подразделения всем необходимым для нормальной	Негативизм в поведении отдельных военнослужащих отдельных субъектов
	Этноконфессиональные противоречия	Предвзятое отношение некоторых начальников к своим подчиненным
Уровень соответствия между функциями и средствами, которые имеются в распоряжении у военнослужащих для выполнения этих функций	Уровень профессиональной подготовки субъектов воинского коллектива	Принятие необоснованных или ошибочных решений
	Коррупционные нарушения со стороны субъектов воинских коллективов	Стремление руководителя утвердить свой авторитет любой ценой статусу
Соответствие уровня разработанности правовых и других нормативных процедур разрешения межличностных противоречий, возникающих во взаимоотношениях	Соответствие социальной и профессиональной адаптации военных руководителей к своему должностному	Различия в манере поведения и жизненном опыте статусу
	Состояние отлаженности коммуникации (передачи информации) в коллективе	Эмоциональная неустойчивость, излишняя тревога, низкое самоуважение отдельных
		Оскорбление чести и достоинства военнослужащих
		Стремление нечестным путем добиться лидерства в коллективе

Рис. 1. Совокупность показателей конфликтов в воинских коллективах

Для выявления значимых причин возникновения и развития конфликтов в воинских коллективах в определенный период целесообразно определить приоритеты факторов, влияющих на эти ситуации. Разработка инструментария для определения приоритетов основана на сопряжении и на интеграции двух подходов к расчету весовых показателей. Первый предполагает расчет весовых коэффициентов на базе данных, полученных методом экспертной оценки [7], при которой в качестве экспертов выступают руководители воинских коллективов. Экспертам предлагается оценить по предложенной им шкале степень влияния указанных факторных показателей на возникновение и развитие конфликтов в конкретном воинском коллективе в исследуемый период.

Второй подход основан на данных социологических опросов членов личного состава воинских коллективов.

В первом и втором варианте предлагается одинаковая анкета, в которой представлена 5-ти балльная шкала с вербальным закреплением границ (с целью повышения надежности полученных результатов), где:

- 0 баллов – не влияет;
- 1 балл – влияет очень слабо;
- 2 балла – влияет слабо;
- 3 балла – влияет в достаточной мере, но не сильно;
- 4 балла – влияет сильно;
- 5 баллов – влияет очень сильно.

Для расчета весовых значений каждого j -го показателя используется формула 1:

$$W_j = \frac{\sum_i^I p_{ij}(t)}{P(t)} \quad (1)$$

где W_j – вес влияния j -го факторного показателя на конфликт в конкретном воинском коллективе в исследуемый период;

I – количество военнослужащих, принявших участие в опросе;

$\sum_i^I p_{ij}(t)$ – суммарная балльная оценка всех военнослужащих относительно j -го факторного показателя в исследуемый период t ;

$p_{ij}(t)$ – балльная оценка i -го военнослужащего относительно j -го показателя в исследуемый период t .

P – максимальная балльная оценка в предложенной балльной шкале.

Следующим этапом в каждом из 2-х способов осуществляется ранжирование факторных показателей по полученным расчетным значениям [7].

Совпадение наиболее приоритетных первых рангов, значения которых находятся в интервале $[0,8;1]$ дает возможность выявить детерминирующие факторы конфликтов в конкретном воинском коллективе в исследуемый период. Обозначенный интервал соответствует нормированным значениям балльных оценок (формула 2): «3» - «4» - влияет сильно и «5» - влияет очень сильно (рис. 2):

$$p = \frac{P_i - P_{\min}}{P_{\max} - P_{\min}}, \quad (2)$$

где P_i – балльная оценка эксперта (респондента); $P_{\max}$ – максимальная балльная оценка $P_{\max} = 5$; $P_{\min}$ – минимальная балльная оценка позиций ($P_{\min} = 0$), согласно предложенной балльной шкале.

При этом все другие факторные показатели, значение которых находится в интервале $[0,8;1]$ также требуют внимания при планировании деятельности в воинских коллективах, при проведении воспитательной работы. Непринятие своевременных соответствующих управленческих решений может привести к обострению ситуации.

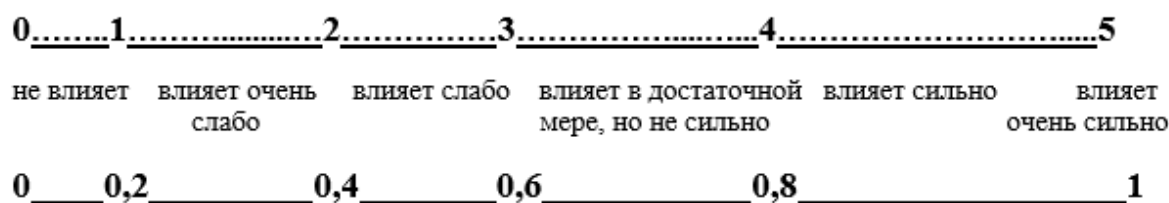

Рис. 2 Степень влияния факторного показателя на наличие конфликта в воинском коллективе

Выявление причин конфликта в процессе мониторинга, согласно предложенной модели, позволяет осуществлять оценку меры конфликтности в воинских коллективах на основе разработанного для этой цели инструментария.

Измерение уровней конфликтов в воинских коллективах и определение характера их влияния на социальное самочувствие военнослужащих осуществляется на основе выделенных факторных показателей конфликтов в воинских коллективах.

Эмпирической базой служат данные социологических опросов в исследуемых воинских коллективах [9]. В анкетах предлагается оценить положение дел в контексте наличия конфликтности в воинском коллективе,

членом которого является опрашиваемый военнослужащий относительно каждого факторного показателя по пятибалльной шкале с вербальным закреплением границ, где:

- 0 баллов – отсутствие конфликтности;
- 1 балл – «низкий» уровень конфликтности;
- 2 балла – «средний» уровень конфликтности;
- 3 балла – «повышенный» уровень конфликтности;
- 4 балла – «высокий» уровень конфликтности;
- 5 баллов – очень «высокий» уровень конфликтности;

Такая шкала сопряжена с шкалой для определения приоритетов факторных показателей социальной напряженности. Это дает возможность использовать полученные данные в математических расчетах уровней конфликтности в воинских коллективах, одним из условий чего является однородность и соразмерность шкал [9].

На основе данных, полученных в результате опроса осуществляется расчет уровня конфликтности в воинском коллективе (K_V).

Значения уровней конфликтности относительно j -го факторного показателя (k_j) определяются по формуле 1:

$$k_j = \frac{\sum_{i=1}^I \tilde{p}_{ij}}{I}, \quad (3)$$

где k_j – уровень конфликтности в воинском коллективе относительно j -го факторного показателя;

$\sum_{i=1}^I \tilde{p}_{ij}$ – суммированное значение нормированных балльных оценок всех

I опрошенных военнослужащих относительно j -го показателя;

$\tilde{p}_{ij}$ – нормированное значение оценки конфликтности j -го показателя i -ым экспертом, вычисляемое по формуле 2.

Расчет уровня конфликтности в воинском коллективе (K_V) осуществляется по формуле 4:

$$K_V = \sum_{j=1}^J k_j \cdot W_j, \quad (4)$$

где W_j , – вес влияния j -го факторного показателя на конфликт в конкретном воинском коллективе в исследуемый период (см. формула 1);

k_j – уровень конфликтности в воинском коллективе относительно j -го факторного показателя (см. формула 3);

J – количество факторных показателей.

Предложенный подход к определению уровней конфликтности в воинских коллективах позволяет осуществлять непрерывный мониторинг, обнаруживая конфликты на ранних «латентных» стадиях, наблюдать изменение уровней, определяя рост или снижение последних для регулирования управленческих решений в работе с коллективом, планировании воспитательной работы, направленной на развитие морально-нравственных потенциалов членов коллектива и других качеств, способствующих поддержанию конструктивных форм взаимодействия и укреплению позитивных взаимоотношений военнослужащих. Вместе с тем, отметим, что при оценке конфликтов в воинских коллективах, наряду с определением количественных значений, целесообразно осуществлять их качественную интерпретацию, позволяющую характеризовать степень их влияния на социальное самочувствие в исследуемых воинских подразделениях. С этой целью в предложенной модели анализа конфликтов представлен способ разработки шкал для количественно-качественной интерпретации расчетных показателей.

Интерпретационная шкала для качественного анализа расчетных показателей уровней конфликтов в воинских коллективах строится математическим оперированием взвешенных и нормированных значений, соответствующих границам уровней конфликтности, показателей значимости и конфликтности, в соответствии с балльными шкалами для их измерения, а также количества факторных показателей ($J=25$). Верификация модели оценки конфликтов в воинских подразделениях позволила представить качественную характеристику уровней конфликтов и их влияния на социальное самочувствие военнослужащих.

Расчет границ уровней конфликтности осуществляется произведением нормированного значения границы уровня конфликтности относительно одного показателя, нормированного значения, соответствующего этому уровню степени влияния показателя и максимального числа факторных показателей. Значение левой границы уровня отсутствия конфликта равно нулю.

Правая граница этого уровня является левой границей «низкого» уровня. Ее расчет осуществляется произведением нормированных значений «низкого» уровней конфликтности, очень слабой степени влияния и числа факторных показателей: $0,2 \cdot 0,2 \cdot 25 = 1$.

Правая граница «низкого» уровня является левой границей «допустимого» уровня. Правая граница «допустимого» уровня рассчитывается произведением нормированного значения «среднего» уровня конфликтно-

сти, «слабого уровня влияния и числа факторных показателей и является левой границей «повышенного» уровня: $0,4 \cdot 0,4 \cdot 25 = 4$.

«Низкий» и «допустимый» уровни характеризуют латентную стадию конфликта. Каждый из уровней имеет особые характеристики.

«Низкий» уровень – возникают основные элементы конфликта, образующие структуру конфликта (его причины и главные участники – (объект возможного противостояния, наличие полярных сторон и осознание ими противоречий).

«Допустимый» уровень – начинаются скрытые конфликтные взаимодействия в виде отказа от поддержки, совместного времяпровождения и т.п.

Правая граница «допустимого» уровня, является левой границей «повышенного» уровня. Правая граница «повышенного» уровня, является соответственно левой границей «высокого» уровня и рассчитывается произведением нормированных значений «повышенного» уровня конфликтности, в достаточной, но не сильной степени влияния и количества факторных показателей: $0,6 \cdot 0,6 \cdot 25 = 9$.

«Повышенный» уровень характеризует предконфликтные ситуации, при которых:

- членами воинского коллектива осознается, кто блокирует их потребности, какова доля их участия в этом процессе, какова степень сплоченности, имеются ли возможности совместных действий и противодействий;

- происходит оценка ресурсов соперников (в случае неблагоприятной для себя оценки субъекты конфликта могут отказаться от конфронтации);

- осуществляется поиск сторонников и союзников;

- происходят конфликтные взаимодействия в виде провокаций, различных способов воздействия на субъекты конфликта противоположной стороны.

Правая граница «высокого» уровня рассчитывается произведением нормированных значений «высокого» уровня конфликтности, сильного влияния и количества факторных показателей: $0,8 \cdot 0,8 \cdot 25 = 16$.

«Критический» уровень соответствует ситуации, когда для всех факторных показателей соответствует ситуация их максимального влияния на существующий конфликт и уровень конфликтности относительно каждого из них «очень высокий»: $1 \cdot 1 \cdot 25 = 25$.

«Высокий» и «критический» уровень характеризуют стадию открытого конфликта – выраженные действия его субъектов. При этом наблюдаются следующие формы выражения конфликтов.

«Высокий» уровень:

- наличие явно выраженной установки на борьбу с противоположными субъектами конфликта. В большей мере это свойственно лидерам

микрогрупп, цель которых поддержать стремление к противоборству у остальных членов воинского коллектива;

– наличие инцидента, то есть ярко выраженных столкновений между противоположными субъектами конфликта;

– нарастание числа проблем, переход от деловых проблем к личностным неприязням.

При этом могут использоваться следующие ресурсы:

– ресурсы принуждения, силовые ресурсы, статусные ресурсы;

– влиятельные, авторитетные связи;

– престиж и общественное мнение;

– информационные ресурсы.

«Критический» уровень характеризуется соответствующей степенью социальной напряженности в воинских коллективах, что сопровождается смещением эмоциональной окраски выражения конфликта в сторону негативных проявлений с возрастанием рисков возникновения угроз высокого уровня дестабилизации деятельности воинского коллектива.

Интерпретационная шкала представлена в таблице 1.

Качественная интерпретация расчетных значений показателей конфликтности позволяет не только осуществлять сравнительный временной анализ конфликтов в воинских коллективах, но и определять стадию их развития и характеризовать характер влияния на социальное самочувствие военнослужащих.

Таблица 1

Шкала для количественно-качественной интерпретации расчетных значений конфликтности в воинских коллективах

Уровень конфликтности	Количественные значения границ уровней конфликтности	Стадия конфликта
«Отсутствует»	[0;1)	Отсутствие конфликта
«Низкий»	[1;4)	Латентная
«Допустимый»	[4;9)	
«Повышенный»	[9;16)	Открытый конфликт
«Высокий»	[16;25)	
«Критический»	25	Дестабилизация

В заключении отметим, что своевременный анализ конфликтов в воинских коллективах позволяет руководителям и членам воинских коллективов аккумулировать положительный опыт регулирования конфликта, набирать систему оптимальных решений стандартных и нестандартных конфликтных ситуаций, корректировать алгоритм своей деятельности по их разрешению с целью поддержания социального самочувствия военнослужащих. При этом важным является развитие в военных структурах

особых специфических норм и ценностей, личностных качеств военнослужащих таких, как способность мужественно преодолевать трудности, готовность жертвовать своими интересами ради товарищей, внутренняя собранность, уверенность в себе и другие, способствующие выполнению сложных военных задач в современной геополитической ситуации.

Список литературы

1. Бородкин Ф. М., Коряк Н. М. Внимание: конфликт! Новосибирск: Наука, 1989.
2. Якимец В. Н., Никовская Л. И. Сложносоставные конфликты – атрибут постсоциалистической трансформации // Социс. 2005. № 8. С. 77–90.
3. Гришин А. П. Управление социальными процессами в конфликтных ситуациях в воинских коллективах – дис. ... канд. социол. наук. М., 2000.
4. Желтухин, А. И. Социологическая концепция конфликта / А. И. Желтухин. // Социс. 1994. № 4. С. 142.
5. Козер Л. А. Функции социального конфликта. Социальный конфликт: современные исследования. М.: Наука, 1991. 377 с.
6. Воинская дисциплина и пути её укрепления. Под общ. ред. Кулакова В. Ф. М.: ГШ ВС РФ, 1996.
7. Крымский, С. Б. Экспертные оценки в социологических исследованиях. Киев: Наукова Думка, 1990. 310 с.
8. Желтухин, А. И. Социологическая концепция конфликта // Социс. 1994. № 4. С. 142.
9. Янин С. В. Комплексный анализ феномена социальной напряженности в российских Вооруженных Силах – дис. ... канд. социол. наук. М., 1993. 204 с.
10. Янин С. В. Факторы социальной напряженности в армейской среде // Социс. 1993. № 1. С. 225–232.

Баранова Галина Васильевна, д-р социол. наук, orel.bgv@gmail.com, Россия, Орёл, Федеральное государственное казённое военное образовательное учреждение высшего образования «Академия Федеральной службы охраны Российской Федерации»,

Музалевский Владислав Игоревич, аспирант, vladmuza@mail.ru, Россия, ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», Орловский филиал

CONFLICT IN THE MILITARY COLLECTIVES AS A FACTOR OF SOCIAL HEALTH OF MILITARY PERSONNEL

G.V. Baranova, V.I. Muzalevsky

The main categories explaining the essence of social well-being in military collectives are revealed. The external and internal factors of conflicts that influence the emergence and development of objective and subjective conditions that form the social well-being of military

personnel are identified and substantiated. The indicators of conflicts are highlighted. An approach to assessing conflicts in military collectives has been proposed, and tools have been developed to measure its levels and qualitatively interpret the calculated values in the context of the impact on the social well-being of servicemen. Recommendations have been developed for timely constructive ways of regulating conflict situations in order to ensure positive forms of interaction between military personnel for the effective solution of professional tasks.

Keywords: social well-being, military collective, serviceman, conflict, factors, indicators of conflicts, conflict resolution.

Baranova Galina Vasilyevna, doctor of sociological sciences, orel.bqv@gmail.com, Russia, Orel, The Federal state government military educational institution of higher education "The Academy of the Federal Guard Service of the Russian Federation,

Muzalevsky Vladislav Igorevich, postgraduate, vladmuza@mail.ru, Russia, Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Oryol branch.

УДК 316.4

DOI: 10.24412/2071-6141-2022-2-112-126

ВЛИЯНИЕ РЕКЛАМЫ НА ФОРМИРОВАНИЕ МИРОВОЗЗРЕНИЯ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ

Ю.В. Каира, И.В. Михалев, Ю.Ю. Путилина

Рассматривается роль рекламы в формировании мировоззрения студенческой молодежи. Материалы основываются на результатах эмпирического социологического исследования, проведенного в Орловской области по данной проблематике. В рамках исследования анализируется с какими видами, в каких местах и как часто молодежь сталкивается с рекламой, на какой вид рекламного контента молодые люди больше обращают внимание, исследуется отношение к рекламе, психологическое воздействие рекламы на ценности, убеждения, самооценку молодых людей, наиболее важные функции некоммерческой (социальной, имиджевой, политической) рекламы, динамику отношения к себе и окружающим под воздействием рекламы. Резюмировано, что реклама взяла на себя социальную функцию и является одним из основных источников формирования ценностных ориентаций для студенческой молодежи.

Ключевые слова: молодежь, рекламный контент, социологические исследования, информативная реклама, социальная реклама, имиджевая реклама, политическая реклама, мировоззрения, ценностные ориентации

Являясь социальным институтом, реклама имеет сильное влияние на развитие и формирование ценностных ориентаций личности. Реклама мотивирует, участвует в создании новых потребностей, рождает новые вкусовые предпочтения, развивает интересы, внедряет образцы поведения человека в общественное устройство.

Социологию всегда волновал вопрос мировоззрения и ценностных ориентаций, так как это напрямую связано с непосредственной системой жизнедеятельности личности и социальных групп [1]. О своих жизненных ценностях человек начинает задумываться в молодом возрасте, именно в этот период жизни они становятся для него важным ориентиром. Сформированные установки будут влиять на качество жизни и определять характер каждого человека.

Огромный выбор товаров и услуг стимулирует интенсивное развитие рекламы. Прекрасно, когда инструментарий рекламы направлен на внушение уверенности, семейные традиции, развитие творческого потенциала, смелость, патриотизм, любовь, дружбу и другие общепринятые ценности. Но часто разработчики рекламного контента игнорируют духовные ценности, заменяя их на материальные блага. Очень часто в рекламе счастлив тот, кто является обладателем товара или услуги.

Реклама может оказывать и позитивное и негативное влияние на молодое поколение, так как с одной стороны эта группа обладает высокой творческой активностью, а с другой стороны она еще социально незрела, у нее еще не окончательно сформированы оценочные (критические) процессы, она имеет неустойчивые жизненные позиции [2].

Пользуясь современными возможностями, доступными рекламному контенту, такими механизмами, как стереотипизация, идентификация, внушение – реклама способна создать эталонные взгляды, сформировать референтные группы, выделить объекты доверия и недоверия и т.д. В связи с этим приобретают большое значение исследования влияния рекламы на формирование мировоззрения студенческой молодежи.

Эмпирическую основу данной работы составили результаты социологического исследования «Влияние рекламы на формирование мировоззрения студенческой молодежи (на материалах Орловской области)», проведенного на кафедре «Социологии и информационных технологий» Среднерусского института управления – филиала РАНХиГС в мае 2021 года. Метод исследования – анкетный опрос. Опрошено 389 студентов г. Орла. Объем выборки определяется доверительной вероятностью 0,954. Репрезентативность выборки обеспечивается по форме обучения (очная) и вузу. Средняя ошибка репрезентативности выборки не превышает 5%. Анализировались ответы респондентов, находящихся на очной форме обучения, относящихся к молодежной группе [3].

Реклама проникает во все сферы жизни человека и традиционные средства массовой информации предлагают контент на любой вкус, подстраиваясь подо все сферы восприятия человека. Молодежь, как и любая другая социальная группа, выбирает для себя самые удобные варианты получения информации (табл.1).

Таблица 1

Где и как часто вам встречается реклама, %

Варианты ответов	Процент			
	Постоянно	Часто	Редко	Никогда
Социальные сети/Интернет	73,0	38,0	7,0	0,0
Телевидение	63,0	40,0	11,0	3,0
Газеты/журналы	33,0	49,0	26,0	9,0
Мобильные приложения	48,0	55,0	14,0	1,0
Баннеры/вывески	42,0	57,0	11,0	1,0
Радио	20,0	42,0	45,0	10,0
СМС-рассылки	24,0	44,0	38,0	11,0

В таблице продемонстрировано, где чаще всего молодое поколение взаимодействует с рекламой. Мы видим, что ни один из вариантов СМИ не остался без внимания молодежи. На постоянной основе молодые люди обращают внимание на присутствие рекламного контекста в социальных сетях и на телевидении (73 % и 63 % соответственно). Эти источники транслируют рекламу таким образом, что ее сложно не заметить или избежать (что бы получить доступ к искомой информации часто необходимо просмотреть рекламный ролик). Ничуть не меньше привлекают внимание молодежи мобильные приложения, печатные издания и баннеры (48 % и 42 % соответственно). Эти средства информации занимают второе место среди источников, из которых молодые люди знакомятся с рекламой. Третье место занимают радио и СМС рассылка (20 % и 24 % соответственно).

Можно сделать вывод, что среди студентов нет тех, кто редко или никогда не встречается с рекламным контентом вообще, хоть и есть небольшой процент респондентов, которые указали редко и никогда, но это связано с тем, что они не выбирают, например, радио как источник информации или отказываются от СМС за ненадобностью.

Выяснив, где и как часто молодежь находит рекламу, проанализируем с какими видами рекламы ей приходится сталкиваться (рис.1). Но сначала давайте дадим краткую характеристику каждого представленного вида рекламы.

Информативная реклама. Информативная реклама выполняет такие задачи как информирование о появлении новых видов товаров, услуг и возможностей их применения. Этот вид рекламы нужен, когда есть необходимость создать некий первичный спрос, когда необходимо сообщить об изменениях в цене, услугах или выделить отличительные особенности товара (услуги). Информативная реклама помогает прийти к принятию наиболее выгодных для предприятия экономических решений [4].

Социальная реклама. Точное определение понятию социальная реклама найдем в статье 3 Федерального Закона «О рекламе» от 13.03.2006 N 38-ФЗ «социальная реклама – информация, распространенная любым способом, в любой форме и с использованием любых средств, адресованная неопределенному кругу лиц и направленная на достижение благотворительных и иных общественно-полезных целей, а также обеспечение интересов государства» [5].

Имиджевая реклама. Целью корпоративной (имиджевой) рекламы является создание определённого (спланированного, сформированного) образа конкретной компании в глазах и сознании представителей её контактных аудиторий [6].

Политическая реклама. В данном опросе мы не хотим данный вид рекламы приравнять к избирательным технологиям. В нашем опросе мы под политической рекламой подразумеваем изменение политического поведения общества или отдельных групп в условиях политического выбора [3].

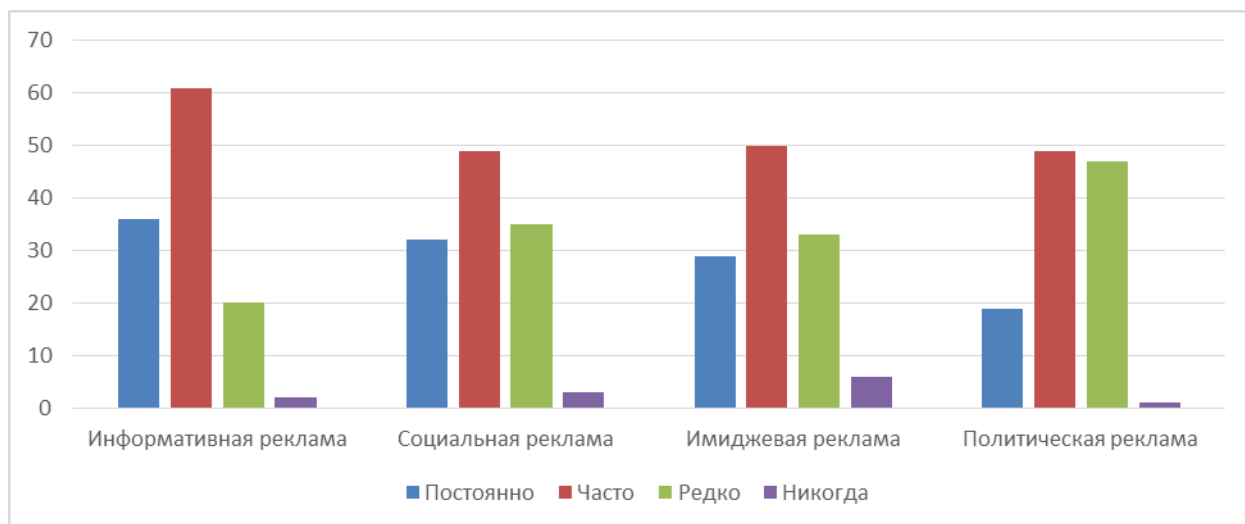
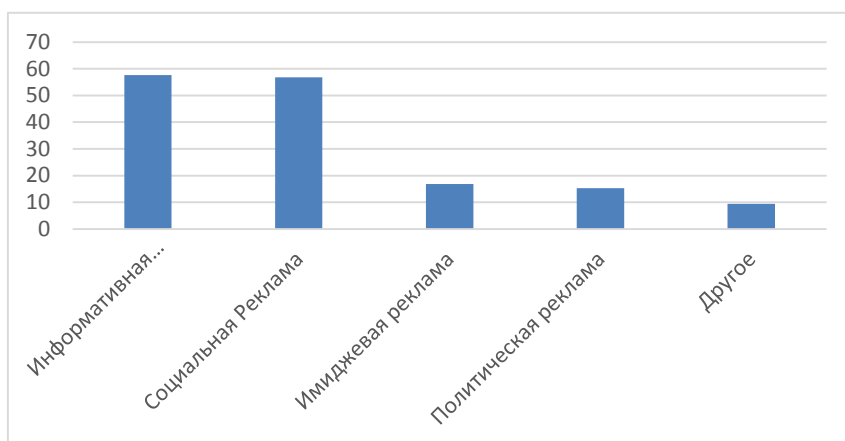

Рис. 1. Как часто вам встречается реклама следующих видов, %

На рис. 1 хорошо видно, что на постоянной и частой основе молодые люди получают рекламную информацию буквально всех видов. Информативная реклама занимает лидирующую позицию, но оставшиеся три вида не сильно отстают. Однако стоит отметить, что достаточное количество респондентов заявляет, что редко сталкивается и с информативной, и с социальной, и с имиджевой, и с политической видами рекламы. Если учесть, что мы пришли к выводу, что буквально каждый молодой человек сталкивается с рекламой постоянно, то можно сделать вывод, что многие молодые люди не поддаются агрессивному воздействию рекламных «атак», а могут ее игнорировать и оставлять вне поля зрения.

Следующий вопрос касался предпочтений респондентов: «Какая именно реклама больше привлекает внимание молодых людей?» (рис. 2).

**Рис. 2. «Какая реклама больше привлекает Ваше внимание», %
(допускалось несколько вариантов ответов)**

Лидирующее положение занимают информативная (57,6 %) и социальная реклама (56,8 %). Можно сделать вывод, что молодое поколение интересуется новыми возможностями, а также не оставляет без внимания благотворительность и общественно-полезные ценности, работающие в интересах государства. Это может свидетельствовать в пользу активной гражданской позиции у студенческой молодежи [7].

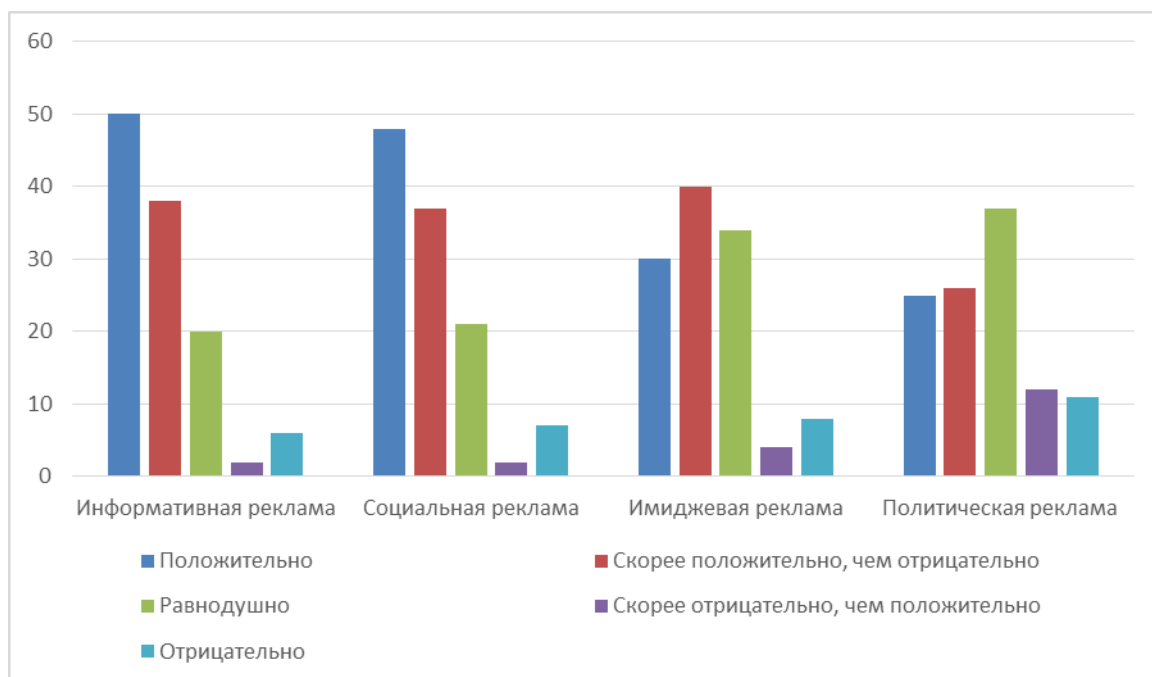

Рис. 3. Ваше отношение к рекламе, %

Респонденты не проявляют явно негативного отношения ни к какому виду рекламного продукта, но информативная реклама и социальная реклама снова занимают в предпочтениях студентов лидирующие позиции, что подтверждает стремление молодых людей к свободе выбора в сфере потребления и демонстрирует общую социально ориентированную направленность мышления молодого поколения.

Однако явно выраженный интерес к информативной рекламе можно рассматривать и с других позиций. Молодость – это важный период для самоутверждения и не всем удастся выделиться за счет достижений или лидерских качеств. Часто среди студентов формируется привычка к демонстративному потреблению и именно это становится процессом утверждения личности.

Рассматривая эти две противоположные точки зрения можно сделать вывод, что реклама все же стимулирует активное формирование потребительской социализации. С одной стороны, непосредственное влияние информативной рекламы не приводит к дисфункциональным последствиям из-за ограниченности финансов у студенческой молодежи, однако негативное влияние можно рассмотреть если молодой человек в силу несформированности ценностных ориентаций выбирает модель «ускоренного» потребления (необдуманного, импульсивного, несдержанного). Это создает условия деформации ценностных установок молодого поколения.

Назревает вопрос, а запоминают ли увиденную рекламу молодые люди? (рис. 4).

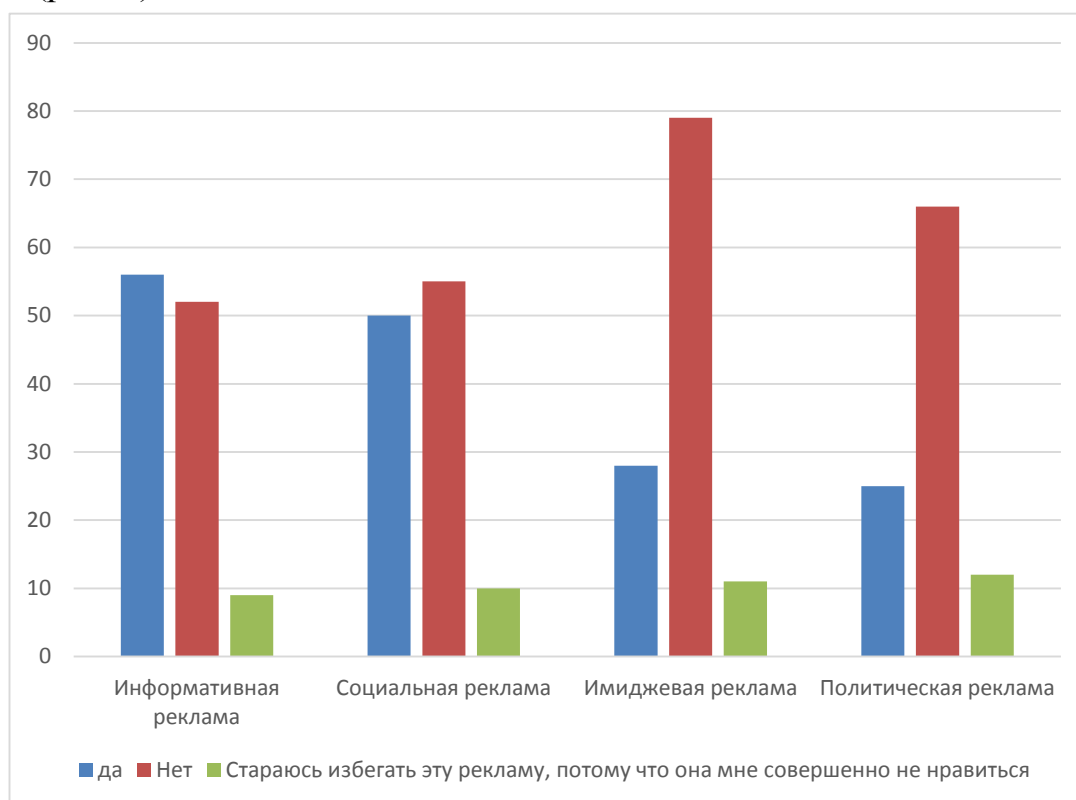

Рис. 4. Запоминается ли Вам увиденная/услышанная реклама, %

Исследование показывают, что информативная и социальная реклама запоминается и не запоминается одинаково часто. Это говорит о том, что молодые люди выбирают то, что им нравится и запоминают то, что им нужно или интересно. Меньшее количество респондентов указали, что запоминают имиджевую (28 %) и политическую (25 %) рекламу и при этом ответили на вопрос отрицательно – 79 % и 66 % соответственно. Это говорит о том, что брендинг и политика не являются сферой интересов студенческой молодежи, что актуализирует вопрос о развитии социально-политической активности этой социальной группы.

В данном исследовании четко прослеживается равнодушное отношение к рекламе. Респонденты выбирают на что обращать внимание. Следующий рисунок демонстрирует, что студенты считают рекламу необходимым элементом СМИ (рис. 5).

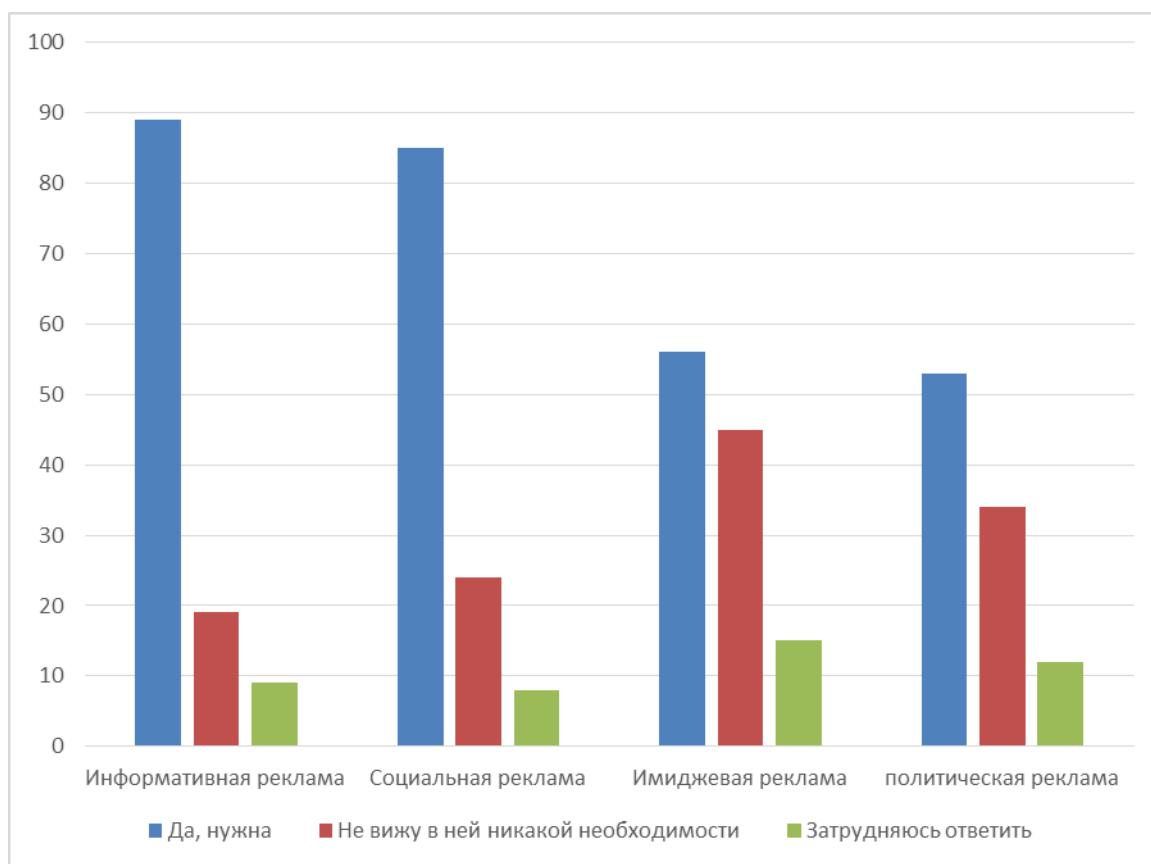

Рис. 5. Необходимость рекламы, %.

Среди основных видов рекламы респонденты отметили необходимость информационной (89 %) и социальной рекламы (85 %). Имиджевая (56 %) и политическая (53 %) реклама уступают, но результаты говорят о том, что молодые люди считают необходимым условием присутствие информации о всех сферах жизни социума.

Данные исследования отражают общую ориентированность на коммерческую рекламу, но интерес к социальной рекламе также четко прослеживается у молодого поколения. Стоит отметить, что для современного студенческого поколения некоммерческая (социальная, имиджевая, политическая) реклама должна являться демонстративным материалом для формирования идей, убеждений, принципов, ценностных ориентаций, примером социального взаимодействия. Эта реклама помогает избавиться от стереотипного мышления, формирует образцы доверия, поддерживает направление государственной политики и т.д.

Рисунок 6 демонстрирует наиболее важные, на взгляд молодежи, функции именно некоммерческой рекламы.

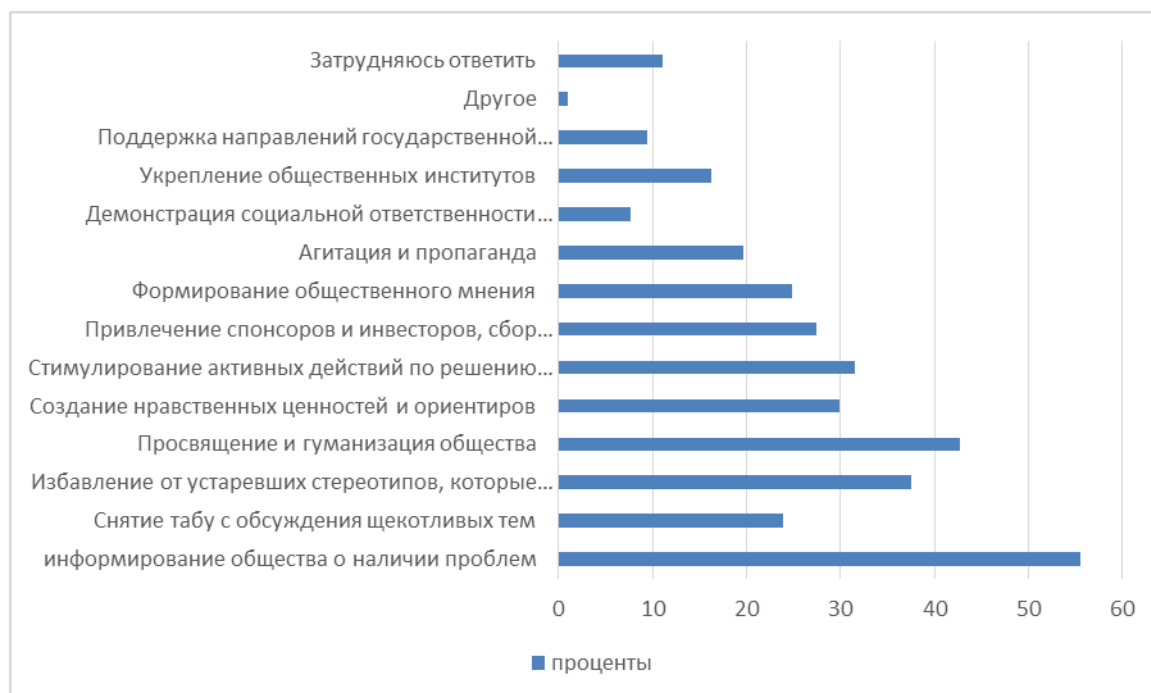

Рис. 6. Наиболее важные функции некоммерческой (социальной, имиджевой, политической) рекламы, % (допускалось несколько вариантов ответов)

По мнению респондентов, некоммерческая реклама несет в себе достаточно широкий функционал. В первую очередь она направляет свои возможности на просвещение, гуманизацию и информирование общества. Важным для молодежи является проблема стереотипов, табу, стимулирование активности, формирование общественных взглядов, мнения. То есть, по мнению этого поколения если не прямое, то косвенное влияние реклама будет и должна оказывать на формирование их мировоззрения [8].

Мировоззрение — это определенный взгляд на жизнь, это важная часть человеческого сознания. Это сложное взаимодействие множества элементов таких как мысли, чувства, знания, мнения, настроения, стремле-

ния, надежды и т.д. Все это основа понимания и принятия себя и окружающего мира. Что же думают наши респонденты, меняются ли их ценности под воздействием рекламы. На рисунке 7 это представлено наглядно.

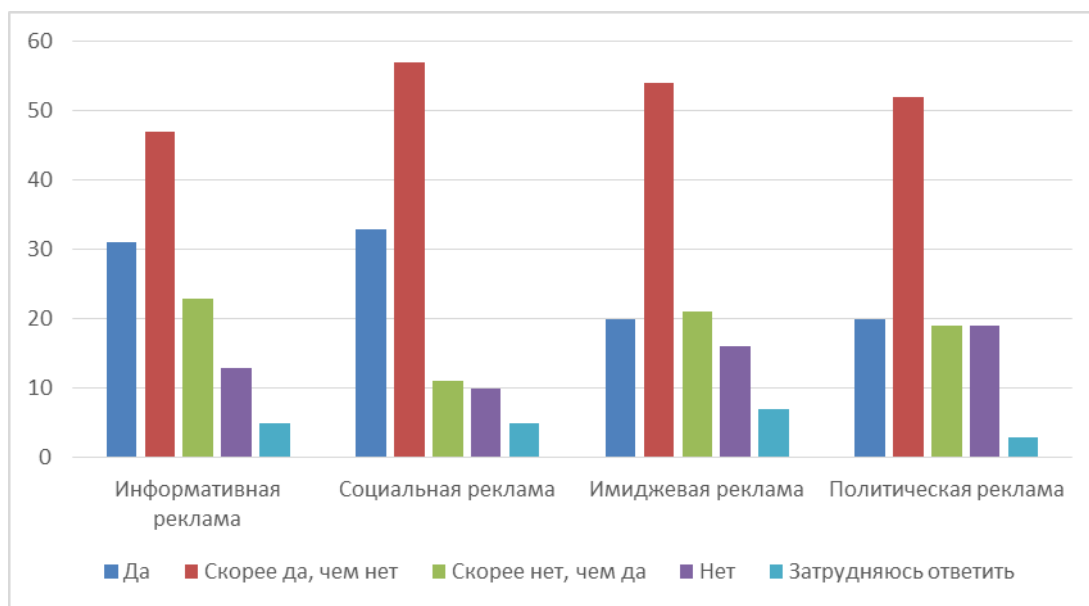

Рис. 7. Изменение ценностей, убеждений, мнения и оценки человека под воздействием рекламы, %

Большая часть опрошенных молодых людей замечают, что реклама оказывает влияние на их убеждения, ценности, оценки и т.д. Следовательно, реклама прямым образом влияет на формирование стиля жизни студенческой молодежи. Из этого следует, что рекламодатели и рекламопроизводители обязаны учитывать не только коммерческую функцию в своем контенте, но и нести развивающую, формирующую этические, эстетические и моральные принципы и ценности, определяющие поведение молодежи в общественной и частной жизнедеятельности.

Формированию каких ценностей способствует рекламный контент наглядно видно в таблице 2.

Таблица 2
Воздействие рекламы на формирование ценностных ориентаций личности
(допускается несколько вариантов ответа)

Варианты ответов	Процент
Образованность	39,0
Здоровье	39,0
Творчество	36,4
Свобода	35,6
Независимость	27,1
Богатство	26,3

Окончание табл. 2

Варианты ответов	Процент
Любовь	15,3
Привязанность к алкоголю и наркотическим веществам	10,2
Нарушение законов	9,3
Семья	1,7
Расточительство	0,8
Ничего	2,4
Не знаю	5,7

Примечание: сумма по столбцам превышает 100,0. т. к. при ответе на данный вопрос анкеты респонденты могли выбрать более одного варианта ответа

«Образованность», «творчество», «здоровье» и «свобода», эти понятия несет в себе современная реклама, по мнению молодых людей. Это положительные ориентиры, которые способствуют формированию здорового и сильного поколения. Данные ценностные ориентации формирует реклама по мнению более трети респондентов. Каждый четвертый респондент считает, что реклама формирует такие ценности как независимость и богатство (27,1 % и 26,3 % соответственно). Однако, как видно из опроса понятие семейственности (семьи), молодым поколением остается незамеченным (1,7 %). А семья является одним из важнейших институтов современного общества, так как именно семья поддерживает состояние стабильности в обществе.

Рисунок 8 демонстрирует распределение вариантов ответа на вопрос о совпадении в жизни и увиденных в рекламных роликах событиях. Человеческий мозг, отражая окружающую действительность, не делает различий между реальным и виртуальным и поэтому очень легко наше сознание попадает в «ловушку» искусственного мира (медиареальности). Непосвященному человеку возможности рекламного воздействия практически не известны, все что мы воспринимаем с экранов, баннеров, через гаджеты и т.д. фиксируется в нашем сознании как реально произошедшие с нами события, как наш жизненный опыт [9]. Это обусловлено также способностью рекламы выражать и предвосхищать социальные потребности, а также тем, что реклама продукт политического, экономического и идеологического выбора элиты. Создается мир «реальней самой реальности», СМИ зачастую становятся даже не творцом событий, а единственным инструментом его познания.

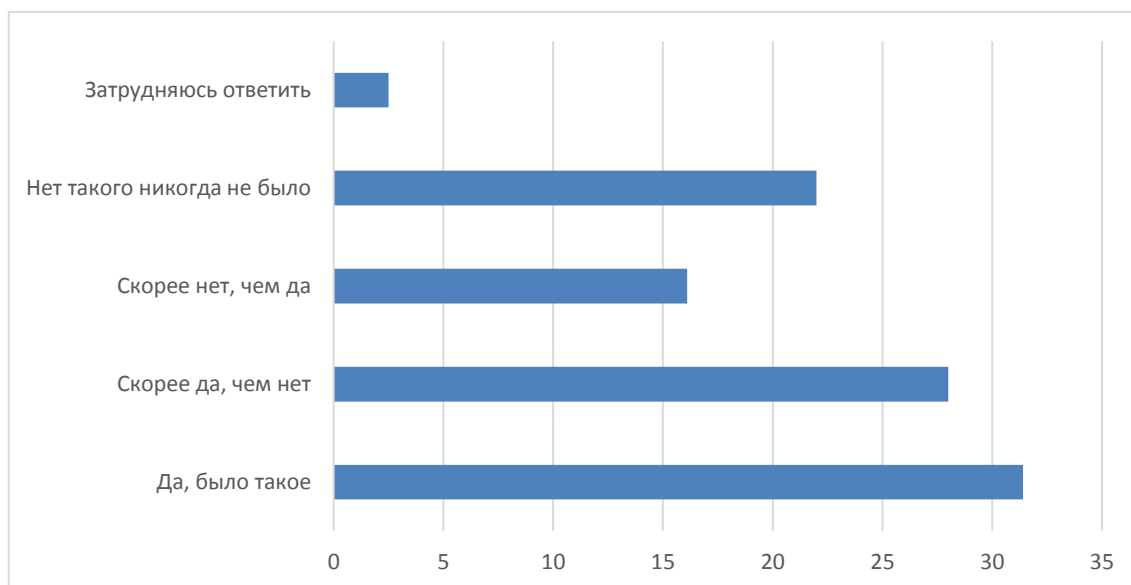

Рис. 8. «Бывало ли такое в Вашей жизни, что в определенно сложившейся ситуации, в Вашей памяти появлялась ранее увиденная реклама, с похожим разворотом событий?», %.

Большая часть опрошенных респондентов ответили утвердительно (31,4 %) и скорее да, чем нет (28 %). Вместе они составляют половину опрошенных молодых людей. Прямое воздействие рекламы на поведение и убеждение еще раз подтверждается.

Психологическое воздействие рекламы на личность нельзя недооценивать. Несомненно, есть такие молодые люди, которые считают, что на них влияния реклама никакого не имеет, многие считают себя знатоками рекламы, однако большая часть людей выбирает в магазине чаще тот продукт, который знаком (его видели неоднократно в рекламе) [10]. Основными методами, оказывающими влияние на психику человека, как на сознательном, так и на бессознательном уровне являются: метод убеждения, метод побуждения, метод внушения, метод гипноза, метод нейролингвистического программирования и т.д. [11]. Таким методам сложно противостоять, даже человеку, имеющему глубокие знания в этой области. Каким образом обстоит вопрос с изменением оценочных позиций относительно себя? Ведь многие рекламные ролики демонстрируют нам абстрактные понятия успешности, идеальности, благополучия и далеко не все представители молодого поколения могут соответствовать «экранному» успеху. Меняет ли реклама мнение о себе? (рис.9)

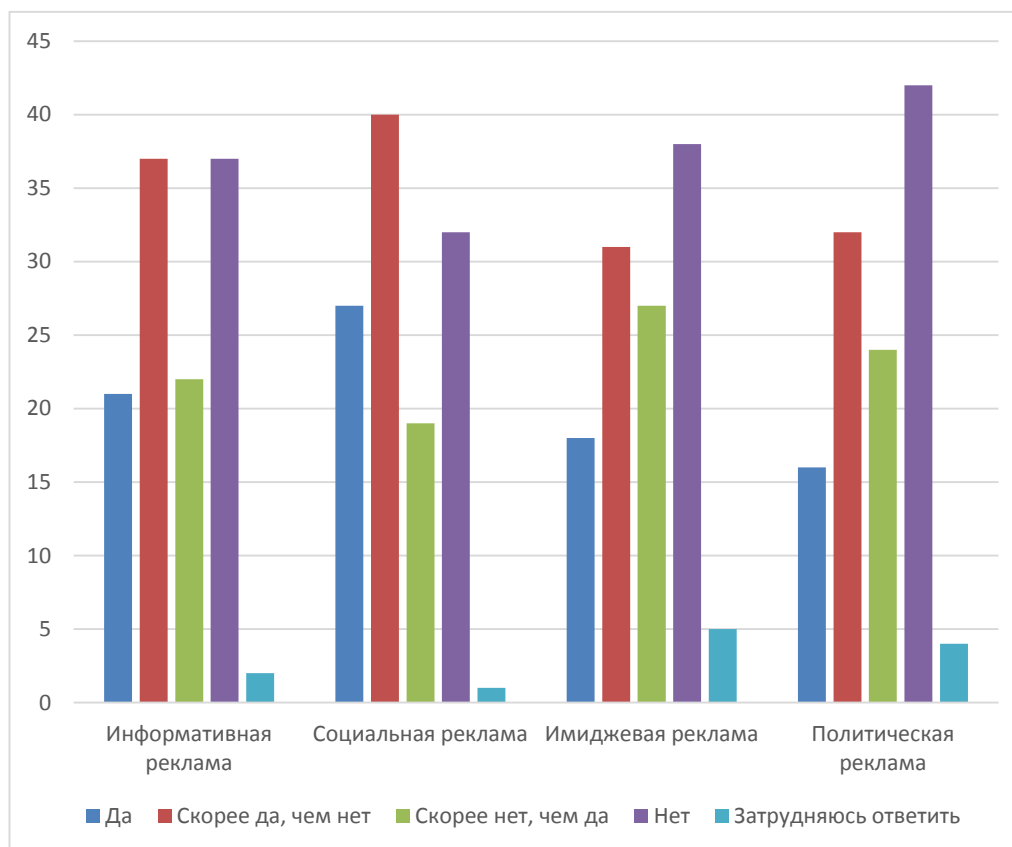

Рис. 9. Динамика отношения к себе и окружающим под воздействием рекламы, %

В данном измерении респонденты разделились на две группы, одна половина утверждает, что на их отношение к себе и окружению реклама не повлияла, а другая, наоборот, замечает влияние рекламы. Можно предположить, что первая половина не чувствует прямого влияния на себя, но они не могут избежать косвенного воздействия. Вторая половина респондентов воспринимает рекламу как источник информации, помогающий определиться с формой поведения в различных ситуациях, выбрать социально-одобряемый образ или стиль жизни. И прямое и косвенное влияние психологических механизмов рекламы будет иметь влияние на мировоззренческие позиции студенческой молодежи [12].

Какие характеристики, максимально значимы из влияющих на мировоззрение личности? Следующий рисунок демонстрирует мнение студентов на этот счет (рис.10).

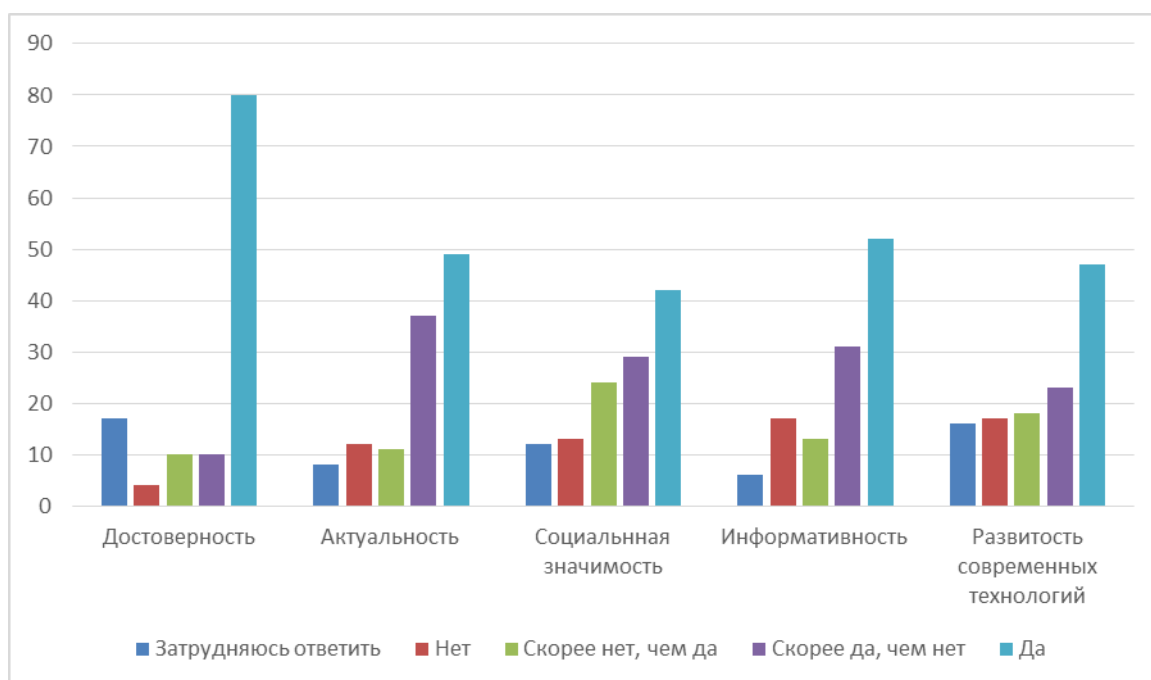

Рис. 10. Наиболее значимые характеристики рекламного контента, влияющие на мировоззрение личности, %

Достоверность рекламы является определяющим фактором того, как воспримется реклама адресатом по мнению 80 % опрошенных респондентов. Большое значение на восприятие имеет технологичность, информативность, актуальность и значимость в социуме. Это все характеристики, определяющие качество контента. Молодое поколение не бездумно потребляет информацию, оно выбирает и делает это осознанно.

В заключении исследования респондентам был задан вопрос: «Побуждает ли реклама их к действиям» (рис. 11.)

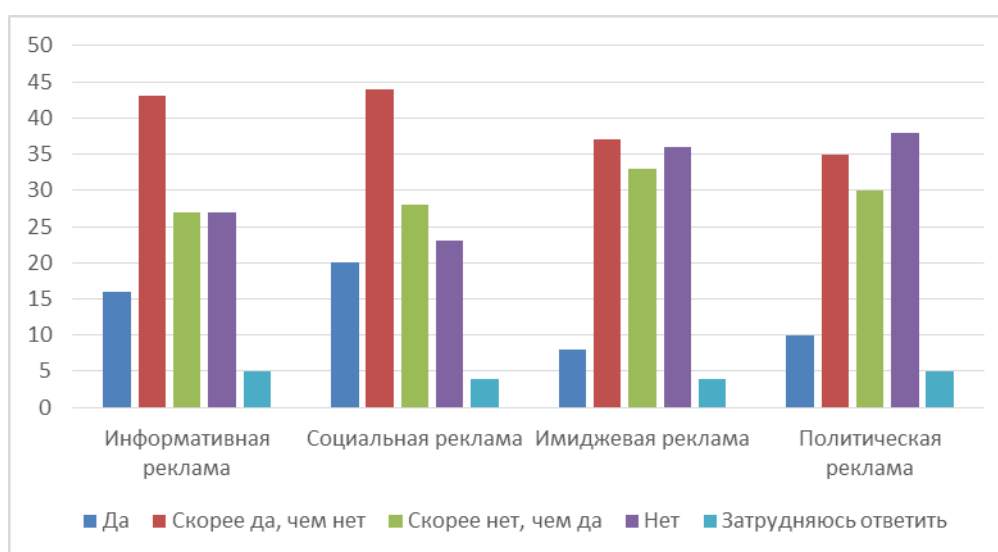

Рис. 11. Мотивация рекламы к деятельности, %

Информативная и социальная реклама несколько опережают имиджевую и политическую, но все виды рекламы выполняют свою миссию в полном объеме. Реклама воодушевляет, создает сильную мотивацию, формирует потребности, заставляет искать средства, способствующие удовлетворению этих потребностей.

Таким образом реклама один из основных источников формирования ценностных ориентаций для студенческой молодежи, тем самым она приобретает большое значение в жизнедеятельности молодежи и общества в целом. И если реклама взяла на себя социетальную функцию, то у современного общества есть возможность транслировать с ее помощью ценности здоровья, семьи, духовности, нравственности, культуры, все, что является основой продуктивного развития общества и социокультурных норм.

Список литературы

1. Балина О.Г., Саурбаева А.Р. Реклама в массмедиа как фактор влияния на ценностные установки современной молодежи // Современное педагогическое образование: императивы, трансформации, векторы развития. 2021. С. 72-77.
2. Толмачева С.В. Роль рекламы в формировании ценностных ориентаций молодежи г. Тюмени // Фундаментальные исследования. 2013. № 11-4. С. 810-814.
3. Меркулов П.А., Алексеенок А.А., Леонова О.В., Михалев И.В. Молодежь региона в 2020-2021 гг. Научное издание. Информационно-социологический бюллетень. / Орел, 2021.
4. Горшков М.К., Шереги Ф.Э. Молодежь России в зеркале социологии: к итогам многолетних исследований. Москва, 2020.
5. Алексеенок А.А., Ряжская Т.В., Нилаева К.С., Цуканов Я.А. Информационный бюллетень социологической лаборатории. Орел, 2021. Том Выпуск 12. Возможность применения информационных технологий для исследования актуальных проблем современности. Результаты пилотажных социологических исследований, проведенных в социологической лаборатории апрель-май 2021г.
6. Буга А.В., Кудряшов В. С. Основные понятия рекламной деятельности в организации // *JuvenisScientia*. 2018. № 8. С. 9-12.
7. Федеральный закон № 38-ФЗ «О рекламе» от 13 марта 2006 года. URL: <http://www.consultant.ru/popular/advert/> (дата обращения 25.05.2022).
8. Король А.Н. Корпоративная (имиджевая) реклама как коммуникационный инструмент формирования имиджа и деловой репутации компании // Вестник Хабаровского государственного университета экономики и права. 2017. № 4-5. С. 92-104.
9. Меркулов П.А., Каира Ю.В., Михалев И.В. Трансформация социальной структуры населения региона: состояние, тенденции, влияние на уровень социальной напряженности (на материалах Орловской области). Научная монография / Орел, 2021.

10. Развитие гражданского общества в регионах России / И. А. Батанина, А. А. Лаврикова, О. Е. Шумилова [и др.] ; Под общей редакцией И.А. Батаниной. – Тула : Тульский государственный университет, 2019. 253 с.

11. Алексеенок А.А., Каира Ю.В. Основные направления повышения политической активности населения // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2018. Вып. 3. С. 53-60.

12. Лыгина Н.И., Пьянова Н.В., Алекса Е.А. Психологическое воздействие рекламы на потребителей // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. 2020. № 3 (123) С.117-120

Каира Юрий Владимирович, канд. социол.наук доц., kaira_r@rambler.ru, Россия, Орел, Российская академия народного хозяйства и государственной службы.

Михалев Игорь Васильевич, канд. социол. наук доц., eforags@mail.ru, Россия, Орел, Российская академия народного хозяйства и государственной службы.

Путилина Юлия Юрьевна, старший преподаватель, yulia.putilina2011@yandex.ru, Россия, Орел, Российская академия народного хозяйства и государственной службы.

THE INFLUENCE OF ADVERTISING ON THE FORMATION OF THE WORLDVIEW OF STUDENTS

Yu.V. Kaira., I.V. Mikhalev, Yu.Y.Putilina

The article examines the role of advertising in the formation of the worldviews of students. The materials are based on the results of an empirical sociological study conducted in the Orel region on this issue. The study analyzes which types, in which places and how often young people encounter advertising, which type of advertising content young people pay more attention to, examines the attitude to advertising, the psychological impact of advertising on the values, beliefs, self-esteem of young people, the most important functions of non-commercial (social, image, political) advertising, the dynamics of attitudes towards oneself and others under the influence of advertising. It is summarized that advertising has assumed a societal function and is one of the main sources of formation of value orientations for students.

Keywords: youth, advertising content, sociological research, informative advertising, social advertising, image advertising, political advertising, worldviews, value orientations.

Kaira Yuri Vladimirovich, candidate of sociological sciences, associate professor, kaira_r@rambler.ru, Russia, Orel, Russian Academy of National Economy and Public Administration.

Mikhalev Igor Vasilyevich, candidate of sociological sciences, associate professor, eforags@mail.ru, Russia, Orel, Russian Academy of National Economy and Public Administration,

Yulia Putilina, senior lecturer, yulia.putilina2011@yandex.ru, Russia, Orel, Russian Academy of National Economy and Public Administration.

К ВОПРОСУ О ФИЛОСОФСКИХ СПОРАХ ПО ПОВОДУ РОЛИ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ В РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ

Т.В. Погудина

Рассматривается интерпретация роли интеллигенции в российском обществе русскими религиозными философами. Особое внимание уделяется концепциям Г.П. Федотова и Ф.А. Степуна, основателей эмигрантского общественно-философского журнала «Новый град». Поскольку категория «интеллигенция» - понятие историческое, производится уточнение его содержания и тех смысловых изменений, которые оно претерпело. Новоградцы Г. П. Федотов и Ф.А. Степун (и не только они), убеждены, что русская интеллигенция - уникальное явление в культуре и истории России. Характеризуя интеллигенцию, эти философы акцентировали внимание на ее «беспочвенности», обусловленной особенностями русской истории со времен Петра I. Различие трактовок ими этой характеристики объясняются тем, что Ф.А. Степун, в отличие от Г.П. Федотова, полагает, что в России существует основание для формирования «беспочвенности» русской интеллигенции. Оба они считают, что в понятии беспочвенности соединяются антигосударственность, антинациональность и антирелигиозность интеллигенции.

Ключевые слова: интеллигенция, «мыслящие люди», «беспочвенность», идейность, неделовитость.

Тема, касающаяся содержания понятия «интеллигенция» и роли интеллигенции в истории России, отнюдь не нова. Ее обсуждение идет с тех пор, как в структуре российского общества в определенный исторический период, (традиционно точкой отсчета считают петровские времена), появилась такая структурная единица социума как интеллигенция. Понятие «интеллигенция» - историческое. Именно поэтому мы начнем с выяснения его содержания и тех смысловых изменений, которые оно претерпело. Как известно, введение этого термина, получившего широкое употребление в 70-е годы XIX века в российских философских и литературных кругах, приписывается писателю и журналисту П.Д. Боборыкину. Он предложил называть интеллигенцией творческие группы людей умственного труда, гражданский и нравственный долг которых перед народом заключается в стремлении приобщить его к достижениям мировой и отечественной культуры. Это «мыслящие люди», выступающие в роли обличителей, существовавших в то время несправедливых порядков и сословий - дворян, чиновничества, купцов.

Социолог, экономист, историк, сторонник так называемого «легального марксизма» М.И. Туган-Барановский, в отличие от П.Д. Боборыкина, понятием «интеллигенция» обозначал не представителей умственного труда в целом, а преимущественно людей определенного социального мировоззрения и морального облика. В советский период понятие «интеллигенция» использовалось чаще всего для характеристики представителей умственного труда, хотя и традиционное для России ее понимание сохранялось. «Канонической» трактовки данного понятия не сложилось. Г.П. Федотов отмечает: «каждое поколение интеллигенции определяло себя по-своему, отрекаясь от своих предков и начиная – на десять лет – новую эру» [1, с. 68]. При этом он парадоксально заявляет, что самосознание русской интеллигенции являлось ее непрерывным саморазрушением.

Некоторые авторы, например, русский историк и публицист П.Н. Милюков, считали, что термин «интеллигенция» может быть применен и к западному обществу. При этом они обычно ссылаются на К. Каутского, немецкого экономиста, философа, историка и публициста, который в своих работах «Франц Меринг», «Новое время», «Интеллигенция и пролетариат» рассматривал интеллигенцию как особый класс, новое явление, обусловленное развитием капиталистического хозяйства. По мнению К. Каутского, данный класс отличается от всяких других более широким духовным горизонтом, развитой способностью к отвлеченному мышлению и отсутствием общих классовых интересов, что дает ему возможность подняться над собственной сословной ограниченностью, ощущать себя чуждым сиюминутным интересам корпоративного эгоизма, представляя интересы общества в целом. Но при этом обычного интеллигента как представителя соответствующего класса он считал противостоящим пролетариату и находящимся с ним в отношениях антагонизма, хотя и не экономического характера. Жизненное положение интеллигента, условия его труда создают определенный антагонизм с пролетариатом в умственном настрое и мышлении [2].

Мысль о том, что и на Западе, под влиянием естественного хода развития социальных отношений, оформляется «интеллигенция», напоминающая своими чертами нашу национальную, высказывал в ряде своих работ П.Н. Милюков. Он полагал, что интеллигенция не есть явление специфически русское, она формируется и в других странах в качестве отдельной общественной группы. Ее возникновение связано с ростом культуры, усложнением общественных задач, совершенствованием государственного механизма и демократизацией управления обществом. В качестве примера он приводил Германию и Францию, где появление особого класса, стоящего вне сословий и занятого профессиональным умственным трудом, ведет к образованию интеллигентского пролетариата с его положительными и отрицательными сторонами [3]. Новоградцы же, как и многие другие авто-

ры (включая зарубежных), с этим не соглашались, заявляя, что русская интеллигенция – это «неповторимое» явление истории [4].

Достаточно полное и разностороннее исследование проблем, связанных с интеллигенцией, представлено в статьях русских философов, опубликованных в начале XX столетия в сборнике «Вехи». В них акцентируется космополитизм русской интеллигенции (С.Н. Булгаков), ее безрелигиозность и атеизм (П.В. Струве), эгоизм и безликость (М.О. Гершензон), кружковая замкнутость и «отщепенство» (Н.А. Бердяев), пренебрежительное отношение к праву (Б.А. Кистяковский) и т.п. П.Н. Милюков отличительной чертой интеллигенции считал «превращение конкретного и частного в отвлеченное и общее». Он не принимает того, что «веховцы», как и прежние интеллигенты, усердно разыскивают «вину» и «грех» интеллигенции, призывают ее к старому и давно ей знакомому занятию: «покаянию, самообличению» [5]. Действительно, это последнее очень характерно для интеллигенции и не только для «веховцев». Достаточно вспомнить, как много интеллигенция говорила о покаянии в 90-е годы XX столетия. Российский интеллигент привык всегда каяться, используя известный поэтический образ, «за все, в чем был и не был виноват». В то время речь шла прежде всего о призыве к покаянию за советское прошлое, и особенно за сталинский период.

П.Н. Милюков указывал на «методологическую ошибку» «веховцев». Суть этой ошибки заключается в «моральном вменении факта» вместо его «теоретического объяснения», в стремлении «подчинить вере жизнь». Приращение разумного начала, о чем писал В.С. Соловьев, вообще свойственно русским. Критикуя Н.А. Бердяева за «философию вины» и «философию обиды», П.Н. Милюков находит в ней повторение мысли народника Н.К. Михайловского, делящего духовные болезни на болезни «совести» и болезни «чести» [6].

Выше было сказано, что в основе нашего понимания интеллигенции и ее роли в жизни российского общества заложены идеи двух русских философов и публицистов - Ф.А. Степуна и Г.П. Федотова, имеющие важное значение для современности. Интерес к ним не просто исторический, он объясняется актуальностью высказанных ими положений. К тому же знание прошлого помогает понимать исторические закономерности, действующие и поныне. «Сегодняшние социальные и политические движения, порой определяющие судьбу народа, не повторяя буквально, тем не менее «рифмуются» с событиями и явлениями, отстоящими на семьдесят и более лет» [1, с. 102]. Этот вывод представляется значимым спустя столетие.

Для подтверждения этой мысли обратимся к определению интеллигенции, предложенному Г.П. Федотовым в статье «Трагедия интеллигенции»: «русская интеллигенция есть группа, движение, традиция, объединяемые идейностью своих задач и беспочвенностью своих идей» [1, с. 71-72]. Данное определение, как пишет философ, требует некоторых уточнений,

позволяющих более глубоко проникнуть в его смысл. Первое уточнение связывается с такой важной характеристикой интеллигенции как идейность, которую Г.П. Федотов рассматривает в качестве особого вида этически окрашенного рационализма, синтезирующего понятия «правда-истина» и «правда-справедливость» (термины Н.К. Михайловского). Отличительной чертой этого рационализма является то, что на основе готовой системы «истин» строится идеал личного и политического поведения. Идейность для интеллигенции замещает религию, от которой она заимствует догмат, понимаемый рационалистически, и святость, трактуемую этически. «Догмат определяет характер поведения (святости), но сама святость сообщает системе «истин» характер догмата, освещая ее, придавая ей неприкосновенность и неподвижность. Такая система обыкновенно не способна развиваться» [1, с. 70]. Второй характеристикой интеллигенции, согласно Г.П. Федотову, выступает «беспочвенность» как следствие идейности, проявляющаяся в отрыве от народного быта, национальной культуры и религии, от государства, различных социальных и духовных образований. Таким образом, в понятии беспочвенности соединяются антигосударственность, антинациональность и антирелигиозность интеллигенции. Мыслителей же, укорененных в русскую народную почву и историческую традицию, нельзя причислять к таковым. Нельзя рассматривать интеллигенцию только как категорию профессиональную, включающую людей умственного труда (учителей, ветеринаров, профессоров).

Далее Г.П. Федотов поясняет собственную позицию, согласно которой интеллигенция полагается как сугубо русский феномен, и уточняет, почему он дает ей характеристику «беспочвенности». При Петре I начался раскол России на две части, два общества, дворянство и народ, которые перестали понимать друг друга. Именно при Петре I формируются не только государственники и строители русского самодержавия (что потом выразилось в уваровской триаде: православие, самодержавие, народность), но и просветители-западники, ратовавшие за западные культурные модели, что приводило их к отрыву от национальной почвы (на эту особенность в области отечественной философии указывал и русский философ Г.Г. Шпет). Особенно это касалось либералов-западников, которых резко критиковал поэт Ф. Тютчев: «Напрасный труд – нет, их не вразумишь, / чем либеральней, тем они пошлее/ Цивилизация для них фетиш, / но не доступна им ее идея». Актуальность многих его строк сохраняется и по сей день: «Как перед ней не гнить, господа, / Вам не снискать признание Европы, / В ее глазах вы будете всегда/ Не слуги просвещения, а холопы» [7, с. 252].

Для более глубокого понимания взглядов Г.П. Федотова необходимо сделать короткое отступление сравнить их с отношением к интеллигенции В.И. Ленина. В письмах М. Горькому В.И. Ленин представляет ее выразителем буржуазного духа, поскольку она «ничего не поняла, ничему не

научилась и повторяет старые предрассудки». Подчеркнем, таковую оценку В.И. Ленин дает не всей интеллигенции, но только ее определенной части, связанной с кадетами. В.И. Ленин относился нейтрально, а иногда и уважительно к той группе интеллигенции, которая не противостояла народу, а служила и помогала ему, образовывала его, обращая внимание на необходимость привлечения ее к созидательной работе, приводил в пример тех, кто участвовал в этой деятельности и служил в Красной Армии [8]. Понимание В.И. Лениным интеллигенции как людей умственной деятельности, по сути, социально-политическое. Укорененность в национальную почву и религиозность - важные для Г.П. Федотова качества - оцениваются В.И. Лениным скорее отрицательно, чем положительно. Параллельно отметим, что нелестную характеристику интеллигенции давал и поэт А. Блок. В статье «Интеллигенция и революция» он писал: «Русской интеллигенции - точно медведь на ухо наступил: мелкие страхи, мелкие словечки. Не стыдно ли издеваться над безграмотностью каких-нибудь объявлений или писем, которые писаны доброй, но неуклюжей рукой? Не стыдно ли гордо отмалчиваться на «дурацкие» вопросы? Не стыдно ли прекрасное слово «товарищ» произносить в кавычках... Этим можно только озлобить человека и разбудить в нем зверя». И еще: «Надменное политиканство – великий грех. Чем больше будет гордиться и ехидствовать интеллигенция, тем страшнее и кровавее может стать кругом» [9, с. 21, с. 26].

Г.П. Федотов допускает возможность возрождения новой интеллигенции, но для этого церковной России следует усвоить идеи Петра I и форму его государственности, а революционной России приобщиться к православной культуре. Тогда «народ пойдет путем интеллигенции», «через Толстого в Церковь». Мы знаем, что этого не произошло, а в советский период к интеллигенции стали относить работников умственного труда и культуры, рассматривая ее как носителя особых духовных и моральных качеств.

С тем, что интеллигенция является не столько социально-экономической, сколько социально-этической категорией, соглашается и Ф.А. Степун, разделявший определение интеллигенции Г.П. Федотова лишь частично. Более же близким для себя он считает определение, предложенное историком русской литературы П.В. Анненковым, который рассматривает интеллигенцию как некий воюющий орден, не имеющий никакого письменного устава, при этом знающий всех своих членов, рассеянных по «пространной земле нашей», и противостоящий всему течению современной ему жизни, «мешая ей вполне разгуляться». Интеллигенция представляет собой совершенно особое структурное образование, которое объединяет в себе людей всех сословий и классов, и она характеризуется принципиальной оппозиционностью по отношению к власти и желанием осчастливить человечество придуманными системами. Этот «орден» играл

и играет в социально-политической жизни России решающую роль, причем как положительную, так и отрицательную. Тем не менее, Ф.А. Степун, как и П.Н. Милюков, в отличие от «веховцев», не склонен связывать все несчастья России только с интеллигенцией, хотя нередко называет ее «частично пустогрудно-безбожной, частично же злостно-супостатной». Комментируя понимание интеллигенции, предложенное Г.П. Федотовым, он соглашается с тем, что идейность является ее важной характеристикой. Не отрицая религиозной окрашенности интеллигентской идеи, он выступает против использования христианских понятий для характеристики идейности интеллигенции, поскольку христианская вера здесь подменяется верой в абсолютную спасительность навеянных Западом социальных учений, под влиянием которых русская интеллигенция, как явление общественно-политической жизни и национального сознания, окончательно сформировалось в первой половине XIX века.

Характеристика интеллигенции как «беспочвенной» вызывает у него категорические возражения. Если бы для беспочвенных идей в России не было почвы, они не могли бы возникнуть и оказывать влияние на общество. Поэтому «отрыв» интеллигенции от национально-религиозных корней не следует рассматривать как явление «антинациональное и безрелигиозное». Согласно Ф.А. Степуну, в России для беспочвенности существует почва: «беспочвенность в России – почва». Следовательно, русская интеллигенция – явление почвенное, важно только понять, что выступает почвой для этой «беспочвенности». Действительно, могут ли беспочвенные идеи дать те всходы, которые они дали, задается вопросом Ф.А. Степун. Более того, он полагает, что они не могли бы воспроизводиться время от времени, как это не раз происходило в России. Особенно это касается западных идей. Атеизм и космополитизм, на которые указывают многие мыслители при характеристике интеллигенции, и которые, по мнению Ф.А. Степуна, после октябрьской революции выродились в «злостный и воинствующий интернационализм», представляют собою «кость от кости и плоть от плоти» явления русской духовной жизни. История русской интеллигенции показывает, как в России шел процесс «раскрещивания» общественного сознания, но не его обезбожения.

Западническое «отрицание Руси, начатое Петром и законченное Лениным, - пишет Ф.А. Степун, - явление Западу неизвестное, явление типично русское» [10, с. 29]. Поэтому и «дети петровских реформ», русская интеллигенция оторвана от национальных корней отнюдь не более, чем явление Петра I и облик Петербурга. Более того, Ф.А. Степун трактует западничество как интеллигентское преломление народного бродяжничества. Отсюда следует вывод, что «отрыв» западнически настроенной части интеллигенции от России антинационален лишь как отрыв от России, но он в то же время и национален, как «отрыв от корней». Именно в понимании этого парадокса кроется, по мнению философа, разрешение вопроса о

почве и беспочвенности русской интеллигенции. Рассуждения Ф.А. Степуна о беспочвенности представляются оригинальными и важными для понимания многих явлений российской жизни, в том числе и склонности россиян к постоянному некритическому заимствованию западных идей. Вполне возможно, что и «всечеловечность» (Ф.М. Достоевский), как безграничная пластичность русской души, есть также результат этой беспочвенности. Все это и выступает «почвой» для этой беспочвенности, считает Ф.А. Степун.

Г.П. Федотов «беспочвенность» интеллигенции иногда отождествлял с «неделовитостью», считая, что деловитость и интеллигенция несовместимы. Ф.А. Степун в определенной степени с этим соглашается, хотя и считает, что «неделовитость» не следует выводить из идейности и беспочвенности интеллигенции. Он, как и авторы «Вех», и П.Н. Милюков, полагает, что интеллигенция занимала в обществе ненормальное положение, так как была отстранена от участия в общественных делах своей страны. Отчасти вину за это он возлагает на царский режим, лишивший интеллигенцию дела, и воспитавший в ней ощущение, что всякое громкое слово уже есть настоящее дело. Отсюда следует, что не достигающая жизни политика, превращается в политиканство, распространяющееся на все стороны и вопросы общественной жизни. Поэтому Г.Н. Федотов иногда вместо «беспочвенности» употребляет в характеристике интеллигенции понятие «неделовитость».

Революционное движение в России никогда не было «низовым», чисто народным явлением. И русская революционная интеллигенция никогда не была, и поныне не стала точной исполнительницей воли народных масс, прежде всего потому, что она была европеизированной частью русского общества, ориентированного на Запад. «Оттого и мышление, и образ действий «ордена» оставались чуждыми и подозрительными для народных масс» [10, с. 15]. «Интеллигентское» революционное движение всегда было не столько восхождением народной нужды к идее свободы, сколько нисхождением идеи свободы к народной нужде. Ф.А. Степун считал, что для понимания роли русской интеллигенции в революции следует более внимательно присмотреться к спору западников и славянофилов. Доказательством тому является раскол интеллигенции на два лагеря – славянофилов и западников. По его мнению, и первые и вторые впадают в ошибку разрыва «правды истины» и «правды справедливости». Славянофильское утверждение России тождественно духовному и бытовому патриотизму западных народов. Славянофилы оставались невосприимчивыми к идеям общественно-политической свободы, а западники – к религии и Церкви. Как полагает Ф.А. Степун, если бы славянофилы поняли, что пафос общественно-политического служения свободе, который был задушен в насильничестве французской революции, в России непогасим, а западники бы поняли, что удушение свободы во французской революции есть

следствие ее отрыва от религиозных корней, то в России вместо двух враждебных лагерей, вероятно и создалась бы единая партия защитников религиозной свободы во всех ее формах, в том числе и в политической. Решающей датой окончательного разрыва двух правд, и тем самым окончательного конституирования русской интеллигенции, Ф.А. Степун считает день убийства Александра II. Результат этого разрыва – вырождение обоих лагерей русской общественности. Свободолюбие славянофильства И.В. Киреевского вырождается в сановнически-реакционное славянофильство К.П. Победоносцева. Свободолюбие западника А.И. Герцена вырождается в лжерелигиозный героизм революционной интеллигенции.

Роль интеллигенции в русской революции оценивалась многими русскими философами крайне отрицательно. Акцентирование разрушительной роли интеллигенции стало общим местом: интеллигенция, и прежде всего радикальная, погубила Россию, так как бросилась спасать ее, не чувствуя ни религиозных, ни национальных ее корней, не понимая ее особых исторических задач и пути. Многие авторы считают, что на протяжении XIX-XX веков русская интеллигенция защищала не столько насущные интересы народа, сколько свои представления о них, а они очень часто не совпадали с его реальными интересами. Объясняется это, по мнению Г.П. Федотова и Ф.А. Степуна, прежде всего тем, что понимала она их через призму западноевропейских идеологий. Желание созидательной работы и практического преобразования общественной жизни на деле приводило к ее разрушению, к тому же чаще всего эта направленность проявлялась к положительному устройению не сегодняшнего, а завтрашнего дня, некоего «светлого» будущего, то коммунистического, то капиталистического. С отрывом интеллигенции от реальной низовой жизни связан и отрыв каждого ее нового поколения от предыдущего, для русской интеллигенции характерно расхождение детей и отцов. Неоднократно отмечая роль, которую в русской революции играла молодежь, Ф.А. Степун рассматривает этот «педократизм» как одно из характернейших проявлений «неделовитости», бездеятельности и разрушительности интеллигенции. Многие из того, что писали философы новгородцы, вполне применимо и к характеристике определенной части современной интеллигенции, в частности, к оценке той разрушительной роли, которую она в очередной раз сыграла в событиях 90-х годов XX столетия.

Список литературы

1. Федотов Г.П. Судьба и грехи России. Т. 1. СПб: Изд-во «София», 1991. 352 с.
2. Каутский К. Интеллигенция и пролетариат. Одесса: Изд-во «Демос», 1905. 48 с.

3. Милюков П.Н. Интеллигенция и историческая традиция // Вопросы философии. 1991. № 1. 191 с.
4. Р. Пайпс. Русская интеллигенция. Нью-Йорк: Изд-во Колумбийского ун-та, 1961. 234 с.
5. Кантор В.К. Историк русской культуры – прагматический политик (П.Н. Милюков против «Вех») // Вопросы философии, 1991. № 1. 191 с.
6. Милюков П.Н. Интеллигенция в России. Сб. статей. СПб.: Изд-во «Земля», 1910. 84 с.
7. Тютчев Ф.И. Стихотворения. М.: Изд-во «Художественная литература», 1986. 287 с.
8. Ленин В.И. Письма М. Горькому. Полное собр. соч. в 55 тт. Т. 51. М.: Изд-во политической литературы, 1970. 573 с.
9. Блок А.А. Собрание сочинений. В 8 тт. Т. 6. М.; Л.: Государственное изд-во художественной литературы, 1962. 556 с.
10. Степун Ф.А. Чаемая Россия. Портреты. СПб: Изд-во Русского Христианского гуманитарного института, 1999. 478 с.

Погудина Татьяна Васильевна, канд. филос. наук, доц., ms.itvp@mail.ru, Россия, Тула, Тульский государственный университет

*TO THE QUESTION OF DISPUTES OVER THE APPOINTMENT AND ROLE
OF INTELLIGENCE IN RUSSIAN SOCIETY*

T.V. Pogudina

The article is devoted to understanding the role of the intelligentsia in Russian society. Particular attention is paid to the Russian philosophers G.P. Fedotov and F.A. Stepun, who founded the émigré socio-philosophical journal Novy Grad. Since the concept of "intelligentsia" is a historical concept, the content of this concept and the semantic changes that it has undergone are clarified. Novogradtsy G.P. Fedotov and F.A. Stepun (and not only them) are convinced that the Russian intelligentsia is a unique historical phenomenon. Philosophers in the understanding of the intelligentsia focus on its "groundlessness", trying to explain this feature of Russian history since the time of Peter I. The differences in the interpretation of this characteristic are explained by the fact that Stepun, unlike Fedotov, believes that in Russia there is a basis for the formation of the "groundlessness" of the Russian intelligentsia. Both of them believe that the concept of groundlessness combines the anti-state, anti-nationality and anti-religiousness of the intelligentsia.

Keywords: intelligentsia, "thinking people", "groundlessness", idealism, indelicacy.

Pogudina Tatyana Vasiljevna, candidate of philosophical science, docent, ms.itvp@mail.ru, Russia, Tula, Tula State University.

ФИЛОСОФСКО-ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПОНЯТИЯ «НАЦИОНАЛИЗМ»

М.Л. Гельфонд, О.Н. Мищук

Проводится компаративный анализ различных теоретических моделей понимания исторических истоков, идеологических оснований и аксиологических критериев национального самосознания и институционально-государственного самоопределения этносов. В фокусе исследовательского интереса находится актуальный концепт национализма, представленный в современном общественном сознании множеством неоднозначных и неоднородных терминологических коннотаций (этническое сообщество, культурное тождество, шовинизм, ксенофобия, расизм и др.) и социальных практик. Рассматривается феномен бинарности оценочных характеристик национализма, его типологическое деление на «гражданский» и «этнический», обосновываются преимущества культуралистского подхода к установлению этнокультурной идентичности перед биологизаторским (генетическим), осмысливается соотношение национализма и интернационализма как идеологических платформ и политических программ. Используя методы философского, сравнительно-исторического и лингвокультурологического анализа, авторы предлагают и реализуют мультидисциплинарную стратегию исследования проблемы национальной идентичности посредством «концептуальной пирамиды». Обращаясь к содержанию программной статьи русского философа И.А. Ильина «О русском национализме», авторы показывают методологическое значение данного подхода к рассмотрению актуальных современных проблем, важных для осмысления специфики отечественной культуры, исторической судьбы и перспектив развития России как самобытного культурно-исторического типа, преодоления мифологем русской этнонационалистической угрозы, формирования консолидирующей российский народ национальной идеи.

Ключевые слова: культура, национальная идентичность, национализм, гражданский национализм, этнический национализм, интернационализм, шовинизм, дискриминация, ассимиляция, ксенофобия, ценности, язык.

В напряженной геополитической и социокультурной ситуации настоящего времени фактор национальной идентичности приобретает ключевое значение. Он одновременно выступает доминантой индивидуального мировоззрения, инструментом манипуляции общественным мнением и концептуальным ядром современного социально-философского дискурса. В этих условиях термин «национализм» неизбежно оказывается в фокусе не только научного интереса, но и политической риторики, провоцирующей у ораторов соблазн прибегнуть к софизмам и вызывающей к жизни череду идеологических химер и медийных мифологем, требующих независимого критического анализа и серьезной академической эксперти-

зы. В противном случае существенно возрастает риск подмены понятий вплоть до неоправданного отождествления национализма с безусловно негативными идейными платформами и социально-политическими практиками шовинизма, нацизма или расизма.

Этому в немалой степени способствует сложившаяся содержательная амбивалентность самого рассматриваемого концепта, нередко сопряженная с предельной поляризацией его оценочного восприятия в диапазоне от радикальной дискредитации любой центрированности на критериях национальной принадлежности и культурной дифференцированности до экстатической апологии этнической самобытности как основы цивилизационной исключительности, что обуславливает бинарность его интерпретаций уже на уровне базовых дефиниций.

Достаточно обратиться к обширной исследовательской и справочной литературе, публицистике, СМИ и интернет-ресурсам, где регулярно поднимается и обсуждается проблема национализма, дабы убедиться в том, что на сегодняшний день универсального определения понятия «национализм» (от фр. *nationalisme*) не существует, а имеющиеся формулировки по их ценностной интенции могут быть условно разделены на три типа: нейтральные, позитивные и негативные.

В первом случае безотносительно к оценочному позиционированию авторского мнения чаще всего констатируется, что национализм – это разновидность идеологии и политическое движение (со своей программой), консолидирующим принципом которых служит последовательное утверждение приоритетности нации в качестве высшего гаранта целостности общества, источника его исторического целеполагания и единственного носителя государственного суверенитета.

Ко второму – позитивному – варианту относятся характеристики национализма, подчеркивающие то обстоятельство, что именно такой комплекс идейных установок и политических принципов может создать максимально благоприятные условия для жизни народа и обеспечить перспективы его успешного развития: формирование национального самосознания и культурной идентичности, сохранение исторической памяти поколений, политическую независимость и территориальную целостность, общественную стабильность и социальную солидарность [1], выработку оптимальных способов взаимодействия общества и власти, защиту экономических интересов и природных ресурсов, консолидацию и мобилизацию общества для решения общих культурных задач и созидания духовных ценностей, устранения внутренних и внешних угроз и т.д.

И, наконец, третья – негативная – трактовка феномена национализма, широко транслируемая современными СМИ, а потому нередко ошибочно ассоциируемая в публичном пространстве с единственно возможным пониманием сущности национализма как такового. Отчасти это объясняется тем, что в отличие от его умеренных версий, как правило, кон-

цептуально ориентированных на модель гражданского национализма, радикальные течения выражают позицию этнонационализма в его крайних формах (расизма, шовинизма, ксенофобии и т.п.), сопряженных с этнической, культурной и религиозной нетерпимостью, акцентуацией превосходства одной национальности над остальными и провоцирующих неприязнь к «иным», включая разжигание розни и дискриминацию по признаку национальной и расовой принадлежности. Подобная экзальтация и агрессивное проявление национальных чувств оказываются востребованными в современном медийном пространстве, становятся катализатором интереса к различным СМИ, увеличивающим их рейтинги и аудиторию. По этой причине сугубо негативный образ крайнего этнокультурного национализма вытесняет в сознании обывателя как все остальные смысловые коннотации данного понятия, так и поведенческие паттерны, реализующие эти представления.

Между тем, в исследовательской литературе прочно укоренился дуальный принцип демаркации видов национализма не только на умеренный и крайний (радикальный), но и на «гражданский» и «этнический». В рамках этой диспозиции «гражданский национализм» репрезентирует себя в более «мягкой» форме универсальных обязательств индивида, являющегося гражданином определенного государства, вне прямой зависимости от собственной национальной принадлежности, владеть языком исторического большинства населения, знать и уважать его историю и традиции, интегрироваться в его культуру и разделять базовые ценности гражданского сообщества, частью которого он является. При этом «гражданский национализм» не предусматривает необходимости этнической или конфессиональной ассимиляции, в силу чего представители отличных от исторического большинства национальных и религиозных диаспор сохраняют свою культурную автономию, право использовать родной язык и придерживаться своего вероисповедания.

В отличие от «гражданского», «этнический национализм» или «этнонационализм» не столь однороден как по декларируемым национальными элитами целям, так и по избираемым средствам их практического достижения. Исходно «этнический национализм» ограничивается комплексом требований, включающих признание права того или иного народа на пользование собственным языком, сохранение исторической памяти и беспрепятственное развитие своей культуры, а также наличие автономии или государственности в пределах исторической территории компактного проживания данного этноса.

Вместе с тем, модели реализации вышеперечисленных требований могут существенно отличаться, образуя жесткую антитезу между теми способами утверждения национальной самобытности и защиты национальной идентичности, которые в принципе не допускают причинения ущерба иным национально-культурным образованиям и их интересам, и

теми, которые базируются на утверждении превосходства по расово-этническим признакам, разжигании национальной вражды и унижении национальных чувств других народов, провоцируя локальные вооруженные конфликты и вовлекая в них «третьи» страны в качестве участников или гарантов достигнутых договоренностей.

Однако восходящее к доктрине Г. Кона [2] и ставшее хрестоматийным для современного западного социально-философского дискурса размежевание идейных установок и руководящих принципов «гражданского» и «этнического», «западного» и «восточного» типов национального самосознания утрачивает свою аксиологическую и институциональную антагонистичность и оказывается искусственной – извне навязанной отечественной духовной традиции – схематизацией живого непосредственного развития национального духа в условиях российского культурно-исторического пространства.

Впрочем, уже в ряде статей западных авторов, исследующих феноменологию национализма, подобная бинарность «гражданственности» и «этничности» как фундирующих интенций национализма подвергается рефлексии в духе «десакрализации» присущих ей идеологических клише. Так, к примеру, Б. Як в статье «Миф гражданской нации» [3] и Р. Брубейкер в статье «Мифы и заблуждения в изучении национализма» [4] указывают на то, что рассматриваемая оппозиция есть не что иное как завуалированное (зашифрованное в недрах научной терминологии) противопоставление «референсных» значений в диаметрально противоположных аксиологических системах отсчета: «мы» и «они», «эллины» и «варвары», справедливый и несправедливый варианты национального самоопределения [5], олицетворением которых неизменно выступают приверженный идеалу мультикультурности толерантно-гражданственный «Запад» и непредсказуемо-спонтанный в своей угрожающей всему «цивилизованному миру» этноцентрированности «Восток» (при условии «предустановленной» гегемонии первого, автоматически возлагающей на него «миссию» максимальной компрометации нормативно-ценностных оснований второго).

Не случайно, свойственный исследовательской стратегии социальных философов и политологов Запада в изучении феномена национализма крен в сторону экстернализации объекта своего анализа М. Биллинг квалифицирует как малодушное стремление самого аналитика изъять его из зоны личностно значимых ценностных и индивидуально-ответственных решений, дабы уйти от «неудобных» вопросов и избежать обвинений в интеллектуальной предвзятости и аксиологической дискриминации [6]. Подобный эффект достигается, как правило, за счет сознательного нарушения закона тождества посредством редукции понятия «национализм» в целом исключительно к неким крайним, зачастую откровенно экстремистским, способам транслирования национальной идеи, последова-

тельно отождествляемым, используя выражение Р. Брубейкера, с проявлениями «*ориенталистской* концепции восточно-европейского национализма» [4, с. 298], который, в свою очередь, выступает синонимом «этнонационализма» как такового.

Очевидная предвзятость подобного рода оценок обнаруживает под слоем академической риторики латентную социально-политическую практику дискредитации любых самобытных этноориентированных моделей культурной идентичности в качестве архаичных, принудительных или и вовсе тоталитарных со всеми вытекающими отсюда негативными характеристиками в противовес якобы безупречному во всех отношениях гражданскому национализму, отстаивающему демократические ценности и культурный плюрализм. Более того, данная посылка основывается на исходной подмене этнического критерия в определении национальной принадлежности комплексом сугубо биологических (генетических) характеристик индивида, в результате чего национальное самосознание сводится к вульгарной эмпирической констатации морфологических различий представителей различных этносов и утрачивает свой когнитивный статус – функцию рефлексирующей деконструкции и последующего воспроизведения своего предмета (национальной принадлежности) на новом ментальном уровне. Иными словами, этническое определение нации как единства происхождения, становления и развития в исторической ретроспективе и общности целе- и смысло-полагания – в глобальной перспективе (порой протирающейся за пределы исторической реальности как земного существования) не может базироваться на платформе биологического редукционизма. Напротив, подлинная реальность национального сообщества конституируется наследованием не ДНК, а групповой идентичности, передаваемой от поколения к поколению и закрепленной в культуре. Именно она, а отнюдь не эфемерная принадлежность к некоему внешне фиксируемому «антропологическому типу», обеспечивает возможность устойчивого различения «мы» и «они», не создавая при этом предпосылок для их ранжирования, и, тем более, насильственного поглощения (ассимиляции), глобалистской унификации или прямого физического уничтожения.

Таким образом, культуралистское понимание природы национализма, интерпретируемого, говоря словами Ю. Хабермаса, как «членство в культурно определяемом сообществе» [7, с. 370], оказывается наиболее продуктивным в качестве концептуальной платформы как для его категориального анализа, так и для создания оптимальной модели успешного функционирования социально-политических институтов современного общества. Такая трактовка сущности национализма способна не только снять существующее в обществе напряженное отношение к его влиянию на все социальные процессы и практики, но и заложить фундамент для построения национальной государственности как пространства социальной интеграции на основе принципов «общего блага» и национальной культуры как проекции исторического единства и моральной эмпатии.

В связи с этим следует, на наш взгляд, дезавуировать еще один оценочный стереотип, а именно, тенденцию рассматривать национализм как идеологическую доктрину, политическую программу и культурно-бытовой уклад жизни индивида сквозь призму дихотомии «национализм – интернационализм», в которой, как ни парадоксально, логически противопоставляемые позиции аксиологически релятивируются, в силу чего могут зеркально меняться местами. Иначе говоря, в зависимости от исторической конъюнктуры диаметрально противоположные принципы национализма и интернационализма либо декларируются элитами и преломляются в общественном сознании в качестве политико-идеологического и духовно-нравственного эталона отношения к иным этнокультурным образованиям, либо категорически осуждаются и табуируются как недолжные и недостойные. Возьмем на себя смелость выдвинуть гипотезу о том, что данная антитеза не является самостоятельной категориальной диспозицией, а представляет собой одну из терминологических редакций уже разоблаченной выше фальсификации – искусственной конфронтации этнического и гражданского национализма как псевдоаксиологической антиномии «плохого» и «хорошего» способа утверждения культурной идентичности как на индивидуальном, так и на социальном уровнях. Ведь в основании любой модели интеграции (гражданской, этнической или интернациональной) всегда лежит акт самосознания как необходимая процедура самоопределения, ответственно мыслящего и автономно действующего существа по отношению к своему идентификационному статусу агента определенной культурной общности, требующая от него состоявшегося самоотождествления с судьбой своего народа, его прошлым, настоящим и будущим. Говоря иначе, национальная или культурная идентичность представляет собой то, что К. Гирц определяет словосочетанием «*примордиальная привязанность*», подразумевая внутренне обусловленную консолидацию, которая «...проистекает из «данностей» – или, точнее, социального бытия» индивидов, а не их биологической классификации [8].

Одной из ключевых «данностей» в этом ряду неизменно выступает язык, языковое родство, учреждающее культурно-историческую самобытность народа как единое коммуникативное и смысловое пространство, в рамках которого задаются и реализуются критерии национальной идентичности. Не случайно, еще И.Г. Фихте отводил языку доминантную роль в определении концепта «народ» как общности, которую образуют «...живущие вместе и продолжающие образовывать свой язык в непрекращающемся сообщении люди, на языковые средства которых осуществляются одни и те же внешние влияния...» [9, с. 113]. А потому искомая аутентичность логической и феноменологической реконструкции национализма может быть обеспечена только в междисциплинарной плоскости усилий социальной философии, историографии, политологии, социологии и лингвокультурологии. Именно такой подход позволяет увидеть в данном концепте не отвлеченно-идеализированную мертвую схему, а живое, орга-

нически развивающееся диалектическое единство целого и его частей, раскрывающееся в многообразии источников и проявлений неповторимо своеобразного и, одновременно, универсального в своей творческой силе **«национального гения»**, ибо «мировой гений» есть всегда и прежде всего – **«национальный гений»**, и всякая попытка создать нечто великое из денационализированной или «интернациональной» души дает в лучшем случае только мнимую, «экранную» «знаменитость» [10, с. 273].

Именно так в своей провидческой и как никогда актуальной сегодня статье-манифесте с красноречивым названием «О русском национализме» (1950) Иван Александрович Ильин методично разрушает инспирированную западной пропагандой мифологию угрожающей «цивилизованному миру» агрессивной экспансии российского этнонационализма, окончательно конституируя его в статусе подлинного – «здорового» – национализма, который «...проявляется прежде всего в инстинкте национального самосохранения, и этот инстинкт есть состояние верное и оправданное», а потому «не следует стыдиться его, гасить или глушить его <...> он должен гореть в национальной культуре и в творчестве национального гения» [10, с. 272].

Концептуальная картина мира являет собой рефлексивное отражение реальности, проходящее сквозь призму общественного сознания и самосознания индивида. В данном ключе мы можем говорить о национальной и индивидуальной картинах мира, которые являются субъективным отражением нашей национальной идентичности.

Концептуальный анализ статьи И.А. Ильина позволяет нам говорить о «концептуальной пирамиде». Методологическое значение и своеобразие данного подхода состоит в том, что авторы представляют концептуальное поле не как структурное единство ядерного компонента и периферии (классическая школа), а в форме «пирамидальной» модели, обеспечивающей системную интерпретацию концептуального пространства. Пирамида фундируется на концепте «национализм» и восходит к вершине, а именно к макроконцепту «Бог», «Божественное начало». Авторы усматривают некое преломление данного концепта в тексте статьи И.А. Ильина в концепт «Бог есть Человек» или «Бог в каждом из нас». Макроконцепт совпадает с общей идейной и интенциональной направленностью статьи русского философа и, в свою очередь, дополняется формированием восходящих от понятия «национализм» системообразующими концептами-гранями «любовь», «вера», «воля» и «созерцание». Все эти концепты когнитивно эксплицируются с точки зрения духовного начала: «... любви к историческому облику и творческому акту своего народа во всем его своеобразии»; «веры в духовную силу своего народа»; «воля к тому, чтобы народ творчески цвел в Божьем саду»; «... созерцание его души, его недостатков, его талантов, его исторической проблематики ...» [10, с. 269-274].

Таким образом, обращение к программной статье И.А. Ильина «О русском национализме», в которой философ блестяще воссоздает целост-

ную императивно-ценностную архитектуру концепта «национализм», позволяет создать благоприятные условия для преодоления сложившейся в современном академическом дискурсе тенденции к феноменологической деконструкции и аксиологической поляризации идеи национальной идентичности как важнейшего культур образующего механизма. В своем предельном выражении эта тенденция провоцирует опасные, логически абсурдные и психологически девиантные, паттерны человека, сознательно отказывающегося от своей этнокультурной идентичности, табуирующего любые формы ее эмоционально-поведенческих проявлений или искренне стыдящегося своей принадлежности к определенной национальной традиции, как некоего атавизма.

В подобном контексте предложенный И.А. Ильиным путь последовательной и радикальной «реабилитации» национализма, предполагающей снятие навязываемой ему идеологической амбивалентности, уход от фатального противоречия целей и средств и преодоление искусственно насаждаемого стереотипа дуальности «плохого» и «хорошего» национализма, есть ни что иное, как продолжение органически присущего русской ментальности стремления к подлинной целостности или «цельности» мироустройства и миропонимания, жизни и смысла, сокровенно личностного и всеобщего соборного устремления к идеалу абсолютного совершенства – к Богу. Не случайно, «концептуальную пирамиду» философского размышления и рассуждения И.А. Ильина, фундаментом которой служит понятие национализма как духовного здоровья, зрелого и ответственного отношения к людям и их братского единства, венчает первоидея Абсолютной Личности Творца – «Христос один во вселенной» [10, с. 271]. К этой вершине устремлены все усилия народного духа, объединенного единым творящим началом «национального гения», из недр которого только и может вырасти универсальное всеединство «мирового гения», ибо «...создать нечто прекрасное, совершенное для **всех** народов – может только тот, кто утвердился в творческом акте **своего** народа» [10, с. 273].

Только в такой концептуальной картине мира, по природе присущей самосознанию российской культуры, заложены основания подлинной гармонии национального и общечеловеческого, рождающего надежду на будущее, в котором человеку не придется делать роковой выбор между идентичностью и универсальностью, а уникальность каждого будет залогом единения всех.

Список литературы

1. Бадзагуа Г.Ж., Межуева Е.О., Клюзова М.Л., Охендушко С.С., Володин С.Ф., Подрезов К.А. Развитие идеи солидарности в традициях западной и русской политической философии: монография / Под общ. ред. Г.Ж. Бадзагуа. Тула: Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого, 2006. 172 с.

2. Kohn Hans. Nationalism: Its Meaning and History. Princeton, N. J., New York, Toronto, and London: D. Van Nostrand Company, Inc., 1955. 192 pp.
3. Як Б. Миф гражданской нации // Прогнозис. 2006. № 2 (6). С. 156–171.
4. Brubaker R. Myths and Misconceptions in the Study of Nationalism // The State of the Nation: Ernest Gellner and the Theory of Nationalism. Cambridge: Cambridge University Press, 1998. Pp. 272-305.
5. Гельфонд М.Л. Парадоксы справедливости // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2015. № 4. С. 151–161.
6. Биллинг М. Нации и языки // Логос. 2005. № 4 (49). С. 44–70.
7. Хабермас Ю. Европейское национальное государство: его достижения и пределы. О прошлом и будущем суверенитета и гражданства. Нации и национализм. М.: Практикс, 2002. 416 с.
8. Гирц К. Интерпретация культур. М.: РОССПЭН, 2004. 557 с.
9. Фихте И.Г. Речи к немецкой нации. СПб.: Наука, 2009. 349 с.
10. Ильин И.А. О русском национализме // Ильин И.А. Наши задачи: Статьи 1948–1954 гг. Т. 1. Париж: Издание Русского Обще-Воинского Союза, 1956. С. 269-274.

Гельфонд Мария Львовна, д-р филос. наук, доц., зав. кафедрой, mlgel-fond@gmail.com, Россия, Тула, Тульский филиал Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова,

Мищук Оксана Николаевна, канд. филол. наук, зам. директора, oksana_mishchuk@yahoo.com, Россия, Тула, Тульский филиал Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова.

PHILOSOPHICAL AND TERMINOLOGICAL ANALYSIS OF THE CONCEPTS OF "NATIONALISM"

M.L. Gel'fond, O.N. Mishchuk

The article is devoted to the comparative analysis of various theoretical models of understanding the historical origins, ideological foundations, socio-political principles and axiological criteria of national identity and institutional-state self-determination of ethnic groups. The focus of the research interest is the concept of nationalism, represented in the contemporary public consciousness by a multitude of ambiguous and heterogeneous terminological connotations (ethnic community, cultural identity, chauvinism, xenophobia, racism, etc.) and social practices. The article examines the phenomenon of binary evaluative characteristics of nationalism, its typological division into "civil" and "ethnic" types is carried out, the obvious advantages of the culturalist approach to the establishment of ethno-cultural identity over the biologizing (genetic) one are demonstrated, and the correlation of nationalism and internationalism as ideological platforms, political programs and everyday ways of life is comprehended. The authors of the article consistently find fault with the multidisciplinary strategy of studying the problem of national identity, comprehensively using the methods of philosophical, comparative-historical and linguoculturological analysis. Russian philosopher I.A. Ilyin's program article "About Russian Nationalism" is the material for the implementation of such a research plan. Its content makes it possible to raise and comprehensively consider a number of problems that are particularly relevant in modern conditions: the specifics and identity of Russian culture, the historical fate and prospects for the development of

Russia as an original cultural and historical type, overcoming the mythological Russian ethno-nationalist threat, the formation of a national idea consolidating the Russian people, etc.

Keywords: culture, national identity, nationalism, civic nationalism, ethnic nationalism, internationalism, chauvinism, discrimination, assimilation, xenophobia, values, language.

Gel'fond Mariya Lvovna, doctor of philosophy, docent, manager of chair, mlgelfond@gmail.com, Russia, Tula, Tula Branch of Plekhanov Russian University of Economics,

Mishchuk Oksana Nikolaevna, candidate of philology, deputy director for science and supplementary education, oksana_mishchuk@yahoo.com, Russia, Tula, Tula Branch of Plekhanov Russian University of Economics.

УДК 130.3

DOI: 10.24412/2071-6141-2022-2-145-154

ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО КАК ПРЕДМЕТ ГУМАНИТАРНЫХ И СОЦИАЛЬНЫХ НАУК

А.Г. Троегубов, И.Н. Петракова

Исследуется проблема интерпретации гражданского общества в рамках различных социальных и гуманитарных наук: социологии, политологии, юриспруденции. Интегральная теория гражданского общества должна включать в себя результаты этих наук, обобщенные социальной философией, для чего необходимо понимать их специфику и отличия от социальной философии. Констатируется, что при изучении гражданского общества исследователи зачастую выходят в область смежных дисциплин, не учитывая особенности их методологии и категориального аппарата. Аргументируется точка зрения, согласно которой социальная философия выполняет интегративную и методологическую функции в рамках междисциплинарных исследований гражданского общества. Отмечено, что социология, политология и право традиционно трактуют социальную философию, политическую философию и философию права как собственные разделы, что приводит к недоучету специфики философского рассмотрения проблемы и невниманию к существенным аспектам феномена гражданского общества. Доказывается, что использование категории «гражданское общество» продуктивно прежде всего в социальной философии, политической философии и философии права.

Ключевые слова: гражданское общество, философия, междисциплинарные исследования.

Необходимость выделения предметного содержания анализа феномена гражданского общества различными науками является актуальной в связи с ростом количества междисциплинарных исследований, показавших свою эффективность в анализе сложных социальных явлений.

На данный момент существует множество наук, все они имеют свою специфику, свою методологию, свой категориальный аппарат, и это разнообразие упорядочивается построением классификаций. Традиционно все науки делятся на точные, естественные, технические, социальные и гуманитарные, но в контексте данного исследования нас будут интересовать только две последние группы, причем необходимо заметить, что часто они не отделяются друг от друга, попадая под общую формулировку «социально-гуманитарное знание». В каких-то ситуациях такое упрощение обосновано, однако, следует признать, что различия между социальными и гуманитарными науками достаточно существенные. Гуманитарные науки понимаются как науки, изучающие человека и артефакты его деятельности (с позиции герменевтики они имеют дело с текстом и его пониманием), а социальные — как науки, изучающие общество и процессы в нем. Конечно, общество и человек тесно взаимосвязаны, однако в исследовании можно ставить акцент на целостности социума, социального организма, это будет подход социальных наук, а можно на человеке и его проявлениях, и тогда мы получим гуманитарный подход. У философии же в этом контексте особый статус, связанный с самим ее подходом: философия изучает наиболее общие закономерности бытия, познания, существования человека и общества, а потому выполняет функцию выработки максимально обобщающего взгляда.

Понимание данных различий имеет большое значение для проведения междисциплинарных исследований, потому как, рассматривая конкретный объект в подходах различных научных дисциплин, требуется четко понимать, чем различаются их методологии и подходы. Применительно к тематике данной статьи оправданно обозначить проблему: формулируя задачу конструкции комплексных, интегральных теорий гражданского общества, их авторы зачастую не достигают заявленной цели поскольку, будучи специалистами в частной области знания, провоцируют хаос в методологии и категориальном аппарате при выходе в смежные дисциплины.

Представляется важным акцентировать, в чем состоит философский, социологический, правовой и другие аспекты проблемы гражданского общества. В ряде работ подобная попытка предпринимается. Например, Ю.М. Резник в период начала исследований тематики гражданского общества в постсоветской социогуманитарной сфере отмечал: «... часть интерпретаций гражданского общества можно отнести условно к «философским» (определяющим метод и роль этого общества в структуре социума); социологическим (выражающим особый способ дифференциации и стратификации общества, наличие социальных групп и институтов), и даже социологизаторским (характеризующим содержание гражданской жизни по «остаточному признаку»...); экономическим трактовкам (делающим акцент на его экономическом происхождении

и способе существования); «политическим» или, точнее, политологическим (рассматривающим данное общество во взаимосвязи с государством, политической системой или, в случае абсолютизации, как эпифеномен государства, его постоянный и неизменный спутник, стремящийся выйти из-под контроля)» [1, с. 25]. Автор обращает внимание на релятивность данного подхода, поскольку он «основывается на выделении дисциплинарных ракурсов рассмотрения гражданского общества, что в современных условиях является весьма проблематично» [1, с. 26]. Последнее уточнение становится более конкретным при ознакомлении с позицией Ю.М. Резника в целом. Она строится с учетом необходимости создания теории гражданского общества как самостоятельной научной и учебной дисциплины, включающей в себя общее теоретическое основание гражданского общества (социально философские ракурсы рассмотрения и общетеоретические аспекты социально-научного познания, т.е. общесоциологический, общепсихологический, общепсихологический), отраслевые или частные теории (исследующие гражданское общество с позиции конкретных социальных наук), специальные теории и концепции (теория общественных ассоциаций, теория гражданских движений) и прикладные области знаний («клиническая», «социология», социальная инженерия и так далее) [1, с.62].

В свою очередь, Г.Ф. Слесарева выделяет в интерпретации гражданского общества следующие подходы:

«философский» подход, определяющий место и роль гражданского общества в общественной мысли в целом, намечающий понятия и методы исследования;

«политический» подход, рассматривающий данное общество во взаимосвязи с государством, политической системой в целом;

«правовой», раскрывающий содержание и роль естественного и позитивного права, соотношение прав и обязанностей в становлении личности и гражданина, в определении социальных групп как институтов гражданской жизни...;

«социальный» подход акцентирует внимание на наличии и функционировании социальных групп и институтов;

«экономический» делает акцент на роли собственности в его происхождении и институционализации;

«исторический» исследует конкретные формы гражданского общества на определенных этапах национальной истории [2, с. 9].

Позиция Ю.М. Резника подкреплена огромным теоретическим и фактологическим материалом, на который он опирается в выводах. Тем не менее, на наш взгляд, для того чтобы определить специфику философского, политологического и других подходов, необходимо сначала четко обозначить методологический базис возможности таковых дифференциаций. То же самое вполне оправдано применительно к позиции Г.Ф. Слеса-

ревой и прочих исследователей. Вызывают также вопросы заявления, подобные тем, что, взаимосвязь гражданского общества и государства рассматривается политологией. А как же философия?

На наш взгляд, в основе выделения различных аспектов проблемы гражданского общества лежит тот факт, что само понятие «гражданское общество» появляется впервые как философская категория. Важнейшая функция философии в отношении науки состоит в том, что «...при освоении новых областей реальности философия размечает категориальную структуру осмысления этой реальности, как бы набрасывает карту местности, расчищает и проводит межевание неисследованного пространства, подготавливая место действия реальных наук» [3].

Наша позиция заключается в следующем. Для выявления политологического, социологического, правового и других подходов к изучению гражданского общества, прежде всего необходимо установить координацию социальной философии с каждой теоретической дисциплиной. Целесообразно выделить следующие аспекты проблемы:

- а) социальная философия и социология;
- б) социальная философия и политология;
- в) социальная философия и право.

Наиболее сложным является анализ соотношения социальной философии и социологии, что объясняется прежде всего отсутствием единства в понимании каждой из них. На наш взгляд, нельзя согласиться с утверждением, что термин «социальная философия» «носит общий характер и не имеет четких определений.» [4, с. 244]. Вполне отчетливо просматриваются два подхода к трактовке социальной философии. Первый интерпретирует её как «автономную исследовательскую область философии, анализирующую общество, историю и человека как субъекта деятельности и социокультурных взаимодействий» [5, с. 609]. При таком подходе социальная философия понимается как познание универсальных закономерностей и принципов функционирования общества («общества вообще», «как такового»), а социология трактуется как рассмотрение конкретных обществ с их конкретными особенностями, структурой и т.д. Второй подход, более узкий — социологический, он, по сути, отождествляет социальную философию с теоретической социологией ([6, с. 153]).

Складывается устойчивая традиция, в рамках которой философы настаивают на самостоятельной ценности социальной философии, а представители частных наук утверждают, что социальная философия — часть их науки. Являясь сторонниками первой точки зрения, авторы считают необходимым все же остановиться на вопросе структуры социологического знания в связи с интерпретацией проблемы гражданского общества.

Обычно в социологии выделяют три уровня обобщений. Низший — «конкретные социологические исследования» (практико-прикладной),

средний — «теории среднего уровня» (теоретико-прикладной) и высший — уровень общетеоретической социологии (теоретико-методологический). На последнем уровне, по мнению К.Х. Момджяна, социология пересекается с социальной философией, теряет свою концептуальную автономию, которая была ей свойственна на предыдущих уровнях, и «приобретает бинарную природу философско-социологического знания» [7, с. 214].

В «Словаре философских терминов» это отличие представляется как еще более глубокое: указывается, что социология «изучает общество на уровне средней абстракции. ...она не дает универсального философского анализа. Она рассматривает эти сферы на микроуровне...» [8, с. 540].

Чтобы четче обозначить это различие, К.Х. Момджян предлагает разграничить понятия «социум» и «общество». Под социумом он предлагает понимать «социальное вообще», которое изучается социальной философией, а под обществом — реальные способы его проявления, конкретные системы устойчивых связей между людьми и социальными группами. Данный подход позволяет рассмотреть социум «в единстве его сущности и существования» [7, с. 111]. Если говорить в этом контексте о гражданском обществе, то социальная философия стремится постичь его сущность, тогда как социология исследует его существование.

Что касается политологии, которая тоже изучает гражданское общество, то, с позиции философа, она отличается от социальной философии более низким уровнем обобщений. Социальная философия исследует то же, что и политология, и в этом плане показательна структура ряда учебников и учебных пособий по социальной философии, обязательно имеющих главу, посвященную анализу политики, политической сферы и т.п. [9, с. 357]. На наш взгляд, эту часть социальной философии правомерно называть термином «политическая философия». Подобной точки зрения придерживается, например, Т.А. Алексеева: «философия политики — это интегральная, но относительно самостоятельная область философского знания. <...> философия политики — это система знаний, раскрывающая содержание, характер и формы политической деятельности, сущность власти, политического выбора и человеческих ориентаций, остающаяся, однако, в рамках философии» [10, с. 127]. Однако в ряде работ по политологии акцент делается не на этом факте, а на том, что политология в широком смысле слова (как совокупность политических наук) включает в себя философию политики. Например, в одном из учебников по политологии читаем: «...сложность объекта политической науки требует специализации научного знания, т.е. создания политологических субдисциплин, обладающих методологической и предметной спецификой. К таким субдисциплинам относятся: политическая философия, политическая социология, политическая антропология, политическая психология, политическая конфликтология, политическая коммуникативистика и др.»

[11, с. 17]. В другом же учебнике прямо указано, что политология включает в себя ряд более частных дисциплин, среди которых есть и политическая философия [12, с. 30].

Отсюда становится ясно, что проблема соотношения социальной философии и политологии трансформируется в проблему соотношения предмета политологии в узком смысле слова и предмета политической философии как части философии социальной. Предмет политологии — это политическая сфера общества, такие её элементы, как государство, партии, другие институты, реализующие власть в обществе или оказывающие на неё влияние. Политическая философия может трактоваться как изучение «наиболее общих оснований, границ и возможностей политики, соотношения в ней объективного и субъективного, закономерного и случайного, сущего и должного, рационального и иррационального» [5, с. 226]. А К.С. Гаджиев указывает на то, что политическая философия «имеет одной из своих целей легитимацию или делегитимацию определенного политического порядка. Она призвана выявить истинность или ложность общепризнанных политических норм и ценностей» [13, с. 95]. Общим для этих трактовок политической философии является направленность на сущностный и ценностный подходы исследования политического, характерные для философского подхода к вопросам политики. У. Кимлика вообще формулирует собственное понимание политической философии как дела моральной аргументации [14, с. 6].

Таким образом, политология (в узком смысле слова) и политическая философия имеют общий объект познания — это политическая жизнь общества, политика в целом, но нетождественные предметы познания, в их конкретных аспектах анализа. Для политологии это — реально происходящая политическая жизнь в различных её феноменах: политическая деятельность, политические отношения и политические технологии. Политическая же философия обращается прежде всего к нормативным и ценностным критериям, её интересует, как должна функционировать политическая система проективно к своему идеалу, почему определяемые стратегии встречают существенные препятствия, а иногда и вовсе недостижимы, и что нужно сделать, чтобы политические ценности, идеалы и нормы реально внедрились в политическую жизнь общества.

В чем же состоит специфика собственно политологического подхода к изучению гражданского общества? Распространенное утверждение, что изучение гражданского общества с точки зрения политологии предполагает анализ его отношений с государством, не даст нам ответ на вопрос. А ответ может быть получен при обращении к фундаментальным философским произведениям, к примеру, таким как «Философия права» Г. Гегеля или «Духовные основы общества» С.Л. Франка (где проблема взаимоотношения гражданского общества и государства является центральной), чтобы убедиться в легковесности собственно политологического подхода.

Вот что мы читаем по поводу определения гражданского общества в политологической литературе: «Гражданское общество — это совокупность граждан государства, а также комплекс самоорганизующихся и самоуправляемых общественных институтов, реализующих частные права и свободы этих граждан и, как правило, юридически регламентирующиеся со стороны государства» [15, с. 131]. Можно привести дополнительные примеры, но и там интересующие нас определения не будут содержать принципиальных отличий.

Очевидно, исследователи-политологи исходят из того, что политическая философия является частью политологии. Однако в данном случае теряется смысл вычленения «политологического» аспекта проблемы гражданского общества. На наш взгляд, говорить о «политологическом» подходе можно лишь в связи с политологией в узком смысле слова. Так, если Г. Гегель рассматривал в «Философии права» общие характеристики гражданского общества, основные принципы взаимоотношения гражданского общества и государства, то политолог А. Токвиль в изданной почти в то же время работе «О демократии в Америке» рассматривает конкретную систему институтов гражданского общества. То есть, политологический подход к исследованию гражданского общества заключается в исследовании реально существующих и функционирующих механизмов взаимодействия гражданского общества и государства, места и роли в них политических партий, выборов, референдумов, программных партийных документов и так далее.

Следующий аспект проблемы — соотношение социальной философии и теории права. Известен спор между Г. Гегелем, относившим философию права к социальной философии, и немецким юристом Г. Гуго, считавшим философию права юридической дисциплиной. В «Философии права» Г. Гегель говорит о том, что философия вырабатывает внеисторичные понятия, к ним обращается любая наука, например, юриспруденция. В отличие от философии, юриспруденция же сосредотачивается на конкретном, исторически существующих правовых институтах и т.д.

В современной литературе позволительно выделить три основных подхода к проблеме соотношения философии права и юриспруденции. Первый утверждает, что философия права — это юридическая дисциплина (или как часть общей теории права, или как самостоятельная юридическая дисциплина, к общей теории права несводимая). Второй рассматривает философию права как чисто философскую дисциплину (считается, что таковая традиция заложена Г. Гегелем). Третий же считает два предыдущих односторонними и утверждает, что «философия права по природе и характеру является одновременно и философской, и юридической дисциплиной... в виде междисциплинарного образования» [16, с. 13].

В чем состоит специфика именно теоретико-правового анализа гражданского общества? К сожалению, данной методологической пробле-

ме посвящено не много исследований, а термин «гражданское общество» употребляется во многих работах как некий модный штамп, не несущий особой смысловой нагрузки. Соответственно, возникает вопрос о необходимости и уместности употребления термина «гражданское общество» в качестве центрального, в соответствии с которым должна быть определена цель, сформированы и решены конкретные задачи исследования.

Встречаются ситуации, когда в ходе теоретико-правового исследования содержание понятия «гражданское общество» чрезмерно сужается при попытке его ретрансляции на язык права. Например, А.В. Юдин высказывает мысль, что гражданское общество «...немыслимо без своего правопорядка, складывается одновременно с ним. Гражданское общество и есть гражданский правопорядок» [17, с. 137] — но, во-первых, само понятие «гражданский правопорядок» является недостаточно определенным в современной юридической науке и порождает споры, во-вторых, возникает серьезное сомнение в обоснованности отождествления его объема с понятием «гражданское общество». Даже если брать за основу определение гражданского правопорядка, приводимое вышеуказанным автором («Гражданский правопорядок — это самоорганизующийся, неофициальный, самовоспроизводящийся, динамичный, в своей первичности ценностно-сориентированный и в своей вторичности — нормативно обеспеченный порядок» [17, с. 135]), получается, что при отождествлении гражданского общества и гражданского правопорядка, чрезмерно расширенным, или иным образом деформированным, оказывается понимание либо одного термина, либо другого.

Рассмотрение философского и теоретико-правового аспектов анализа гражданского общества требует обращения внимания на ряд моментов, относящихся, впрочем, не только к правовым, но и прочим социальным исследованиям. Философия права является философской дисциплиной, трактующей право как специфическое общественное явление, как инструмент регулирования социальной жизни. Она исследует природу и сущность права. Общая теория права, выступая как методология юриспруденции, вырабатывает свои понятия и подходы для анализа правовой реальности. В полной мере это оправданно относить и к категории «гражданское общество». Общая теория права, анализируя реально существующие и функционирующие государственно-правовые явления, использует категорию «гражданское общество», но философский смысл зачастую теряется, и данное понятие употребляется так же, как и собственно юридические термины.

На наш взгляд, использование категории «гражданское общество» продуктивно прежде всего в социальной философии, политической философии, философии права, причем и как в самостоятельных философских науках, и в том случае, когда их включают в структуру социологии, поли-

тологии, права. На более низком уровне обобщения гуманитарных наук это понятие чаще всего только обозначает комплекс определенных социальных явлений, не имея другой познавательной ценности.

Список литературы

1. Резник Ю.М. Гражданское общество как феномен цивилизации. М.: Издательство «СОЮЗ», 1993. 167 с.
2. Слесарева Г. Ф. Идея гражданского общества в европейской культуре (от Платона до Гегеля). Москва: Московский педагогический государственный университет, 2014. 238 с.
3. Андреева О.С. Возвращаясь к вопросу о научном статусе философии и ее месте в системе научного знания // *Universum: общественные науки*. 2016. № 12 (30). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vozvrashchayas-k-voprosu-o-nauchnom-statuse-filosofii-i-ee-meste-v-sisteme-nauchnogo-znaniya> (дата обращения: 25.04.2022).
4. Джери Д. Большой толковый социологический словарь (Collins) Том 2 (П-Я)/ Д. Джери, Дж. Джери. М.: Вече: АСТ, 1999. 527 с.
5. Новая философская энциклопедия: в 4 т. Т.3. Ин-т философии Российской акад. наук; Гл. ред. В. С. Степин. М.: Мысль, 2010. 692 с.
6. Павлов А. В. Параллаксы лисы: к определению предмета и границ социальной философии // *Социологическое обозрение*. 2018. Т. 17. № 3. С. 149-172.
7. Момджян К.Х. Введение в социальную философию: Учеб. пособие. М.: Высш. школа., КД «Университет», 1997. 447 с.
8. Словарь философских терминов / Под ред. В.Г.Кузнецова. М.: ИНФРА-М, 2005. 729 с.
9. Социальная философия: учебник для вузов /Под ред. И. А. Гобозова. М.: Юрайт, 2022. 430 с.
10. Алексеева Т.А. Что такое политическая философия? Статья первая / *Полития*. 2003. № 3. С. 119–157.
11. Пушкарева Г. В. Политология: учебник и практикум для вузов. М.: Юрайт, 2022. 295 с.
12. Пугачев В.П., Соловьев А.И. Введение в политологию: Учебник для студентов вузов. М.: Аспект Пресс, 2005. 477 с.
13. Гаджиев К. С. Политическая философия и социология: Учебник для вузов. Москва: Юрайт, 2022. 451 с.
14. Kymlicka W. *Contemporary Political Philosophy: An Introduction*/ W. Kymlicka. Oxford: Oxford University Press, 2002. 497 pp.
15. Большая актуальная политическая энциклопедия/ Под общ. ред. А. Белякова и О. Матвейчева. М.: Эксмо, 2009. 419 с.

16. Философия права. Курс лекций: Учебное пособие. В 2 т. Т.1/ С.Н. Бабурин, А.Г. Бережнов, Е.А. Воротилин и др. М.: Проспект, 2014. 552 с.

17. Юдин А. В. Правопорядок гражданского общества // Вестник Московского университета МВД России. 2008. № 12. С. 135-137.

Троегубов Андрей Геннадьевич, канд. филос. наук, доц., зав. кафедрой, troegubovandrei@yandex.ru, Россия, Тула, Тульский государственный университет,

Петракова Ирина Николаевна, канд. филос. наук, доц., petrakova_post@mail.ru, Россия, Тула, Тульский государственный университет.

CIVIL SOCIETY AS A SUBJECT OF HUMANITIES AND SOCIAL SCIENCES

A.G. Troeguhov, I.N. Petrakova

The problem of interpretation of civil society within the framework of various social sciences and humanities: sociology, political science, jurisprudence is being studied. An integral theory of civil society should include the results of these sciences, generalized by social philosophy, and for this it is necessary to understand their specificity and differences from social philosophy. It is stated that when studying civil society, researchers often go into the field of related disciplines, not taking into account the peculiarities of their methodology and categorical apparatus. The point of view is argued, according to which social philosophy performs integrative and methodological functions within the framework of interdisciplinary studies of civil society. It is noted that sociology, political science and law traditionally interpret social philosophy, political philosophy and philosophy of law as their own sections, which leads to underestimation of the specifics of the philosophical consideration of the problem and inattention to the essential aspects of the phenomenon of civil society. It is proved that the use of the category "civil society" is productive, first of all, in social philosophy, political philosophy and philosophy of law.

Keywords: civil society, philosophy, interdisciplinary studies.

Troegubov Andrey Gennadievich, candidate of philosophy science, docent, manager of cathedra, tulgu_filosofia@mail.ru, Russia, Tula, Tula State University,

Petrakova Irina Nikolaevna, candidate of philosophical science, docent, petrakova_post@mail.ru, Russia, Tula, Tula State University.

СОДЕРЖАНИЕ

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИНСТИТУТЫ, ПРОЦЕССЫ И ТЕХНОЛОГИИ

Митрофанова А. В., Рязанова С. В., Пляйс Я. А.

Место как палимпсест
событий и интерпретаций в политике памяти
(на примере музея «Следственная тюрьма НКВД»).....3

Петросянц Д.В.

Влияние неэкономических факторов
на продвижение российских компаний на внешние рынки.....17

Логинов К.О.

Информационное воздействие на электорат
при проведении выборов.....28

ПОЛИТИЧЕСКАЯ РЕГИОНАЛИСТИКА. ЭТНОПОЛИТИКА

Шатохин М.В., Новосельский С.О., Пастухова Л.С.

Региональные аспекты молодежной политики
в системе развития общественной экосистемы.....43

Огнева В.В.

Геополитическое самоопределение России
в контексте украинского кризиса53

СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА, СОЦИАЛЬНЫЕ ИНСТИТУТЫ И ПРОЦЕССЫ

Бродовская Е.В. , Лукушин В.А. , Синяков А.В.

Формирование цифрового гражданства в школе:
результаты социологического исследования
в Ставропольском крае.....61

Коннова З.И., Семенова Г.В.

Роль технологии дополненной реальности
в процессе развития социокультурной компетенции
при обучении иностранному языку.....71

<i>Алексеенок А.А., Воробьева А.В., Алексеенок Е.А.</i> Молодежь современной России как ключевой ресурс модернизации социума.....	79
<i>Титова Е.В., Исаев А.В.</i> Влияние вузовской профессиональной подготовки на развитие ценностных карьерных ориентаций студенческой молодёжи.....	90
<i>Баранова Г.В., Музалевский В.И.</i> Конфликт в воинских коллективах как фактор социального самочувствия военнослужащих.....	101
<i>Каира Ю.В., Михалев И.В., Путилина Ю.Ю.</i> Влияние рекламы на формирование мировоззрения студенческой молодёжи.....	112

ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ

<i>Погудина Т.В.</i> К вопросу о философских спорах по поводу роли интеллигенции в российском обществе.....	127
--	-----

СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ

<i>Гельфонд М.Л. , Мищук О.Н.</i> Философско-терминологический анализ понятия «национализм»	136
<i>Троегубов А.Г., Петракова И.Н.</i> Гражданское общество как предмет гуманитарных и социальных наук.....	145

Научное издание

**ИЗВЕСТИЯ
ТУЛЬСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА**

ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

Выпуск 2

Редактор Т.Я. Селищева

Учредитель:
ФГБОУ ВО «Тульский государственный университет»,
300012, г. Тула, просп. Ленина, 92

Изд.лиц. ЛР № 020300 от 12.02.97.
Подписано в печать 22.06.22. Дата выхода в свет 30.06.22.
Формат бумаги 70х100 1/16. Бумага офсетная.
Усл. печ. л. 25,5.
Тираж 500 экз. Заказ 078.
Цена свободная

Адрес редакции и издателя:
300012, г. Тула, просп. Ленина, 95

Отпечатано в Издательстве ТулГУ.
300012, г. Тула, просп. Ленина, 95